

КРИТИКА
СОВРЕМЕННЫХ
МЕЛКОБУРЖУАЗНЫХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ТЕОРИЙ

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА СОВРЕМЕННЫХ МЕЛКОБУРЖУАЗНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ

МОСКВА «ЭКОНОМИКА»

1979

Коллектив авторов:

введение и глава 1 — кандидат экономических наук *Б. И. Фролов*; глава 2 — доктор исторических наук, профессор *Ф. Я. Полянский*; глава 3 — *А. Г. Сыров*; глава 4: § 1—4 — *С. З. Бубликов*; § 5 — кандидат экономических наук *Е. Ф. Авдокушин*.

Руководитель авторского коллектива доктор исторических наук, профессор *Ф. Я. Полянский*.

Научный редактор *Б. И. Фролов*.

К $\frac{10702-056}{011(01)-79}$ 5—79. 0603010300

ВВЕДЕНИЕ

Современный этап исторического противоборства между социализмом и капитализмом предъявляет новые требования к идеологической борьбе. Как отмечалось на XXV съезде КПСС, в условиях, когда идейное противоборство двух систем становится более активным, империалистическая пропаганда — более изощренной, в борьбе двух мировоззрений необходима высокая политическая бдительность, активная, оперативная и убедительная пропагандистская работа, своевременный отпор враждебным идеологическим диверсиям¹.

Это в полной мере относится и к критике идеологических концепций оппортунизма, который стремится разъединить мировое коммунистическое и рабочее движение. Анализ социал-реформистской разновидности правого оппортунизма, а также современного троцкизма и маоизма подтверждает сделанный В. И. Лениным вывод об идейном родстве различных оппортунистических течений.

Новые возможности и перспективы, которые в настоящее время открываются перед мировым рабочим движением, обуславливают необходимость диалектического сочетания поиска путей сотрудничества всех демократических сил во главе с рабочим классом и критики теории и практики оппортунизма. Принципиальная линия коммунистов, получившая подтверждение на XXV съезде КПСС и Конференции коммунистических и рабочих партий Европы в Берлине (1976 г.), состоит в том, что сотрудничество и единство действий с социалистами и социал-де-

¹ См. Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, с. 74.

мократами не означает идеологического сближения научного коммунизма с реформизмом. Борьба за марксистско-ленинские основы коммунистического движения против попыток их исказить или подорвать остается общей задачей¹.

Стремление к достижению единства рядов рабочего класса в капиталистических странах и в международном масштабе придает особую актуальность исследованию места и роли социал-реформизма в современной идеологической борьбе, выяснению социально-экономических корней реформизма, а также анализу факторов, способствующих сохранению влияния реформизма в рабочем движении, и факторов, углубляющих идейно-политический кризис социал-демократического движения. В предлагаемой вниманию читателей книге большое место занимает критический анализ основных национальных форм реформизма: австрийского, западногерманского и английского.

Большую роль в идейном разоблачении современного оппортунизма играет борьба с экономическими фальсификациями троцкизма, с идеологией и политикой маоизма. Современный троцкизм не имеет массового влияния. Для него характерно политическое сектантство, наличие немногочисленных, постоянно меняющих свой состав групп. Но борьба с троцкизмом и его разоблачение необходимы, так как, выступая под флагом марксизма-ленинизма, троцкисты вносят раскол в ряды рабочего и коммунистического движения. Что касается маоизма, то актуальность критики его политики и идеологии особо подчеркнута на XXV съезде КПСС. «Эта политика,— говорилось в докладе Л. И. Брежнева,— не только совершенно чужда социалистическим принципам и идеалам, но по существу стала важным резервом империализма в его борьбе против социализма»².

Идейное противоборство со всеми разновидностями правого оппортунизма современной социал-демократии, разоблачение «левого» оппортунизма маоистов и троцкистов является одной из важных задач борьбы за единство рабочего класса, за сплочение вокруг рабочего класса всех революционных и демократических сил.

¹ См. Материалы XXV съезда КПСС, с. 31.

² Там же, с. 10.

Глава 1

СОЦИАЛ-РЕФОРМИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Социал-демократические партии капиталистической части мира, выступая под различными названиями, представляют собой относительно влиятельное идейно-политическое течение в рабочем движении. В настоящее время социалистические, социал-демократические и другие партии, входящие в международный политический центр — Социалистический интернационал (Социнтерн), насчитывают более 15 млн. человек. В этих партиях значительную часть составляют трудящиеся, рядовые члены профсоюзов. Широкие массы избирателей отдают свои голоса за социал-демократов на выборах. Во второй половине 70-х годов представители этих партий входили в правительства, причем многие партии возглавляли однопартийные правительства. Социал-демократические партии широко представлены в буржуазных парламентах, оказывают серьезное влияние на профсоюзные, молодежные, женские и другие массовые организации.

Каковы же основные причины сохранения относительного влияния социал-демократии на широкие массы трудящихся? В чем заключается основа противоречивости и двойственности идеологии и политики реформизма?

1. Социально-экономические корни и противоречия реформизма

Социал-реформизм как политическое течение в рабочем движении и как идеология оформился в последней трети прошлого века. Основное содержание реформиз-

ма — теория и практика сотрудничества с капиталом, отказ от коренных интересов и главных целей рабочего класса. «Главное в оппортунизме есть идея сотрудничества классов», — писал В. И. Ленин¹.

Марксизм-ленинизм учит, что корни реформизма необходимо искать в конкретной социально-экономической действительности — экономике, политике, идеологии. В. И. Ленин отмечал тесную связь оппортунизма и реформизма с переходом капитализма в его высшую и последнюю стадию — империализм. Он указывал на ряд явлений, которые объективно обуславливают разный уровень классового сознания различных отрядов рабочего класса в эпоху монополистического капитализма. Это прежде всего самый факт роста рабочего движения. Втягивание новых слоев трудящейся массы неизбежно должно сопровождаться штатаниями в области теории и тактики, повторениями старых ошибок, временным возвратом к устарелым взглядам и к устарелым приемам². Главной опорой буржуазии, подчеркивал В. И. Ленин, является «...слой обуржуазившихся рабочих или „рабочей аристократии“, вполне мещанских по образу жизни, по размерам заработков, по всему своему миросозерцанию...»³. Империализм создает экономическую возможность подкупа верхних прослоек пролетариата за счет гигантских сверхприбылей «...и тем питает, оформливает, укрепляет оппортунизм»⁴. На уровень классового сознания различных отрядов рабочего класса оказывает влияние также тактика социально-экономического маневрирования господствующего класса; постоянное давление буржуазной идеологии; степень развития классовой борьбы как в отдельных странах, так и в международном масштабе и т. п.

Различный уровень классового сознания отдельных отрядов пролетариата, постоянное проникновение мелкобуржуазной и буржуазной идеологии создают почву для существования разных течений в рабочем движении, являются социальной базой различных рабочих партий, в том числе и реформистских. В отставании классового

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 247—248.

² См. там же, т. 20, с. 65.

³ Там же, т. 27, с. 308.

⁴ Там же, с. 402.

сознания отдельных слоев трудящихся от развития революционного процесса заключена одна из важных причин живучести реформизма в рабочем движении. Другими словами, существует ряд объективных факторов, которые могут служить источниками реформизма. Однако это не означает, что они всегда и при любых обстоятельствах обязательно ведут к распространению реформизма. При определенных условиях многие из этих факторов могут быть успешно использованы для повышения уровня классового сознания пролетариата.

Основное содержание идеологии и политики реформизма — классовое сотрудничество с буржуазией. Лидеры правой социал-демократии, профсоюзная верхушка в настоящее время оказались полностью интегрированы в систему государственно-монополистического капитализма. Вместе с тем структура социальной базы, зависимость от трудящихся масс обязывают социал-демократические партии придавать своей идеологии и политике такую форму, которая создавала бы иллюзию борьбы за интересы трудящихся. В определенных условиях лидеры социал-демократии вынуждены идти на некоторые реформы, в какой-то степени способствующие изменению положения трудящихся. Буржуазии это даже выгодно, так как без подобного сглаживания остроты социальных конфликтов можно потерять гораздо больше. В результате получается, что реформы социал-демократов способствуют укреплению позиций крупного капитала.

Процесс маневрирования социал-реформизма в политике и идеологии сложен и противоречив. Он зависит и от степени влияния социальной базы, которое различно в разных странах и в различные исторические периоды. Многое здесь определяется углублением общего кризиса капитализма, обострением его противоречий, развитием мирового революционного процесса. Однако в конечном счете противоречие между широкой социальной базой и политикой классового сотрудничества с капиталом служит ключом к правильному пониманию роли и места социал-реформизма в идеологической борьбе как в прошлом, так и в настоящем.

Основные концепции современной реформистской идеологии сложились в конце 50-х — начале 60-х годов в условиях относительно благоприятной для ряда капиталистических стран экономической конъюнктуры и политики

«холодной войны». Они официально зафиксированы в принятых в тот период программах социалистических партий, в декларациях конгрессов Социнтерна, изложены в многочисленных работах идеологов и лидеров социал-демократии, в реформистской периодической печати. Синонимом реформистской идеологии стала концепция «демократического социализма» — теоретическое обоснование «третьего пути развития», якобы принципиально отличающегося как от тенденций развития государственно-монополистического капитализма, так и от пути к коммунизму.

Экономическая программа «демократического социализма» по существу представляет собой механическое соединение иллюзий довоенного реформизма с новейшими буржуазными экономическими теориями: неокейнсианством, неолиберализмом, концепциями «индустриального общества». Идеологи реформизма характеризуют современный империализм как процесс «трансформации капитализма» в общество, якобы сочетающее элементы капитализма и социализма и способное благодаря реформам эволюционировать в направлении реформистского социализма. Государственно-монополистический капитализм трактуется ими как «смешанная экономика» и «государство всеобщего благоденствия», а классовая борьба подменяется «социальным партнерством».

Официальная трактовка основных идеологических установок социал-демократии нашла выражение в декларации учредительного конгресса Социнтерна (1951 г.) «Цели и задачи демократического социализма», а также в программных документах лейбористской партии Великобритании, социал-демократических партий Швеции, ФРГ, Австрии. В этих документах дано идеологическое обоснование политики классового сотрудничества правой социал-демократии и буржуазии. Если идейные предшественники современного реформизма — Э. Бернштейн, К. Каутский, Р. Гильфердинг и другие — вели борьбу с марксизмом на почве его формального признания и «обновления», то в отмеченных документах идеологи социал-демократии отказались от марксизма и по существу и по форме, прикрываясь фразами о его «устарелости». Выступая якобы против капитализма и против социализма, правая социал-демократия по существу сосредоточила внимание на борьбе против марксизма-ленинизма, теории

научного коммунизма и практики реального социализма. Для выступлений многих лидеров социал-демократии и официальных деклараций 50-х годов были характерны воинствующий антисоветизм и антикоммунизм, отказ от совместных действий с коммунистами. Ряд лидеров правого реформизма навязали своим партиям участие в колониальных авантюрах, в борьбе против национально-освободительного движения.

Идейно-политический кризис социал-реформизма особенно ярко проявился в конце 60-х годов. Углубление общего кризиса капитализма, нарастание классовой борьбы в капиталистических странах, с одной стороны, крупные социально-экономические успехи мировой социалистической системы и национально-освободительного движения — с другой, — убедительное свидетельство развития мирового революционного процесса. На XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул: «Теперь все видят: опровергнут один из главных мифов, созданных реформистами и буржуазными идеологами, — миф о том, будто капитализм наших дней способен избавиться от кризисов. Нестабильность капитализма становится все более очевидной»¹. Социал-демократия оказалась перед необходимостью совершенствования своего идейно-теоретического арсенала.

Идеологи реформизма применительно к новым условиям вынуждены вносить некоторые коррективы как в лозунги «демократического социализма», так и в политику социал-демократического движения. Глубина и формы этой корректировки в разных партиях различны. В одних социалистических партиях (французской, итальянской, японской) изменения коснулись как внутренней, так и внешней политики, а в других (западногерманской, австрийской, британской) — в основном внешней политики. К позитивным сдвигам, происходящим в настоящее время в социал-демократическом движении, относятся частичное освобождение современного реформизма от некоторых наиболее одиозных догм периода «холодной войны», более реалистический подход к актуальным проблемам международных отношений, тенденции к установлению контактов, а в ряде случаев и сотрудничества с коммунистами.

¹ Материалы XXV съезда КПСС, с. 28.

Наиболее общими чертами «нового курса» в идеологии реформизма являются: активизация идеологической борьбы, попытки углубить теоретическое обоснование концепции «демократического социализма» как «третьего пути развития», разработка новых, более гибких буржуазных реформ, идеологическая маскировка этих реформ под процесс строительства «демократического социализма». XII конгресс Социнтерна (1972 г.) призывал «начать новое идеологическое наступление» социал-реформизма, пересмотреть прежнюю линию «деидеологизации» и взять курс на «реидеологизацию». Этот «новый курс» получил выражение в ряде официальных программных документов ведущих социал-демократических партий.

В данной книге анализируются ориентировочная программа СДПГ на 1975—1985 гг. (1975 г.), долгосрочный программный документ Социалистической партии Австрии (1978 г.). Конечно, речь идет не о коренном пересмотре разработанной ранее концепции «демократического социализма», а о приспособлении этой концепции к изменившимся условиям идеологической борьбы.

Для современного идеологического курса социал-реформизма характерно относительное смягчение воинствующего антикоммунизма и антисоветизма, хотя этот процесс протекает не во всех странах одинаково. В одном из своих выступлений в 1974 г. лидер ФСП Ф. Миттеран, сохраняя критическое отношение к «коммунизму вообще», признал, что «антикоммунизм является старым делом», деятели социалистической партии внесли свой «вклад» в антикоммунистическую, антисоветскую пропаганду, «социалисты иногда поддавались этому увлечению».

Далее он отметил, что «разрядка напряженности, развивая и осуществляемая Леонидом Брежневым, достигает своих целей»¹.

Особенности идеологии современного реформизма невозможно полностью раскрыть без учета таких реалий, как первые шаги в налаживании контактов и сотрудничества социал-демократов с коммунистами, развитие процесса разрядки международной напряженности.

¹ Цит. по: Согомонян Г. С. Апологетические концепции социал-реформизма. М., Мысль, 1975, с. 198—199.

Как отмечал Б. Н. Пономарев во введении к семитомному изданию «Международное рабочее движение», коммунистические партии добились в последние годы позитивного сдвига в налаживании сотрудничества и единства действий с социал-демократическими партиями в самых различных формах, начиная от кампании поддержки народов Вьетнама и патриотов Чили до совместных выступлений коммунистов и социалистов Франции, Италии, Японии, Финляндии и других стран¹.

Значительный вклад в развитие единства рабочего движения, в установление плодотворных контактов между коммунистами и социал-демократами вносит КПСС. Среди участников конференции Социнтерна по разоружению в Хельсинки (1978 г.) живейший отклик вызвало переданное по поручению ЦК КПСС приглашение товарища Л. И. Брежнева делегации Социалистического интернационала посетить Москву для обсуждения на высшем уровне проблем прекращения гонки вооружений и последующего разоружения во всем их объеме. О благоприятном ответе Л. И. Брежнева на просьбу об установлении контактов и обмене мнениями с социал-демократами говорил на XIV конгрессе Социнтерна в Ванкувере (ноябрь 1978 г.) председатель социал-демократической партии, премьер-министр Финляндии К. Сорса.

Налаживание, укрепление и расширение сотрудничества различных сил в рабочем движении — это длительный и сложный процесс. Речь идет о сотрудничестве партий, в основе деятельности которых находятся различные идеологические и политические установки, разные традиции и формы борьбы. Большое значение для развития этого процесса имеет критика идеологии реформизма.

Опыт сотрудничества коммунистов и социалистов Франции, которые в 1972 г. подписали совместную правительственную программу, показал, что реформистская идеология и политика классового соглашательства правой социал-демократии создают серьезные преграды на пути такого сотрудничества.

Разногласия между французскими коммунистами и социалистами по вопросу обновления совместной прави-

¹ См. Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Том первый. Возникновение пролетариата и его становление как революционного класса. М., Мысль, 1976, с. 31.

тельствственной программы перед парламентскими выборами в марте 1978 г. переросли в кризис, в результате которого социалисты фактически отказались от этой программы. Однако руководящие деятели Французской социалистической партии высказываются за сохранение единства левых сил в борьбе против монополий. Лидер ФСП Ф. Миттеран, определяя перспективы партии, заявил: «Социалистическая партия отвергает установление коммунистического общества, но намерена вместе с коммунистами создать социалистическое общество, в котором трудящиеся и угнетенные социальные классы будут в состоянии управлять, быть государством; она намерена осуществить преобразования, к которым стремится страна»¹.

Противоречивость и непоследовательность проявляются также в отношении социал-демократии к проблеме разрядки международной напряженности. Успехи мирных инициатив социалистических стран, утвержденная на XXV съезде КПСС Программа дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов настоятельно потребовали от социал-демократии дать ответ на эти злободневные вопросы. Серьезный шаг вперед в борьбе за мир, безопасность, разоружение был сделан на XIII конгрессе Социнтерна (1976 г.). Символичным было и избрание председателя СДПГ В. Брандта новым председателем Социнтерна. Известно, что он способствовал ослаблению напряженности между Востоком и Западом. Возросшая озабоченность широких масс трудящихся нынешней международной обстановкой, агрессивной политикой империалистических государств нашла отражение в выступлениях участников конференции Социнтерна по разоружению в Хельсинки и XIV конгресса Социнтерна в Ванкувере. Но политика лидеров социал-демократических партий, многие из которых являются главами или членами правительств стран — членов НАТО, часто противоречит декларациям Социнтерна.

Таким образом, предпринятая в 70-х годах некоторая корректировка идеологии и политики социал-демократии не означает изменения оппортунистической стратегии или отхода от противоборства с научным социализмом. Эта

¹ Цит. по: Рабочий класс и современный мир, 1978, № 5 с. 101.

корректировка курса отражает факт успешного идеологического наступления социализма, возрастающего идейного влияния коммунистических партий на широкие слои трудящихся, процессы дифференциации в самом социал-демократическом движении. В современной идеологической борьбе реформизм занимает антиреволюционные, антикоммунистические позиции, широко используя наиболее гибкие, «эластичные» методы и средства социального маневрирования. Тем самым социал-реформизм выполняет свою специфическую задачу в общей идеологической стратегии империализма наряду с ревизионизмом и буржуазной апологетикой.

Позиция коммунистов в отношении современного социал-реформизма четко выражена в документах международного Совещания коммунистических и рабочих партий в 1969 г., подтверждена в 1976 г. на Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. На XXV съезде КПСС было сказано о том, что заметно расширились контакты КПСС с социалистическими и социал-демократическими партиями ряда стран, и отмечалось, что работа в этом направлении будет продолжена. Вместе с тем в документах съезда подчеркивается, что «...об идеологическом сближении научного коммунизма с реформизмом социал-демократов не может быть и речи»¹.

2. Реформистская концепция «трансформации капитализма»

В основе взглядов правых социал-реформистов на экономическую систему современного капитализма, как и в основе буржуазных концепций, находится идея «трансформации капитализма». Общее между ними не столько в терминологии, сколько в аргументации и конечных выводах. Все варианты концепции «трансформации капитализма» — буржуазные или реформистские — утверждают, что современный капитализм будто бы коренным образом отличается от «раннего» капитализма, что он якобы избавился от основных своих пороков и вполне отвечает потребностям современного общественного развития.

Если буржуазные апологеты называют «трансформированный капитализм» такими якобы идеологически

¹ Материалы XXV съезда КПСС, с. 32.

нейтральными терминами, как «новое индустриальное» или «постиндустриальное общество», то правые социал-реформисты представляют современный государственно-монополистический капитализм как некий симбиоз капитализма и социализма, как процесс построения «демократического социализма» путем постепенного реформирования капитализма. Причем в периоды наиболее резкого обострения противоречий капитализма и классовой борьбы трудящихся «некапиталистическая» стратегия правой социал-демократии усиливается и приобретает черты критики некоторых «негативных тенденций» существующего строя.

Однако реформистская критика капитализма не затрагивает его наиболее существенных черт. В условиях углубления общего кризиса капитализма и роста его противоречий идеологи реформизма в целях сохранения влияния на рядовых социалистов и широкие массы трудящихся вынуждены прибегать и к такой форме идеологической маскировки капитализма, которая основана на отрицании самого существования этого строя, его трансформации в «некапитализм». Но «антикапиталистические» заявления теоретиков и лидеров правой социал-демократии по существу представляют собой идеологический прием защиты государственно-монополистического капитализма.

В оценке современного капитализма социал-реформисты противопоставляют себя марксизму-ленинизму, и прежде всего его экономическому учению, начиная от общих методологических основ теории капиталистического способа производства и кончая актуальными вопросами кризиса мирового капитализма. В соответствии с проводимой ими политикой соглашательства с капиталом реформисты сосредоточивают внимание на таких экономических вопросах, которые в тот или иной период в наибольшей мере способствуют практическому осуществлению общей оппортунистической цели. В идеологии современного реформизма на первый план выдвигается апологетическая трактовка сущности и социально-экономических последствий научно-технической революции, концепция «смешанной экономики», а также искаженная трактовка экономической роли буржуазного государства. По мнению социал-реформистов, именно эти явления и процессы якобы свидетельствуют о коренной «трансформации» эко-

номической основы капиталистического общества. Рассмотрим их аргументы.

Одним из широко распространенных в настоящее время реформистских приемов идеологической маскировки капитализма является апологетическая трактовка сущности и социально-экономических последствий современной научно-технической революции, которую идеологи социал-реформизма пытаются представить в качестве «новой», или «второй промышленной революции», якобы ведущей к «трансформации капитализма». С этой целью проблемы научно-технической революции исследуются в отрыве от анализа общего кризиса капитализма, поддерживаются представления об автономности развития производительных сил. Идеолог французского социал-реформизма А. Филипп в книге «Социалисты» пишет, что «новая промышленная революция все более и более глубоко изменяет социальные структуры», поэтому «в индустриальной стране революция в романтическом смысле народного восстания, влекущего за собой не только изменения правительства, но и всей системы социальных структур, более невозможна»¹. Подобные оценки современной научно-технической революции, которой приписывается решающая роль в процессе коренной «трансформации капитализма», содержатся и в программных документах ведущих социал-демократических партий.

Однако аналогия с промышленным переворотом конца XVIII — начала XIX в. (по терминологии идеологов социал-реформизма — «первой промышленной революцией») несостоятельна в методологическом отношении и противоречит действительности. Марксизм-ленинизм связывает с промышленным переворотом XVIII—XIX вв. не только коренные изменения в материально-технической базе производства, но и глубокие изменения в производственных отношениях, направленные на утверждение господства капитализма как способа производства. Происходящие же в настоящее время под воздействием научно-технической революции глубокие изменения в материально-технической основе капиталистического производства, некоторая модификация производственных отношений капитализма не дают основания называть эти процессы «промышленной революцией», а тем более

¹ Philipp A. Les socialistes. Paris, 1968, pp. 209, 230.

социальной революцией, якобы превращающей капитализм в социализм.

Научно-техническая революция оказывает большое влияние на социально-экономические процессы современного капиталистического общества. Но ее последствия совсем иные, нежели это представляется правым реформистам. Анализ основных тенденций современного капитализма показывает, что научно-техническая революция не изменила объективных законов капиталистического производства, не ликвидировала антагонизмов и противоречий капиталистического общества, не решила его коренных социальных проблем. Государственно-монополистический капитализм пытается втиснуть научно-техническую революцию в узкие для нее рамки закона прибавочной стоимости, использовать ее для укрепления господства буржуазии и усиления эксплуатации трудящихся. Научно-техническая революция на деле ведет не к «трансформации капитализма», а к его закату, обостряя и углубляя основное противоречие буржуазного общества, порождая новые социальные конфликты.

Проблема капиталистической собственности на средства производства является своеобразным индикатором, определяющим классовые позиции правой социал-демократии в оценке современного капитализма. Как утверждают идеологи правой социал-демократии, возникновение и расширение государственного сектора в развитых капиталистических странах изменяет природу современного капитализма, так как это ведет к созданию якобы принципиально различных секторов экономики, основанных на двух формах собственности: государственно-правовой (государственное капиталистическое предпринимательство) и частно-правовой (все остальные формы буржуазной собственности). В этой так называемой «смешанной экономике» правые социал-реформисты видят экономическую основу современного «государства всеобщего благоденствия», якобы пришедшего на смену буржуазному государству. Именно «смешанная экономика», по мнению идеологов правой социал-демократии, является наиболее эффективной формой развития производительных сил современного общества, может служить экономической основой его эволюции к реформистскому «демократическому социализму». Идея «смешанной экономики» в том или ином виде находит отражение в программных

документах социалистических и социал-демократических партий.

Идея «смешанной экономики» обязана своим происхождением буржуазным экономистам. «Творческий вклад» теоретиков социал-реформизма в разработку концепции «смешанной экономики» состоит в эклектическом сочетании различных буржуазных концепций, имеющих наибольшее распространение в той или иной стране. Так, теоретики СДПГ разрабатывают вариант «смешанной экономики» на основе заимствования буржуазной неолберальной модели «социального рыночного хозяйства» и некоторых неокейнсианских рецептов государственного регулирования. Если у буржуазных экономистов «смешанная экономика» представляется как простое сочетание государственного и частного секторов, то, по мнению лидеров и теоретиков правой социал-демократии, в «смешанной экономике» сочетаются социалистические и капиталистические элементы. Если для первых «смешанная экономика» является в какой-то мере конечным пунктом «трансформации капитализма», то для вторых это промежуточный пункт и экономическая основа мирного «врастания капитализма в социализм».

Правый социал-реформизм пропагандирует «смешанную экономику» как объективную реальность, противопоставляя ее, с одной стороны, государственно-монополистическому капитализму, а с другой стороны, подлинному процессу революционного перехода от капитализма к социализму, научным закономерностям строительства социалистического общества. Критически рассматривая первый аспект этой проблемы, можно заметить, что за термином «смешанная экономика» фактически скрывается современная государственно-монополистическая структура экономики в том виде, в каком она сложилась в странах развитого капитализма. При этом частному сектору приписывается потенциальная способность капитализма к самопревращению в «некапитализм», а в государственном секторе и государственном регулировании экономики правые социал-реформисты видят уже готовые элементы социализма.

Коренными пороками социал-реформистских концепций «смешанной экономики» являются противопоставление государственного предпринимательства частнокапиталистическому сектору экономики и извращенная трак-

товка экономической роли буржуазного государства. Сущность той или иной формы собственности (и соответственно типа предприятия) определяется содержанием экономических отношений.

С этой точки зрения предприятия и частного и государственного секторов экономики в капиталистических странах относятся к одному типу — капиталистическому.

Государственная собственность не является особенностью какого-либо способа производства. Она существовала в докапиталистических формациях, имеет место на ранних этапах развития капитализма и играет большую роль в условиях государственно-монополистического капитализма. Ее характер определяется господством того или иного класса в государстве. Если государство является буржуазным, осуществляет классовое господство капиталистов, то и государственный сектор является разновидностью капиталистической собственности, а производственные отношения на государственных предприятиях остаются отношениями антагонизма и эксплуатации.

Правые социал-реформисты искажают вопрос об истинных причинах существования государственного сектора в развитых капиталистических странах, особенно в странах Западной Европы. А между тем это одно из проявлений кризиса капиталистических производственных отношений, в результате которого буржуазия возлагает ответственность за часть общественного капитала на «совокупного капиталиста» в лице государства. Как отмечал Ф. Энгельс, с переходом части средств производства в собственность буржуазного государства «капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки»¹.

Функционирование государственного сектора в условиях государственно-монополистического капитализма противоречиво. Для укрепления господства монополий, класса капиталистов в целом в зависимости от конкретных условий буржуазией используется и огосударствление и приватизация. Если требование национализации создает угрозу расширению и укреплению позиций круп-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 290.

ного капитала, то отношение правящей верхушки к идее национализации резко меняется.

Соответственно с интересами капитала строит свою стратегию и правая социал-демократия. Убедительный пример тому — разногласия по вопросу о пересмотре совместной правительственной программы коммунистов и социалистов во Франции. Если ФКП предлагала в рамках совместной программы национализировать 729 компаний, то социалисты — 227, оставляя монополиям широкое поле для маневров с целью избежать перехода предприятий под контроль государства¹. Понятно, что национализация по рецепту социалистов существенно не изменила бы распределение экономической и политической власти во Франции.

Противоречивость политики буржуазии в отношении национализации, а также тот факт, что национализация выступает ареной борьбы классовых интересов трудящихся и буржуазии, находит отражение в попытках идеологов социал-реформизма с помощью защиты «смешанной экономики» как-то обосновать ограничение или даже отказ от борьбы за национализацию. Так, А. Кросленд в книге «Современный социализм и другие очерки» (1974 г.) отрицательно относится к проблеме национализации основных средств производства в Англии, объявляет устаревшим соответствующий пункт лейбористской программы 1918 г. Он высказывается за национализацию лишь предприятий с низкой прибыльностью. Таким образом, в вопросе о национализации идеологи правых социал-демократов занимают пробуржуазную позицию, с которой защищают сложившуюся государственно-монополистическую структуру экономики.

Концепция «смешанной экономики» удобна лидерам правой социал-демократии в их политике маневрирования между интересами класса буржуазии и требованиями широких масс трудящихся. Обратимся хотя бы к политике английских лейбористов. В первой половине 70-х годов буржуазия Англии ополчилась против предложений о расширении государственного сектора. При поддержке консервативного правительства в 1970—1974 гг. ей удалось приватизировать ряд ставших достаточно

¹ См. Харланов Ю. Дискуссия в союзе левых сил и неблагоприятная возня вокруг нее. — Правда, 1977, 2 октября.

прибыльными предприятий, в том числе атомной промышленности. Приход к власти в 1974 г. лейбористов привел к дальнейшему обострению противоречия интересов широких масс трудящихся и монополистической буржуазии. В борьбе за голоса избирателей лейбористы вынуждены были включить в свою предвыборную программу 1973 г. обещание национализировать ряд крупнейших частных корпораций для осуществления государственного контроля над ними.

Необходимо отметить, что даже полное осуществление этого плана не означало бы подрыва основ экономического господства буржуазии в Англии. Но лейбористское правительство, оказавшись под давлением крупного капитала, заявило, что решения о национализации будут приниматься постепенно и только на основе консультаций с руководством корпораций (а фактически только с согласия собственников капитала). Как эта политика осуществляется на деле, показывает следующий пример.

Одним из объектов национализации должна была стать добыча нефти в Северном море. Однако крупные монополии оказали сильный нажим на лейбористское правительство, утверждая, что государственный контроль отпугивает частный капитал от нефтедобычи. В результате термин «национализация» был заменен в официальных документах и выступлениях лидеров лейбористской партии термином «государственное участие». Однако, не сумев выкупить контрольный пакет акций, лейбористское правительство фактически сохранило за собой лишь некоторые функции налогового контроля, уступив частным нефтяным монополиям право на переработку и сбыт всей добываемой в Северном море нефти. Правые лейбористы подобно французским социалистам, на словах признавая необходимость использования национального богатства в интересах общества, на деле отдают его крупным монополиям. Причем $\frac{2}{3}$ месторождений нефти в британском секторе Северного моря оказались в руках иностранных монополий¹. Так претворяется в жизнь идея «смешанной экономики», прикрывающая усиление господства государственно-монополистического капитализма.

¹ См. Овчинников В. «Черное золото» и желтые слитки.— Правда, 1977, 25 марта.

В социал-реформистском варианте «трансформации капитализма» важная роль отводится искаженной трактовке экономической деятельности буржуазного государства.

Идеологи правой социал-демократии ставят буржуазное государство над капиталистической экономикой и изображают его как один из главных инструментов не только «трансформации капитализма», но и построения реформистского социализма на основе «смешанной экономики». Попытки господствующего класса путем государственного регулирования разрешить проблему кризиса производственных отношений капитализма правые социал-реформисты выдают за «новое» направление в деятельности буржуазного государства, пытаясь представить дело так, будто это государство выражает интересы всего общества и способно целенаправленно управлять его экономическим и социальным развитием.

В декларации Социнтерна «Цели и задачи демократического социализма» было заявлено, что «во многих странах неконтролируемый капитализм вытесняется формами экономики, при которых государство регулирует ее развитие...»¹. Утверждения о вмешательстве государства «ради обеспечения быстрого роста экономики», о так называемом «государстве всеобщего благоденствия», «о государстве-арбитре» постоянно повторяются в официальных документах Социнтерна и ведущих социал-демократических партий, в работах идеологов правого социал-реформизма.

Реформистские мифы о том, что экономическая деятельность современного буржуазного государства является эффективным средством преобразования природы капитализма, строятся на отрицании классовой основы государства, на искажении действительных причин и последствий государственного регулирования капиталистической экономики. Современное буржуазное государство осуществляет разностороннюю и всевозрастающую экономическую деятельность. Однако масштабы и формы этой деятельности определяются господствующим классом, и прежде всего монополистическим капиталом. Государственно-монополистический капитализм не меняет

¹ Цит. по: Идеология современного реформизма. Критика концепций правых социалистов. М., Наука, 1970, с. 223.

природы империализма. Целью государственного регулирования капиталистической экономики является не «трансформация капитализма», как это утверждают правые социал-реформисты, а его сохранение, обогащение финансовой олигархии.

Показателем несостоятельности правосоциалистических концепций о классовом нейтралитете современного государства является антирабочее законодательство — типичное порождение капитализма. Его цель — затруднить забастовочное движение, ограничить возможности профсоюзов в защите интересов рабочего класса, создать почву для усиления эксплуатации наемного труда. Правые социал-реформисты в своей практической деятельности способствуют совершенствованию антирабочего законодательства.

Так, в Великобритании лейбористы, придя в 1974 г. к власти, вынуждены были формально отменить ненавистный рабочим закон «об отношениях в промышленности». Однако введенный в 1974 г. вместо этого закон о профсоюзах и трудовых отношениях сохраняет немало антипрофсоюзных и антирабочих положений, в частности судебную ответственность профсоюзов за нарушение забастовкой коммерческих договоров предпринимателей. В ФРГ был принят позорный «закон о радикалах». По этому закону запрещается занимать государственные и общественные должности «радикальным элементам», под которыми понимаются прежде всего коммунисты, а также трудящиеся, придерживающиеся левых убеждений. Рост подобных тенденций наблюдается в политике и других развитых капиталистических стран, где социал-реформисты стоят у власти или участвуют в правительствах.

Усиление практики применения антирабочего законодательства показывает, что в условиях углубления общего кризиса капитализма классовая природа буржуазного государства вопреки утверждениям социал-реформистов не изменяется. Напротив, оно еще более последовательно защищает интересы государственно-монополистической буржуазии, хотя и в более замаскированной форме.

3. Реформистская трактовка международных экономических отношений

В реформистской концепции «трансформации капитализма» важную роль играет искаженная трактовка современных тенденций развития международных экономических отношений империализма. Отказ от научного анализа закономерностей развития капитализма, стремление подчинить социал-демократическое движение задаче классового сотрудничества привели к тому, что подход идеологов социал-реформизма к основным проблемам мировой системы капитализма оказался пробуржуазным. Прибегая к нападкам на марксизм-ленинизм, они преподносят свои концепции как некий «особый путь» решения международных проблем, как путь движения к «демократическому социализму».

Апологетическая оценка природы государственно-монополистического капитализма находит выражение в правосоциалистическом искажении капиталистической интеграции, и в частности такой региональной государственно-монополистической группировки, как Европейское экономическое сообщество («Общий рынок»). Теоретики правой социал-демократии заявляют, что «европейская интеграция» является не продуктом развития государственно-монополистического капитализма, а якобы выражением «процесса сближения наций и преодоления узкого национального суверенитета, роста благосостояния народа, укрепления мира и демократии». Именно в этом реформисты видят важный признак процесса «трансформации капитализма» и его «врастания в социализм». «Постепенное создание Соединенных Штатов Европы, опирающихся на демократию, солидарность и социальную справедливость, будет в то же время содействовать развитию социализма», — утверждалось в программе совместных действий социалистических партий стран «Общего рынка»¹. Такая оценка «европейской интеграции» дается в работах Ги Молле, А. Филиппа и других теоретиков правой социал-демократии, в официальных документах большинства социалистических и социал-демократических партий.

¹ Цит. по: Согомонян Г. С. Апологетические концепции социал-реформизма, с. 50—51.

Основной порок правосоциалистической модели «европейской интеграции» заключается в искажении природы современного капитализма, в апологетической трактовке тенденций его развития в условиях научно-технической революции и борьбы двух противоположных мировых систем. В. И. Ленин еще в 1915 г. писал, что с точки зрения экономических условий империализма Соединенные Штаты Европы при капитализме либо невозможны, либо реакционны. Ленинская методология исследования империализма получила развитие в оценке капиталистической интеграции, данной в документах КПСС и других марксистско-ленинских партий, в материалах международных совещаний коммунистических и рабочих партий.

Марксистско-ленинская оценка интеграционных процессов исходит из их объективной природы. Они рассматриваются как долговременная тенденция развития (капитализма и социализма). Развитие интеграции определяется не только состоянием производительных сил, но и характером производственных отношений. Вместе с экономическими предпосылками в развитии капиталистической интеграции большую роль сыграл и такой политический фактор, как стремление государственно-монополистического капитала найти новые пути борьбы против мировой системы социализма, растущего рабочего и демократического движения своих стран, национально-освободительного движения.

Теоретики правой социал-демократии сосредоточивают внимание лишь на технико-экономической стороне интеграции и, умышленно игнорируя капиталистические производственные отношения, пытаются представить капиталистическую интеграцию как процесс, выгодный для всех классов и социальных групп. В действительности же «европейская интеграция» представляет собой попытку государственно-монополистического капитализма приспособиться к потребностям развития современных производительных сил, которые переросли национально-государственные рамки. «Общий рынок» является одним из примеров такого приспособления, при котором осуществляется совместное государственно-монополистическое регулирование экономики в интересах монополистического капитала своих стран. Другими словами, «Общий рынок» это не «Европа народов», как утверждают правые социал-демократы, а «Европа трестов», это одно из согла-

шений европейских капиталистов, возможность которых предвидел В. И. Ленин.

Итоги более чем двадцатилетнего существования «Общего рынка» показывают, что никакие попытки преобразовать национальные механизмы государственно-монополистического регулирования в единый региональный механизм не могут устранить коренных пороков капитализма. Общий кризис капитализма продолжает углубляться. В последние годы усилились межимпериалистическое соперничество, раздоры в «Общем рынке» и внутри НАТО. Капиталистическая интеграция не спасла «малую Европу» от экономических кризисов. За два десятилетия своего существования ЕЭС пережило четыре спада деловой активности и глубокий кризис 1974—1975 гг. Резкое сокращение производства и рост безработицы в большинстве капиталистических стран переплелись с валютными потрясениями и энергетическим кризисом, с инфляцией. Все это обострило социальные конфликты. Хроническая инфляция охватила все страны «Общего рынка». В 1977 г. количество безработных в этих странах достигло 5,9 млн. человек (или 5,6% активного населения). Как отмечала газета «Юманите» (25 марта 1977 г.), это самый высокий уровень безработицы за последние 20 лет. Постоянным источником социальных конфликтов является тяжелое положение и дискриминация на территории стран — членов ЕЭС многих миллионов рабочих-иммигрантов.

Факты опровергают утверждения правых социал-реформистов о том, что европейская капиталистическая интеграция это якобы проявление процесса коренного изменения природы капитализма, магистральный путь создания социализма в его реформистском варианте. Опыт ЕЭС показывает, что капиталистические производственные отношения не в состоянии создать условия, адекватные требованиям современных производительных сил, проявляющих тенденцию к интернационализации. Современному уровню их развития соответствует социалистическая экономическая интеграция, высокую эффективность практического осуществления которой демонстрирует мировая система социализма.

Своеобразной формой отрицания идеологами правой социал-демократии объективных закономерностей общего кризиса капитализма является их теоретическая позиция и политика в вопросах крушения колониальной системы

империализма, в оценке сущности неокOLONиализма и путей развития молодых национальных государств. Всячески искажая марксистско-ленинское учение, отвергая выводы международного коммунистического движения, правая социал-демократия пропагандирует реформистские концепции национально-освободительного движения как единственно верные и якобы полностью отвечающие интересам народов развивающихся стран.

В современных условиях правая социал-демократия вынуждена считаться с антиимпериалистическими требованиями народов развивающихся стран. С другой стороны, реформизм не может не руководствоваться соображениями реальной политики буржуазии, объективными законами развития мирового капиталистического хозяйства. Эта двойственность положения социал-демократии находит отражение в идеологии социал-реформизма. В резолюции XIII конгресса Социнтерна (1976 г.) «О международной экономической солидарности» формально указывается на неспособность стихийных рыночных механизмов капитализма обеспечить сбалансированность в международных экономических отношениях, признается факт «нетерпимости разрыва в уровнях жизни» стран развитого капитализма и развивающихся государств¹.

Однако предлагаемые социал-демократами практические меры не выходят за рамки интересов государственно-монополистического капитализма в международных экономических отношениях. Поэтому главным в рекомендациях XIII конгресса Социнтерна были абстрактные призывы «скорректировать экономическую, торговую и финансовую политику», как будто эта политика является основной причиной стихийных колебаний на капиталистическом рынке.

В действительности сама внешнеэкономическая политика является отражением внутренней природы империализма — власти монополистического капитала. Монополии стремятся всеми способами увеличить эксплуатацию развивающихся стран, стараются переложить последствия стихийных рыночных колебаний цен на развивающиеся страны. Мировой экономический кризис 1974—1975 гг., охвативший все развитые капиталистические страны, при-

¹ Новое время, 1977, № 2, с. 19.

вел к падению цен на сырье из развивающихся стран (кроме топлива) и к повышению цен на промышленную продукцию из развитых капиталистических стран. В результате экспортные доходы развивающихся стран от сырья (кроме топлива) уменьшились. А вся внешняя задолженность развивающихся стран, и прежде всего империалистическим державам, увеличилась за период 1971—1976 гг. почти в 2,5 раза и достигла 150 млрд. долл.¹

Абстрактные призывы XIII конгресса Социнтерна к некоторой корректировке внешнеэкономической политики развитых капиталистических стран не являются проявлением доброй воли. Это вынужденное признание уже достигнутых результатов борьбы развивающихся стран (при активной поддержке стран социализма) против стран Запада за стабилизацию мирового капиталистического рынка, и в первую очередь рынка сырьевых товаров. Вынужденный считаться с возрастающим протестом развивающихся стран против новых форм неокOLONиальной эксплуатации в международных экономических отношениях социал-реформизм пытается исказить сущность этого протеста, придать ему такое идеологическое толкование, которое было бы наименее опасно для капитализма. Этой стратегической цели служит поддерживаемая правой социал-демократией буржуазная концепция «богатых и бедных наций», «Севера» и «Юга». Такой подход призван отвлечь внимание от глубокого анализа общего кризиса капитализма, от подлинных причин экономической отсталости развивающихся государств. Объединяя в одну группу («Север») развитые капиталистические и социалистические страны, социал-реформизм пытается дискредитировать сотрудничество СССР и других социалистических стран с развивающимися странами и таким образом удержать последние в системе международного капиталистического разделения труда.

На самом деле многие сложные проблемы экономики развивающихся стран, и в частности нестабильность их экспорта, порождены не мнимыми отношениями «Север—Юг», а системой мировой капиталистической экономики, являются результатом колониальной и неокOLONиальной

¹ Финансы СССР, 1977, № 3, с. 93.

политики капиталистических государств. Никакие призывы правых социал-реформистов «скорректировать» экономическую политику западных стран не способны избавить мировой рынок от стихийных колебаний спроса и предложения, которые ухудшают финансовое положение развивающихся стран, подрывают проекты их экономического развития.

Основная стратегическая цель правой социал-демократии в отношении развивающихся стран на всех этапах общего кризиса капитализма состояла и состоит в стремлении помочь буржуазии удержать развивающиеся страны в системе международного капиталистического разделения труда, в идеологической маскировке этой экспансионистской политики. Социал-реформизм выступает за некоторые тактические изменения в отношениях развитых капиталистических стран с молодыми независимыми государствами, но за такие изменения, которые уже поставлены в повестку дня национально-освободительными революциями.

Социал-реформизм стремится придать этим изменениям такой характер, который на деле способствовал бы укреплению позиций крупного капитала в развивающихся странах с учетом меняющейся обстановки в международных отношениях.

Таким образом, попытки правых социал-реформистов создать идеализированный образ современного капитализма несостоятельны теоретически и вступают в противоречие с фактами реальной действительности. Реформистская концепция «трансформации капитализма», его «врастания в социализм» представляет собой разновидность апологетики государственно-монополистического капитализма, механизм идеологической маскировки его противоречий, приспособленный к современным условиям. Современный государственно-монополистический капитализм является полнейшей материальной предпосылкой социализма. Однако из этого не следует, что он эволюционирует в «государственный социализм», как это пытаются представить социал-реформисты. Развитие государственно-монополистического капитализма означает, что материальные предпосылки социализма созрели, возникла историческая необходимость замены капиталистических производственных отношений социалистическими.

4. «Демократический социализм» — доктрина реформизма

Важной особенностью правосоциалистической идеологии является то, что искаженная трактовка действительности современного буржуазного общества используется одновременно и для обоснования мнимой «трансформации капитализма», и для доказательства якобы уже начавшегося строительства социализма в рамках капитализма. Выдвинув концепцию «демократического социализма» как «третьего пути» общественного развития, теоретики социал-реформизма стремятся обойти вопрос: капитализм или коммунизм. Однако подлинная цель концепции «третьего пути» не имеет ничего общего с действительно антикапиталистической ориентацией и тем более с обоснованием путей строительства социализма даже в его реформистском варианте. Социалистическая фразеология призвана замаскировать оппортунистическую цель социал-реформизма — защищать капитализм путем насаждения буржуазной идеологии в широких массах трудящихся, всеми силами бороться против теории научного социализма и реального опыта мировой социалистической системы.

Идеологическая маскировка современного буржуазного общества под общество, якобы эволюционирующее к «демократическому социализму», связана с классовой природой реформизма. Выражая интересы господствующего класса, реформисты вынуждены хотя бы на словах учитывать некоторые требования трудящихся, составляющих основную социальную базу социал-демократического движения. Социализм стоит на повестке дня современного мира, его идеалы привлекают широкие массы. Стремясь сохранить свое влияние среди трудящихся, правые социал-демократы не могут обойти проблемы социалистического развития.

Порвав с марксизмом, идеологи «демократического социализма» стремятся к созданию такой теоретической модели социализма, которая смогла бы представить некоторые реальные элементы современного капитализма как уже готовый социализм, а противоречивые тенденции развития и укрепления государственно-монополистического капитализма — как закономерности строительства и упрочения «демократического социализма». Социал-реформи-

сты изображают дело так, будто в ряде капиталистических стран «основы социалистического общества уже заложены» и теперь социал-демократия якобы стремится идти вперед, к тому, чтобы создать «подлинный социализм». «Только путем создания лучшего общественного строя человек откроет путь к своей свободе. Этот новый и лучший строй является целью демократического социализма», — говорится в программе СДПГ¹.

Идеологи реформизма в 70-е годы значительно усилили разработку и пропаганду «социалистических» лозунгов. «Углубление» концепции «демократического социализма» происходит в форме «уточнения» самого понятия «социализм», теоретического обоснования отрицания решающей роли отношений собственности на средства производства в экономическом и социальном развитии. Основным направлением в идеологии социал-реформизма становится псевдосоциалистическая трактовка социально-экономических реформ буржуазного государства. При этом широко используются такие понятия, как борьба за демократию и права человека, улучшение «качества жизни», пущенные в ход буржуазными идеологами. Рассмотрим подробнее эти аспекты реформистского социализма.

Социал-реформисты искажают само понятие «социализм», отвергая научное понимание социализма как определенной общественной системы, приходящей революционным путем на смену капитализму и характеризующейся общественной собственностью на средства производства, отсутствием эксплуатации человека человеком. В трактовке социал-реформистов «демократический социализм» — это прежде всего морально-этическая категория («этический социализм»). Социализм при этом сводится к общим лозунгам об освобождении человека от угнетающих его обстоятельств, к борьбе за расцвет абстрактной человеческой личности и т. п. Абстрактными рассуждениями о нравственных ценностях, о принципах гуманизма и достоинстве человека заполнены программные документы ведущих партий Социнтерна, статьи и книги правосоциалистических теоретиков.

¹ Цит. по: Согомонян Г. С. Апологетические концепции социал-реформизма, с. 81.

Согласно правосоциалистической концепции общественного развития основным критерием оценки общественного прогресса являются абстрактные этические категории: нравственность, духовное развитие, гуманизм и т. п. Причем этим категориям приписывается способность решающим образом воздействовать на экономику, политику, культуру и другие сферы жизни современного общества. Другими словами, отрицается не только материалистическое понимание социальной сущности человека, но и марксистское определение исторического процесса, из которого следует, что базой человеческой свободы, нравственности и гуманизма является не какой-то абстрактный человеческий идеал, а уровень развития производительных сил и характер производственных отношений общества.

Сведение понятия «социализм» до так называемого «этического социализма», идеалистическая трактовка этических категорий имеют определенную социально-политическую направленность. Отказавшись от требования обобществления основных средств производства, подменяя классовую борьбу пролетариата тактикой «социального партнерства», правая социал-демократия пытается как-то выделиться на фоне буржуазной советологии и вместе с тем противопоставить себя реальному социализму, которому она умышленно приписывает пороки именно в морально-этической сфере.

Научное объяснение роли и места этических категорий, значения субъективного фактора в общественном развитии дает марксизм-ленинизм, который раскрывает действительную взаимосвязь объективного и субъективного в истории. Теория научного социализма придает большое значение моральному фактору в классовой борьбе. При этом подчеркивается, что реальное воплощение принципов гуманизма и нравственности возможно лишь в результате революционного преобразования общества, в результате освобождения трудящихся от гнета капитала и эксплуатации. Научный социализм утверждает свою победу не с помощью нравственного самоусовершенствования и осуждения капитализма, как это рекомендуют идеологи «демократического социализма», а на основе объективных законов, обуславливающих необходимость революционной смены капитализма социализмом, постепенного перерастания социализма в коммунизм.

Социал-реформизм спекулирует на современной действительности капиталистических стран, где в результате суровой классовой борьбы в условиях развернувшейся научно-технической революции у широких масс трудящихся пробуждается классовое самосознание, укрепляется понимание действительной ценности человеческой личности. Сам характер капиталистического производства приводит к постоянному подавлению личности, ее достоинств. Однако искажая коренные причины подавления человеческой личности капиталом, правая социал-демократия подменяет учение о классовой борьбе теорией «этического социализма», социальную революцию — реформами в области народного образования, культуры и морали.

Научный социализм означает прежде всего отрицание капиталистической частной собственности и обобществление основных средств производства, т. е. передачу их самим трудящимся. Какова же позиция реформистов в этом вопросе?

Если до второй мировой войны программные требования социал-демократии формально включали пункты об обобществлении основных средств производства, то в большинстве официальных программ, принятых в конце 50-х — начале 60-х годов, такие пункты отсутствуют. Вместо этого социал-реформизм пытается теоретически оправдать сохранение частной капиталистической собственности, утверждая, что в рамках «смешанной экономики» она изменяет свою буржуазную природу. В ряде программ социал-демократических партий не предлагается каких-либо серьезных мер против частной собственности даже в рамках обычной буржуазной национализации.

Перепевая утверждения буржуазной апологетики, реформисты уверяют, будто теперь главную роль в экономическом развитии играют не отношения собственности, а контроль буржуазного государства или управленческой верхушки, налоговая политика, законодательство и т. п. Таким образом грубо искажается принцип примата производства над распределением и обменом, смешиваются явления экономического базиса и надстройки. По мнению реформистов, главными условиями перехода к «демократическому социализму» становятся не коренные изменения в отношениях собственности, а явления вторичные, производные от экономических отношений: вы-

сокий уровень экономических, политических, общественных институтов современного общества, повышение культурного уровня и сознательности масс и т. п.

Государственный сектор в рамках «смешанной экономики» не может быть признаком социализма, поскольку его экономической основой, так же как и экономической основой частного сектора, является капиталистическая собственность на средства производства. Неудивительно поэтому, что ни в одной из стран, где социал-демократия долгие годы стояла у власти, нет никаких признаков «врастания капитализма в социализм».

В противовес социал-реформистскому мифу о строительстве социализма на основе «смешанной экономики» подлинно научное решение вопроса о собственности на средства производства выдвигают коммунистические партии ряда капиталистических стран. Коммунисты считают, что национализация в рамках реформистской «смешанной экономики» — это инструмент государственно-монополистического капитализма. Только национализация, проводимая в качестве составной части демократического этапа революции, может в дальнейшем создать условия для подлинно социалистического строительства.

Коммунистические партии развитых капиталистических стран требуют обобществления ключевых, а не только малоприбыльных отраслей и предприятий, ликвидации гнета монополий, осуществления общественного контроля над производством в интересах широких трудящихся масс. В такой трактовке объективные условия перехода к социализму дополняются субъективными, в то время как в трактовке социал-реформистов субъективным факторам придается первичный, основополагающий характер в общественном развитии.

Выдавая «смешанную экономику» за экономическую основу «демократического социализма», социал-реформисты конструируют различные программы социально-экономических реформ. Их деятельность в этом направлении особенно активизировалась с начала 70-х годов. В предвыборных манифестах социал-демократических партий и правительственных заявлениях лидеров реформизма содержатся обещания создать «современное государство и общество» при помощи многочисленных «прогрессивных изменений», среди которых наиболее важными являются: «социалистическое планирование», «экономи-

ческая демократия» и т. п. Причем неперменным условием строительства «демократического социализма» при помощи реформ объявляется «социальное партнерство» труда и капитала. Лидеры реформизма вынуждены формально учитывать некоторые требования трудящихся, уже поставленные на повестку дня самим ходом классовой борьбы. Ясно, однако, что ни одна из предлагаемых реформ сама по себе не может быть направлена на коренное решение исторических задач рабочего класса, на социалистическое преобразование буржуазного общества.

Социал-реформисты вслед за идеологами буржуазии развивают концепцию, согласно которой в условиях «смешанной экономики» (а точнее, в условиях государственно-монополистического капитализма) якобы возможно гармоничное развитие экономики в интересах всех трудящихся. Социал-реформисты отличаются от буржуазных идеологов тем, что навешивают ярлык «социалистического планирования» на практику государственно-монополистического регулирования экономики. При этом в периоды резкого обострения классовой борьбы трудящихся они формально призывают к необходимости организации «более добросовестного и тщательно продуманного управления».

Программирование и прогнозирование экономики получили широкое распространение в практике тех капиталистических стран, где особенно сильны позиции реформизма. Вместе с тем сфера влияния и степень действенности этих форм государственно-монополистического регулирования определяются капиталистическими производственными отношениями. Капиталистическое программирование вызвано к жизни потребностями развития буржуазных отношений, и оно не имеет ничего общего с потребностью обеспечения подлинно планомерного и пропорционального развития в интересах всего общества.

Выдавая государственно-монополистическое программирование за «социалистическое планирование», правые социал-реформисты выступают с пробуржуазных позиций. До тех пор пока государство выражает интересы класса капиталистов, государственно-монополистическое регулирование отвечает прежде всего интересам монополии. Проведение такого «социалистического планирования» на деле способствует ухудшению жизни трудящихся, повышает степень их эксплуатации.

О классовом характере капиталистического регулирования убедительно свидетельствует так называемая политика доходов, осуществляемая буржуазными правительствами. Под видом борьбы с инфляцией заработная плата рабочих остается «замороженной», а цены неизменно растут, ухудшая положение трудящихся. Социал-реформисты не только одобряют такую политику, но и осуществляют ее на практике. Примером может служить так называемый «социальный контракт» лейбористского правительства и профсоюзов Англии, по которому правительство обязалось гарантировать некоторое ограничение роста цен, а профсоюзы — пойти на самоограничение в требованиях о повышении заработной платы. Однако в действительности эта временная уступка со стороны профсоюзов лейбористскому правительству превратилась в сдерживание заработной платы в условиях инфляции. За 1976 г. цены в Англии выросли почти на 16,6%, в то время как предел роста заработной платы удерживается на уровне 4,5%¹. Такое регулирование экономики тяжелым бременем ложится на английских трудящихся и вызывает такой же протест, как и подобные мероприятия правительств буржуазных партий. Подлинно социалистическое планирование предполагает коренное преобразование производственных отношений, чего не может обеспечить реформистская «смешанная экономика».

Наряду с «социалистическим планированием» важным направлением движения «смешанной экономики» к социализму, по мнению правой социал-демократии, является обеспечение так называемой «экономической демократии» в дополнение к политической демократии, которая якобы уже наступила в индустриальных странах Запада. Оставляя в стороне социал-реформистский миф о так называемой «политической демократии» современного государственно-монополистического капитализма, рассмотрим, что же скрывается за ширмой «экономической демократии».

Исходным пунктом возникновения концепций «экономической демократии» является то, что в ряде стран Западной Европы после второй мировой войны трудящимся под руководством коммунистов и других левых

¹ L'Humanité, 1977, 23.III.

сил удалось добиться некоторых прав на формальное участие в управлении производством на уровне предприятий. В урезанном виде эти права даже отражены в некоторых законодательных актах. Вынужденные считаться с трудящимися массами, которые выступают против господства финансовой олигархии, лидеры и идеологи социал-реформизма формально признают необходимость участия трудящихся масс в контроле над производством. Однако на деле лозунг «экономической демократии» используется реформистами лишь для прикрытия своего соглашательского курса. Они не прочь поговорить о расширении участия трудящихся в управлении материальным производством, но в рамках «смешанной экономики», т. е. без изменения экономических, социальных и политических условий.

Но при капитализме «участие трудящихся в управлении» ограничивается обсуждением лишь некоторых второстепенных проблем на уровне предприятий. Например, комитеты рабочего представительства на предприятиях Австрии, ФРГ, Бельгии в основном обсуждают такие вопросы, как режим рабочего времени, график отпусков, контроль за культурно-бытовыми учреждениями и т. п. Однако ясно, что сколько-нибудь серьезно решать проблемы управления предприятием и положения рабочих без реальной связи с соответствующими проблемами в национальном масштабе просто невозможно.

Классовая сущность практики рабочего представительства проявляется и в том, что трудящиеся в таких комитетах не могут выражать свою позицию, так как эти консультативные органы возглавляет администрация предприятий. Мнение рабочих представителей может быть отвергнуто предпринимателями. С другой стороны, органам рабочего представительства вменяется в обязанность функция «классового сотрудничества» с администрацией, поддержания на предприятии «классового мира». Такое требование содержится, например, в западногерманском законе о производственных советах.

Классовая сущность так называемой «экономической демократии» заключается прежде всего в осуществлении стратегической цели буржуазии — сохранить и укрепить основу капиталистического строя в условиях возрастающего значения общественного характера производства в странах капитала, ослабить притягательную силу при-

мера участия трудящихся в управлении производством в социалистических странах. Об этом красноречиво свидетельствуют выводы западногерманской правительственной комиссии, призванной дать рекомендации социал-демократическому правительству ФРГ: «Право рабочих на участие в органах управления предприятиями является не только политической целесообразностью, но и необходимостью для бизнеса»¹. Восхваление правой социал-демократией подобной практики как пути к «демократическому социализму» на деле призвано способствовать политике интеграции рабочего класса в систему государственно-монополистического капитализма.

Подлинно научную разработку теории и практики демократизации хозяйственного управления как важного шага на пути к социализму содержит учение В. И. Ленина о рабочем контроле. В современных условиях коммунистические партии капиталистических стран связывают обеспечение подлинной демократии прежде всего с национализацией ключевых отраслей экономики, с ограничением власти монополий.

Правореформистский путь к социализму ни теоретически, ни практически не противостоит основам капиталистического строя. Ставится задача «модернизировать» государственно-монополистический капитализм, сделать его лучше функционирующим и более приспособленным к возросшим требованиям социальной ответственности. «Демократический социализм» не направлен на решение исторических задач рабочего класса, на подлинно социалистическое преобразование общества. Учению о научном социализме, закономерном характере социалистической революции правый социал-реформизм противопоставляет борьбу за мелкие уступки буржуазии ценой отказа от классовой борьбы.

Не только теоретически, но и на практике доказано, что ни в одной стране, где социал-демократические партии долгие годы стояли или стоят у власти, нет признаков приближения общества к социализму. Показателен пример Швеции, где социал-демократы более 44 лет (до 1976 г.) находились у власти. Международная социал-демократия рекламировала «шведский социализм» как

¹ Современный капитализм и рабочий класс: критика анти-марксистских концепций. М., Мысль, 1976, с. 182.

пример «демократического социализма», как модель социализма, противоположную реальному социализму в СССР и других социалистических странах. Однако длительное пребывание социал-демократов у власти не приблизило Швецию к «преобразованию общества в социалистическом направлении». Наоборот, власть крупного капитала усилилась. Трудящиеся все более убеждаются, что идеи социал-демократов о «демократическом социализме» — утопия. Авторитет шведских социал-демократов упал настолько, что на парламентских выборах 1976 г. они уступили власть блоку буржуазных партий. Это подтверждает, что социал-демократы вместе с буржуазными партиями представляют единый механизм господства буржуазии.

Таким образом, анализ экономических концепций современного реформизма показывает, что в целом нынешняя социал-демократия, как и прежде, выступает в качестве одного из главных идейно-политических течений в международном рабочем движении. Эклектический плюрализм идеологии реформизма по существу означает решительное размежевание лишь с марксизмом, с теорией и практикой научного социализма и переход на позиции идеологической маскировки механизма государственно-монополистического капитализма. Это подтверждает ленинскую оценку реформизма как антиреволюционного течения, направленного на раскол единства рабочего движения.

Глава 2

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ СОЦИАЛ-РЕФОРМИЗМА В РАЗВИТЫХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

●

1. Экономические концепции Австрийского реформизма

Социалистическая партия Австрии играет видную роль в идеологии и политике международной социал-демократии. Она является одной из влиятельных социал-демократических партий Западной Европы.

В конце XIX — начале XX века Социал-демократическая партия Австрии была одной из опор II Интернационала, в годы первой мировой войны перешла на позиции шовинизма, противопоставив революции реформистскую «социализацию производства». Проектируя «социализацию производства», видный идеолог социал-реформизма того времени Отто Бауэр претендовал на роль теоретика «австромарксизма». Позднее лидер австрийских реформистов Карл Реннер переходит к пропаганде «социализации экономики» через сферу обращения с порочных позиций меновой концепции.

После второй мировой войны социал-реформисты Австрии под руководством Реннера занялись укреплением позиций капитализма. Идеологи созданной в 1945 г. Социалистической партии Австрии (СПА) распрощались с «австромарксизмом» и стали на путь открытой идеализации современного капитализма. Об этом свидетельствуют публикации Ф. Кленнера, К. Чернеца, Э. Рейх, Н. Лезера, Б. Питтермана, Ю. Браунталя, Ф. Крейцера, П. Доха, О. Поллака, Б. Каутского и др.

В брошюре «Новый мир и социализм» Реннер утверждал, что в Австрии установился «на три четверти социалистический строй» и что в результате «самоустранения» собственников капитала и перехода их функций к простым администраторам «закончилась историческая миссия капитализма». В 1961 г. Питтерман на партайтаге СПА уверял, будто «действие экономических законов капитализма все больше перемещается из сферы производства, где рабочий получает заработную плату, на рынок, где она расходуется»¹. Причем у рабочих «в странах частного капитализма» оказывается якобы больше шансов на постепенное преодоление эксплуатации, чем в социалистических странах.

Наглядное представление о переходе австрийских реформистов на позиции буржуазного либерализма дает программа Социалистической партии Австрии, принятая в 1958 г. (Венская программа). Проект программы был подготовлен специальной комиссией под руководством Б. Каутского (сын Карла Каутского). В состав комиссии входили Б. Крайский, Ф. Кленнер, А. Пипергер. Преемственность в идейной эволюции реформизма была обеспечена на фамильной основе.

В свое время В. И. Ленин заклеил предательство Карла Каутского в бессмертной книге «Пролетарская революция и ренегат Каутский». Ревизионист и ренегат Карл Каутский породил буржуазного либерала Бенедикта Каутского. Цепь предательства замыкается. Хотя некоторые особенно злостные антисоветские выпады, сделанные в проекте, были опущены в принятой программе СПА, буржуазная сущность основных положений программы австрийских социалистов оказалась без изменений. В программе австрийских социалистов утверждается, что капитализм будто бы претерпел коренные изменения. На этом основании делается вывод, что марксизм якобы устарел, а теория научного коммунизма не отвечает современным условиям.

Конечно, за сто с лишним лет, прошедших со времени возникновения марксизма, капитализм сильно изменился. Он вступил в свою высшую и последнюю стадию — империализм. Но и марксизм обогатился новыми выводами.

¹ Bericht und Protokol. 15 Parteitag SPÖ, Wien, 1961, ss. 92, 93, 113, 114.

Он получил дальнейшее развитие в трудах В. И. Ленина применительно к новым историческим условиям. Однако выдвигая тезис об устарелости марксизма, авторы программы СПА игнорируют ленинизм. Они игнорируют тот факт, что под руководством партии большевиков во главе с В. И. Лениным героический пролетариат России поднялся на решительный штурм буржуазно-помещичьего строя и сокрушил его. Великая Октябрьская социалистическая революция — главное событие XX века, коренным образом изменившее ход развития всего человечества. Она явилась закономерным следствием общественного развития, классовой борьбы в условиях монополистического капитализма. В результате ее победы возникло первое в мире социалистическое государство. Великий Октябрь открыл новую эпоху — эпоху перехода человечества от капитализма к социализму...¹

Разгром фашизма и японского милитаризма в ходе второй мировой войны и победа социалистических революций в ряде стран Европы и Азии ускорили мировое развитие. Сформировалась мировая система социализма. Как подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», «исторический опыт мирового социализма обогатил сокровищницу марксизма-ленинизма новыми выводами и положениями, раздвинул горизонты революционной теории и практики. Он неопровержимо доказал всеобщую значимость основных законов социалистической революции и строительства нового общества, открытых марксистско-ленинской наукой и впервые воплотившихся в практике Октября, подтвердил необходимость творческого применения этих законов с учетом конкретных условий и особенностей отдельных стран»².

В программе СПА утверждается, что в современном капиталистическом обществе уже не существует деления на пролетариев и капиталистов, образовалось множество классов и групп населения, а вместо непримиримого антагонизма якобы появился комплекс интересов, которые могут различным образом сочетаться. Трудно придумать бо-

¹ См. О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года. М., Политиздат, 1977, с. 3—4.

² Там же, с. 16.

лее циничную фальсификацию истории. Когда писался «Манифест Коммунистической партии», развитие фабричной промышленности сопровождалось разорением ремесленников, главным образом в Англии. Но с тех пор много воды утекло, и экспансия капиталистического производства привела к разорению миллионов ремесленников во Франции, Германии, США, Японии, Индии и т. д. Кому же это неизвестно? Вся история капитализма есть мучительный процесс экспроприации ремесленников. Давления конкуренции не выдержали также мелкие и средние предприятия капиталистического типа. Возникли мощные монополии, которые держат в своих руках основные отрасли производства, ключевые позиции капиталистической экономики.

Порывая с марксизмом и переходя на позиции буржуазного либерализма, авторы программы СПА пытаются реабилитировать капитализм. Все его пороки они относят к периоду раннего капитализма, упорно доказывая, что современный капитализм свободен от них. В качестве аргумента служит то, что «развитие промышленности революционизировало человеческое общество», машины оказались сильнее человека, стало возможным использование электричества и атомной энергии.

В программе австрийских социалистов утверждается, что на базе современного капитализма возникло «демократическое государство всеобщего благоденствия», социалистическое рабочее движение «привело капитализм к демократии». Когда речь заходит о достижениях современного капитализма — реальных и мнимых, Б. Каутский очень красноречив. К их числу он относит даже право рабочих искать себе работу у эксплуататора в другом городе или в соседней стране. Но миграция населения началась еще в условиях феодализма и была характерна для раннего капитализма. Американский капитализм на протяжении всей своей истории использовал пауперов всего мира в качестве объекта эксплуатации, а Б. Каутский объявляет широкую миграцию рабочих одним из достижений современного капитализма. Более того, технический прогресс также квалифицируется им как одно из достижений современного капитализма, как фактор его демократизации. Однако промышленный переворот начался еще в конце XVIII в., и фабричная система возникла в период раннего капитализма.

Б. Каутский утверждает, что в условиях современного капитализма исчезли привилегии имущих. Однако разве привилегия на богатство исчезла? Разве она не означает привилегии капиталистов на эксплуатацию миллионов людей и не дает фабрикантам права выбрасывать рабочих на улицу, лишать их куска хлеба, обрекать на нищету? Авторы программы указывают на то, что рабочий класс окреп, вырос численно и политически, создал систему своих массовых организаций и стал большой политической силой. Но это не означает изменения социальной природы современного капитализма. Она остается прежней. Массы рабочих составляют лишь объект эксплуатации. Поэтому степень организованности и политической зрелости рабочего класса не изменяет характера капитализма. Он остается системой наемного рабства, противостоящей пролетариату как жестокий режим эксплуатации. Рабочие партии и профсоюзы не являются составной частью капитализма. Они находятся в состоянии антагонизма с ним.

Свою идеализацию капитализма Б. Каутский и компания доводят до реабилитации фашистской буржуазии. Приукрашивая капиталистическую действительность, австрийские реформисты снимают с буржуазии ответственность за фашизм. Это вполне логично для тех, кто, порывая с марксизмом, переходит на позиции буржуазного либерализма. В их трактовке фашизм оказывается случайностью и каким-то трагическим отклонением от пути «западной демократии». Все якобы обстояло очень просто: марксизм слишком широко пропагандировал идею вмешательства государства в экономическую жизнь и тем самым испортил «демократическое мировоззрение» современной буржуазии. Вместе с тем, как уверяют австрийские реформисты, за фашизм несут ответственность «серые массы» людей, отчаявшихся обрести кусок хлеба в условиях капитализма и уверовавших в государство фашистского типа.

В 1962 г. вышла книга Э. Рейх «Австрийский социализм после 1945 года», где доказывалось, что научный социализм потерял значение, поскольку продолжается эволюция капитализма. Но капитализм уже потерял господство на огромных территориях земного шара, и это подтверждает правильность марксистского анализа противоречий капиталистической системы. Очевидно, эволю-

ция капитализма еще больше обостряет эти противоречия. Однако Э. Рейх идеализирует современный капитализм. Она объявляет австрийскую экономику «смешанной экономикой», только отчасти капиталистической. Э. Рейх пытается реабилитировать мелкое предпринимательство. Указывая на преимущества «частной инициативы», она отдает предпочтение общественному контролю перед экспроприацией буржуазной собственности¹.

В сборнике своих статей и выступлений (1963 г.) Норберт Лезер открыто солидаризировался с бернштейнианской трактовкой капитализма и даже ставил в заслугу Э. Бернштейну опровержение Марксовой теории поляризации классов, неизбежности обострения их борьбы и ниспровержения капитализма, а также марксистской теории стоимости. Марксистская трактовка капитализма решительно отбрасывалась. Подчеркивалось, что потребности людей лучше всего удовлетворяются на основе частной инициативы, поэтому правомерно оставлять часть прибыли тем, кто берет на себя риск, обслуживая общество. Целью социализма объявлялся даже индивидуализм².

Аналогичные положения Лезер развивает и в статье «Социализм по ту сторону марксизма» (1966 г.). Для «сокрушения» марксизма он ссылается не только на теоретиков английского лейборизма А. Крослэнда и Дж. Стрэчи, но и на буржуазного апологета Бем-Баверка. Читателям навязывается вывод, будто современный капитализм преодолел все свои противоречия с помощью демократического государства³. Фактически Н. Лезер выступал как апологет современного капитализма и лишь маскировал это антикоммунистической фразеологией.

Для австрийских реформистов характерна буржуазная трактовка современного капитализма и его идеализация. Об этом свидетельствуют статьи, публикуемые в журнале «Die Zukunft». В такой трактовке марксистская теория капитализма объявлялась устаревшей и ошибочной, так как на смену частным предпринимателям пришли «многонациональные корпорации» гигантских масштабов, возникли смешанные формы, или «новые виды собственно-

¹ Reich Edith. Das österreichische Sozialismus nach 1945. Wien, ss. 17—44.

² Leser Norbert. Begegnung und Auftrag. Wien, 1963, ss. 15, 16, 24, 27, 44—48.

³ Das gesellschaftsbild des sozialismus. Wien, 1966.

сти, планирования и управления», которые не вписываются в старую схему «капитализм — социализм». Был отвергнут и термин «капитализм» на том основании, что теперь «публичная собственность и государственное вмешательство в экономику играют важную роль».

В сборнике статей, посвященном 75-летию Э. Мерца, содержалось много антимарксистских выпадов. Так, Э. Матцнер в статье «К вопросу об актуальности марксистской теории стоимости» объявлял эту теорию догмой или всего лишь «рабочей гипотезой», которая не дает обоснования социализации средств производства. Он отвергал выводы К. Маркса о неизбежном крушении капитализма, утверждая, что К. Маркс якобы унаследовал пессимистические прогнозы Д. Рикардо и недооценил технический прогресс. Автор статьи признавал в теории К. Маркса лишь положения о концентрации и централизации капитала, периодических кризисах перепроизводства, об экономическом росте. Кейнс характеризовался им как последователь идей К. Маркса¹.

Д. Штайндль в статье «Маркс и современность» пытается объяснить все противоречия капитализма влиянием «недопотребления». Он категорически отвергает теорию поляризации классов и обнищания пролетариата в современном капиталистическом обществе, аргументируя это ростом численности служащих и абсолютным повышением уровня жизни рабочих. Штайндль упрекает основоположников марксизма в недооценке утопического социализма².

Такова степень идейного падения австрийского реформизма в наши дни. Конечно, отголоски марксистских идей иногда слышны в отдельных высказываниях, но довольно редко и лишь в работах социалистов левого толка или связанных с молодежным движением (например, К. Блеха). Для типичных реформистов характерен воинствующий антимарксизм. Они даже гордятся этим и, расхваливая друг друга, ставят в число своих заслуг разрыв с марксизмом.

Трудно признать аргументацией разные заявления реформистов, будто марксистская теория стоимости всего

¹ Sozialismus, Geschichte und Wirtschaft. Wien, 1973.

² Там же,

лишь догма или «рабочая гипотеза». В трудах К. Маркса дано новое, гениальное решение сложной проблемы, приведшее к революционному перевороту в экономической науке. Реформисты продолжают повторять избитую фразеологию буржуазных апологетов (вроде Бем-Баверка и др.). Сама по себе трудовая теория стоимости не дает еще обоснования программы социализации средств производства, но это делает теория прибавочной стоимости, которая вытекает из марксистской трактовки товарного производства, его законов. Только идеализируя современный капитализм, закрывая глаза на реальную действительность, можно повторять реформистский тезис о мнимом опровержении XX веком предвидения Маркса о неизбежности падения капиталистической системы, об углублении экономических кризисов, о тенденции нормы прибыли к понижению.

Автор «Капитала» гениально раскрыл внутренние противоречия капитализма. Не случайно даже враги марксизма вынуждены признавать актуальное значение учения К. Маркса о концентрации капитала, воспроизводстве, периодичности кризисов перепроизводства, факторах роста капиталистической экономики, формах кругооборота капитала и т. д. Обвинять К. Маркса в том, что он якобы под влиянием пессимистических прогнозов Д. Рикардо недооценил технический прогресс, нет ни малейших оснований, ибо во всех своих работах великий мыслитель придавал первостепенное значение развитию производительных сил. К. Марксом доказано, что технический прогресс не смягчает, а обостряет противоречия капитализма, в том числе и классовые.

Странны и домыслы реформистов о недооценке Марксом теории недопотребления. Ведь она была подвергнута им сокрушительной критике. К. Маркс и Ф. Энгельс признавали заслуги утопических социалистов в критике капитализма, освещении целого ряда вопросов, но подвергли критике их беспочвенные проекты.

Что же касается детерминизма, то он является непременной предпосылкой любой науки. В признании этого — сила, а не слабость марксизма. Диалектика является острым оружием марксистского анализа любого явления.

В интервью журналу «Der Spiegel» (1972 г.) Бруно Крайский уверял, будто «капитализм развивался иным

путем, нежели предусматривал К. Маркс», а потому «сегодня уже нельзя больше экспроприировать экспроприаторов, поскольку их просто не существует», предприятия «управляются менеджерами, которые никого не эксплуатируют»¹. Созвучные этому идеи развивает и Фриц Кленнер в книге «Шанс или иллюзия?» (1971 г.)².

Характерна для современного реформизма и фразеология видного историка международной социал-демократии Ю. Браунталя, который в третьем томе своей «Истории Интернационала» (1971 г.) утверждает, что социальные реформы после второй мировой войны привели к возникновению «государства всеобщего благоденствия», гарантирующего людям жилье, занятость, медицинское обслуживание, пенсии старикам и пособия безработным. В таком государстве будто бы уже осуществляются «основные социалистические идеи», хотя классовая структура общества осталась прежней и власть в этом «обществе изобилия» находится в руках представителей капитала. По утверждению Ю. Браунталя, в капиталистических странах власть имущих теперь уравнивается мощью рабочего класса, а капитализму противостоят профсоюзы³.

Обычная для австрийского реформизма идеализация современного капитализма характерна и для сборника «Красные вехи. Вопросы идеологии и практики австрийской социал-демократии» (1972 г.)⁴. В предисловии Бруно Крайского говорится, что со времени Венской программы (1958 г.) капитализм в Австрии добился длительного экономического процветания. Он давно уже не знает кризисов перепроизводства. Правда, вскользь отмечается, что внутри «государства благосостояния» возникают «новые формы постоянной конфронтации» — между государством и рабочими, ремесленниками и т. д.

Рупперт Гмозер в статье «Социал-демократическая профсоюзная стратегия завтрашнего дня», помещенной в этом сборнике, не отрицал существования классов в

¹ Der Spiegel. 1972, № 10, s. 108.

² Klenner Fritz. Chance oder Illusion? Wien, 1971, ss. 73—105.

³ См. Braunthal J. Geschichte der Internationale. Bd. 3, Hannover, 1971, ss. 565—595.

⁴ См. Rote Markierung. Beiträge zur Ideologie und Praxis der österreichischen Sozialdemokratie. Wien, 1972.

Австрии, но заявлял, что это якобы объясняется не только влиянием факторов экономического характера (сохранение частной собственности на средства производства).

Как пишет Гмозер, в «индустриальном обществе» такое же влияние оказывают социально-психологические барьеры и «полномочия власти». Поскольку сложилось «плюралистическое общество», то не может быть и речи об уничтожении классовых противоречий, правомерно «равноправное сосуществование» разных групп.

Особое рвение в апологии капитализма проявляет Хайнц Киндль, который в статье «Экономика и идеология» утверждает, будто Австрия уже «находится по ту сторону капитализма», так как исчезли характерные для него безграничность частной собственности на средства производства, полное господство рынка и т. д.¹

Бросается в глаза противоречивость суждений австрийских реформистов о современном капитализме. С одной стороны, они славословят по его адресу, а с другой — все время делают оговорки о сохранении множества недостатков капиталистической системы, от которых страдают рабочие массы. В этом сказываются мелкобуржуазность и двойственность их классовых позиций. Поэтому реверансы по адресу модернизированного капитализма вновь и вновь сопровождаются упоминанием о его дефектах, чтобы сохранить влияние на рабочие массы. Для распространения мелкобуржуазных иллюзий требуется искусная работа.

Антимарксистские фальсификации австрийских реформистов являются прежде всего следствием идеализации современного капитализма. К этому вел их переход на мелкобуржуазные позиции. Но кроме того, роковую роль сыграла капитуляция перед буржуазной политэкономией. Это сказывается на каждом шагу, в трактовке очень многих вопросов. Критика марксизма опирается на догмы буржуазной апологетики, отвергающей трудовую теорию стоимости и все выводы из нее.

Подобно буржуазным апологетам австрийские реформисты воспроизводят легенду о заработной плате как факторе инфляции, угрожающем интересам потребителей.

¹ См. Rote Markierung. Beiträge zur Ideologie und Praxis der österreichischen Sozialdemokratie. Wien, 1972.

Сообразно этому они предлагают сдерживать рост расщепок, замораживать заработную плату. Что заработная плата может расти и за счет прибыли, этого правоверные реформисты не допускали и в мыслях. Кейнс объявлялся продолжателем марксистского анализа экономики капитализма, хотя этот кумир буржуазных экономистов и не помышлял об уничтожении капиталистической эксплуатации, а напротив, пытался спасти ее, искал выход для противоречий капитализма в рамках капитализма, оправдывал буржуазный паразитизм, инфляцию, милитаризм и ростовщичество, рост государственных долгов, налогов. Такие взгляды были чужды Марксу. Если Кейнс признал неизбежность периодических кризисов и безработицы, то в связи с этим отнюдь не перестал быть апологетом капитализма, врагом социализма. Показательно преклонение реформистов перед мнимой мудростью кейнсианских рецептов, якобы научивших капиталистов управлять спросом и занятостью. Но эти рецепты обанкротились на практике: это стало очевидным после ряда экономических кризисов, возникновения массовой безработицы.

Капитализм и в XX веке развивается в полном соответствии с открытыми основоположниками марксизма законами общественного развития вопреки иллюзиям социал-реформистов. С победой Великой Октябрьской социалистической революции начался общий кризис капитализма, возникла отрицающая его экономическая система, причем на базе противоречий, порожденных самим капитализмом.

После второй мировой войны капитализм претерпел значительные изменения, но они вовсе не сводились к «революционизированию роли» буржуазного государства, как это изображают реформисты. Начался новый этап общего кризиса капитализма. Образовалась мировая система социализма, которая стала оказывать все большее влияние на развитие человеческого общества. Под ударами национально-освободительного движения начался активный процесс распада колониальной системы. Увеличивается накал классовых битв в капиталистическом мире. Однако вопреки истории австрийские реформисты в это время говорили о процветании капитализма, о его подъеме, социальном обновлении одряхлевшей системы, об умножении ее добродетелей.

Австрийские реформисты договаривались до нелепого утверждения, будто вообще исчезли капиталисты, нет больше эксплуататоров, отпала задача ликвидации буржуазной монополии на средства производства, будто буржуазия в условиях развития акционерной формы собственности «экспроприирует сама себя». В свое время В. И. Ленин в полемике с бернштейнианцами доказал антинаучность подобных выводов. И теперь акции остаются лишь формой мобилизации буржуазной собственности, укрепления финансовых позиций монополистического капитала, фактором усиления буржуазного господства. Поиски «социалистических черт» в экономике современного капитализма оказываются возможными лишь в результате профанации социализма, отождествления его с капитализмом, с буржуазной национализацией некоторых отраслей промышленности. Однако буржуазная национализация не затрагивает основ капитализма. Ссылки на производственные советы, появляющиеся на капиталистических предприятиях, не делают убедительными разглагольствования о том, что в рамках современного капитализма якобы возможно осуществление социалистических идей. Эти советы под руководством реформистов приспособляются к диктату монополий. Если более четверти валового национального дохода Австрии создается на государственных предприятиях, то это вовсе не значит, что ее экономика автоматически становится социалистической. Ведь такие предприятия остаются разновидностью государственного капитализма, обслуживают монополии, они принадлежат буржуазному государству.

Австрийские реформисты объявляют капиталистическое предприятие социальным организмом, в котором происходит «взаимодействие труда и капитала». Они умаляют значение собственности в формировании классов и акцентируют внимание на социально-психологических моментах. Таким образом, возникновение классов трактуется ими идеалистически, отрывается от первоосновы капитализма.

Идеализация современного капитализма обычно служит исходной базой для профанации социализма или подмены его политическим прагматизмом, крайним оппортунизмом в решении злободневных вопросов современности. После второй мировой войны австрийские реформисты еще больше качнулись вправо, и это выразилось в их

кривотолках о социализме, в проектах социальных реформ. Переход австрийских реформистов на позиции буржуазного либерализма сопровождался полным разрывом с марксизмом. Программа СПА 1958 г. не оставляет на этот счет никаких сомнений. Ее авторы уже в формулировке основных положений отвергают идею диктатуры пролетариата, выдвинутую основоположниками марксизма. Эта идея — главное в марксизме, и, зачеркивая ее, австрийские реформисты порывают с марксизмом.

Эта программа совершенно отвергает социалистическую революцию. Не упоминается даже сама возможность такой революции, ей противопоставляется реформа, сводимая к «демократизации капитализма», т. е. к его улучшению. Сделать капитализм более приемлемым для народных масс — вот задача, которая ставится австрийскими реформистами. В их программе нет и следов марксизма.

Весьма туманны рассуждения австрийских реформистов о социализме. Об этом свидетельствуют поиски «аграрного социализма» в капиталистической Австрии. Социализм трактовался с позиций лассальянства как уничтожение нищеты с помощью государства. Речь шла опять-таки не о коренном преобразовании общества, а о государственной помощи «страждущим и обремененным» в рамках капитализма.

В других случаях социализм отождествлялся со «свободой труда» и «конкурентной демократией», как будто речь идет еще о борьбе с феодализмом, пережитками крепостничества или о ниспровержении абсолютизма. Между тем свобода торговли рабочей силой, смены профессий и места труда существует уже сотни лет, а «конкурентная демократия» давно выродилась в диктатуру монополий.

Пустой фразой оказалось и определение социализма как «солидарного общества», поскольку акцент делался лишь на политическом моменте и не раскрывались экономические основы такого общества. Реформисты не ставят задачи революционной ликвидации капитализма, экспроприации экспроприаторов, уничтожения эксплуатации наемного труда, отрицают историческую роль рабочего класса.

Призывы «совершенствовать социализм» звучат фальшиво в устах тех, кто фактически борется с ним. Право на его усовершенствование принадлежит тем, кто уже

построил или строит социализм. Когда австрийские реформисты декларируют, что он тождествен «неограниченной свободе», то явным образом оперируют анархистской фразеологией, к тому же совершенно бессмысленной и асоциальной.

Теоретики реформизма широко используют чисто либеральные трактовки социализма явно буржуазного происхождения. Об этом свидетельствуют заявления, будто социализм является продолжением «эры либерализма». Но именно под знаменем последнего на смену крепостничеству пришло наемное рабство, утверждалась капиталистическая эксплуатация. Поэтому социализм возник как антипод буржуазного либерализма, к тому же вырождающегося в диктатуру монополий. Правда, реформисты Австрии проектируют моральное усовершенствование либерализма путем искоренения эгоизма, расширения помощи бедным. Однако такая аргументация не в состоянии скрыть позорной капитуляции эпигонов реформизма перед буржуазным либерализмом. Допуская усовершенствование буржуазного либерализма, австрийские реформисты исключают появление «совершенного социализма», удовлетворяющего потребности народных масс. Выдвигался даже тезис, что и коммунизм не сможет удовлетворить потребности. Все преимущества отдавались капитализму, который якобы создает базу для возникновения «государства благоденствия».

Наиболее развернутое реформистское определение социализма гласит, что он является сочетанием демократии, равенства (в том числе экономического) и свободы (в буржуазно-либеральной трактовке). Поскольку же в условиях капитализма возможны парламентаризм и фритредерство, напрашивается вывод, что необходимы лишь некоторые коррективы в распределении доходов путем налоговой политики, расширения социальной политики. О создании нового способа производства, коренном изменении общества нет и речи. Фактически реформистами снимаются задачи борьбы за социализм.

Профанация социализма проявляется в искаженной трактовке австрийскими реформистами диктатуры пролетариата, ее соотношения с демократией, в утверждениях об устарелости марксизма, фальсификации исторического значения Великой Октябрьской социалистической революции. Авторы программы 1958 г. утверждают, что проле-

тарская диктатура «заключает в себе внутреннее противоречие», так как рабочий класс стремится к уничтожению всех классов, а не только к господству над ними. В программе делается ссылка на то, что К. Маркс был сторонником отмирания государства и, следовательно, идея диктатуры пролетариата противоречит марксизму. Но К. Маркс выдвигал лозунг такой диктатуры для переходного периода от капитализма к социализму. Австрийские реформисты низводят социализм до уровня простого пожелания либерального толка. Они ведут активную борьбу против реально существующего социализма. Авторы программы клеветают на Великую Октябрьскую социалистическую революцию, забывая, что без ее победы социализм оставался бы только мечтой.

В этой связи можно полностью согласиться с оценкой подобных взглядов, данных австрийскими коммунистами. Председатель Компартии Австрии Ф. Мури в статье «Политическая демократия и классовая диктатура» писал: «...Если социал-реформистские лидеры, подобные Крайскому, должны быть зачислены, как они того требуют, в разряд приверженцев демократии, то, конечно, демократии буржуазной, а если говорить об их отношении к диктатуре, то со всей определенностью можно утверждать, что они были и остаются защитниками диктатуры буржуазии»¹.

Для австрийского реформизма остается характерным антисоветизм. В работе «Между реформизмом и большевизмом» (1968 г.) Норберт Лезер заявлял, будто после победы Великой Октябрьской социалистической революции «большевики оказались в конфликте с гуманистическими и социально-педагогическими задачами социализма», а также с марксистским анализом предпосылок пролетарской революции, поскольку в России рабочие не составляли большинства населения, да и большевики якобы не выражали мнения большинства пролетарских масс на базе «свободных выборов». Как и Карл Реннер, Лезер утверждал, что Октябрьская революция якобы привела к расколу мирового рабочего движения и даже к победе фашизма в Германии. Большевики обвинялись в том,

¹ См. Проблемы мира и социализма, 1977, № 4, с. 12.

что они ради победы революции готовы жертвовать счастьем живущих поколений¹.

Сборник статей Лезера «Социализм между релятивизмом и догматизмом» (1974 г.)² изобилует антимарксистскими инсинуациями и проповедью реформизма.

Успех Великой Октябрьской социалистической революции Лезер объяснял исключительно личным влиянием В. И. Ленина, который гениально использовал сложившуюся ситуацию. К. Каутскому же приписывались «героические усилия» ради спасения марксистского идеала и согласования его с действительностью.

Австрийские реформисты клеветуют на Октябрьскую революцию потому, что она опровергла их оппортунистические иллюзии.

В. И. Ленин опирался на партию, за которой шли пролетарские массы, солдаты, крестьянская беднота. Грандиозная революция привела к смене общественно-экономической формации.

Огромно и влияние Великой Октябрьской социалистической революции. Даже некоторые австрийские реформисты признают, что эта революция дала мощный толчок распространению социалистических идей во всем мире. Правда, за этим сразу же следует тезис, будто принципы Октября годятся только для отсталых, полуфеодальных стран. Однако такой вывод оказывается не в ладах с историей, поскольку эти принципы нашли успешное применение и воплощение в ряде индустриальных стран (ГДР, Чехословакия). Да и по своей природе идеи Великой Октябрьской социалистической революции не могут быть чужды индустриальным странам, ибо она ориентируется на историческую роль рабочего класса.

В 1977 г. все прогрессивное человечество праздновало знаменательную дату — 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции, положившей начало революционному обновлению мира. Ни одно из событий истории не имело таких глубоких долговременных последствий для человечества. Отмечая это, Л. И. Брежнев в докладе «Великий Октябрь и прогресс человечества» под-

¹ См. Leser Norbert. Zwischen Reformismus und Bolschewismus. Wien, 1968, ss. 123, 496, 501, 504—506.

² См. Leser Norbert. Sozialismus zwischen Relativismus und Dogmatismus. Freiburg, 1974, ss. 8, 11, 44, 47—56, 59—61, 112—115.

черкнул, что «из международных последствий Октября, определивших лицо нашей эпохи, самое главное — возникновение и развитие мировой системы социализма»¹.

Каждая из стран, вступивших на путь социализма, расширяет, обогащает практику мирового социализма. Вместе с тем совокупный опыт развития мирового социализма показал, что остаются и сохраняют свою силу общие коренные, неотъемлемые черты социалистической революции и социалистического строительства. Они вновь подтверждают великое международное значение опыта Октября. Среди этих черт в докладе «Великий Октябрь и прогресс человечества» Л. И. Брежнев отметил следующие:

— Главным вопросом революции по-прежнему остается вопрос о власти. Или власть рабочего класса, выступающего в союзе со всем трудовым народом. Или власть буржуазии. Третьего не дано.

— Переход к социализму возможен только, если рабочий класс и его союзники, овладев реальной политической властью, используют ее для ликвидации социально-экономического господства капиталистических и иных эксплуататоров.

— Победа социализма возможна, если рабочий класс и его авангард — коммунисты сумеют воодушевить, сплотить трудящиеся массы в борьбе за построение нового общества, преобразование на социалистических началах экономики и всех общественных отношений.

— Социализм может утвердиться лишь в том случае, если власть трудящихся сумеет защитить революцию от любых атак классового врага (а такие атаки неизбежны — как внутри, так, скорее всего, и извне)².

Как показывает новая программа СПА, принятая на съезде этой партии 20 мая 1978 г., австрийские реформисты остаются на старых позициях, хотя и сталкиваются с оппозицией левых элементов, особенно молодежи. Правда, был расширен вдвое раздел об экономических кризисах. Программа связывает их с погоней за прибылью и влиянием конкуренции. В программе отмечается несостоятельность надежд на бескризисное развитие

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., Политиздат, 1978, т. 6, с. 587.

² Там же, с. 588.

экономики капитализма, но из этого не делается революционных выводов. Наоборот, повторяется антикоммунистическая фразеология о мнимом «тоталитаризме» и «антидемократизме» реального социализма, о его близости к фашизму. Реформисты сулят народным массам строй «социальной демократии» весьма туманного характера, на базе «основных ценностей демократического социализма», хотя термин «этический социализм» снят. В докладе Б. Крайского марксизм сводится к описанию и объяснению «капиталистического хозяйственного уклада».

В программе формулируется задача «уничтожить классы и установить справедливое распределение доходов», но реальные пути ее решения не указываются. Под влиянием левых термин «социальное партнерство» устранен, а фактически программа ориентируется на него. Более того, сделан шаг назад, даже по сравнению с Венской программой (1958 г.), в трактовке собственности. В Венской программе говорилось о желательности обобществления средств производства. Вместо этого новая программа предлагает установление «самой широкой ответственности каждого человека» и «осуществление общественных целей». Это двусмысленное изречение сопровождается более отчетливым заявлением о том, что «сами по себе изменения в отношении собственности отнюдь не означают перемен в направлении демократического социализма». Осуждаются межнациональные корпорации, но ничего не говорится о засилии иностранного капитала в Австрии. Программа возлагает надежды на «паритетное соучастие» рабочих в управлении производством, сотрудничество с капиталистами. Уравнивание доходов проектируется лишь с помощью налогов. Да и само правительство СПА, стоящей у власти, дает льготы предпринимателям¹.

Новая программа СПА остается сугубо реформистской, воспроизводит инсинуации буржуазного антикоммунизма, сводит борьбу за социализм к пустым декларациям и благим пожеланиям этического характера, оберегает монополию буржуазии на средства производства, ее социальный паразитизм.

Однако вынужденное признание кризисных явлений в экономике капитализма равносильно признанию краха реформистских иллюзий.

¹ См. Рабочий класс и современный мир, 1978, № 4, с. 55—62.

2. Идейные позиции западногерманского реформизма

Одной из крупных и ведущих партий Социнтерна является Социал-демократическая партия Германии (СДПГ). Распущенная фашистами после их прихода к власти партия возобновила свою деятельность после второй мировой войны. Идеологические принципы западногерманской социал-демократии изложены в программе, принятой на съезде в Бад-Годесберге в 1959 г., которая имеет ярко выраженный реформистский характер. Эти же тенденции характерны и для других программных документов, работ и выступлений теоретиков и лидеров партии.

Своим влиянием и успехом на выборах в 1969 и в 1972 гг. (с 1969 г. социал-демократы стоят во главе правительства, куда входят и свободные демократы) партия в значительной мере обязана принятому ею в эти годы реалистическому курсу во внешней политике, который пользуется поддержкой большинства населения внутри страны и на международной арене. Линия на заключение договоров с СССР, а затем ПНР и ГДР, установление дипломатических отношений с рядом социалистических стран содействовала повышению авторитета партии, относительной консолидации ее рядов.

Вместе с тем лидеры СДПГ все чаще и чаще сталкиваются с кризисными явлениями, порожденными процессами дифференциации внутри партии, соглашательской тактикой сотрудничества с капиталом правых лидеров партии. Чтобы лучше понять идейные позиции западногерманского реформизма, необходимо проследить его эволюцию.

После разгрома гитлеровского рейха в 1945 г., в условиях обострения классовых противоречий и хозяйственной разрухи западногерманские реформисты под руководством К. Шумахера, Э. Олленхауэра и других занялись идеологической защитой капитализма. Это было новое предательство коренных интересов пролетариата и дела социализма.

Сдвиг вправо в реформистской идеализации современного капитализма отчетливо проявился в публикациях Р. Лёвенталья, Ф. Зингера, В. Эйхлера, Ф. Штернберга, Г. Вейссера, Г. Дайста, К. Шмида и других идеологов

реформизма¹. Это приводило к открытому разрыву с марксизмом, профанации социализма, солидаризации с буржуазным антикоммунизмом. В литературе и в выступлениях лидеров СДПГ борьба с капитализмом подменялась борьбой с коммунизмом, диктатура монополий маскировалась под «рыночный социализм», к которому приклеивались ярлыки свободы и демократии.

Годесбергская программа СДПГ 1959 г. оказалась заполнена либеральной фразеологией, апологией частной собственности, славословием по адресу «индивидуальной свободы». Провозглашался «мировоззренческий нейтралитет», марксизм трактовался как один из возможных источников реформистского вдохновения. Программа полностью порывала с марксизмом и идеалами пролетарской революции. Предавались забвению классовые интересы пролетариата. Коммунизму противопоставлялась демагогия об основных ценностях «демократического социализма», торжестве «универсальной свободы» и «всеобщей справедливости».

Выступая в 1960 г. в Ганноверском партийтаге, лидер СДПГ Эрх Олленхауэр ставил в заслугу руководителям СДПГ то, что они «покончили с представлением, будто обобществление должно быть центральным средством общественного контроля». Поэтому, считал Олленхауэр, не следует дополнять программу «каталогом мер по социализации хозяйства», надо поощрять свободную конкуренцию, мелкое предпринимательство и накопление имущества.

Позднее в реформистской литературе и программных документах социал-демократии 70-х годов идеи Годесбергской программы находят широкое отражение. Несмотря на протесты «молодых социалистов», требующих «изменения системы» и социалистических преобразований, западногерманский реформизм склоняется вправо или остается на прежних позициях.

Политическая и социально-экономическая платформа западногерманских идеологов «демократического социализма» к середине 70-х годов получила воплощение в так называемой «Ориентировочной программе экономико-по-

¹ См. Полянский Ф. Я. Критика реформистских концепций современного капитализма. М., Изд-во МГУ, 1975, с. 36—76.

литических мероприятий СДПГ на 1975—1985 гг.»¹. Эта платформа была подготовлена как проект на Ганноверском съезде СДПГ (1973 г.), а затем после доработки была представлена на рассмотрение Маннгеймского съезда (1975 г.). Центральное место в программе занимают оценка современного капитализма и реформы в области экономической и социальной жизни ФРГ.

Оценивая современный капитализм, авторы программы вынуждены были учитывать, хотя и в самой общей форме, недовольство широких масс политикой государственно-монополистического капитализма, их стремление к достижению большей социальной справедливости. В программе признавалось, что во многих странах все еще сохраняются нищета, бесправие, угнетение, да и в богатых индустриальных государствах развиваются «новые формы бедности, эксплуатации, деформации людей и окружающей природы». В «Ориентировочной программе» отмечалось, что на базе противоречия «между возможностями человека и их реализацией» возникают идеи социализма, ставшие «более чем утопией». Социал-реформисты сетуют на то, что «объективизация развития», превращение его в «естественную необходимость» мешают «самоопределению индивида», тем более что производство ориентируется на прибыль, а не на удовлетворение потребностей общества, государственное планирование приводит к господству «неконтролируемой бюрократии». Большие надежды авторы программы возлагали на «правовое государство», трактуя его как свободное и демократическое, достойное защиты «справа и слева».

В «Ориентировочной программе» не отрицалось существование классов в ФРГ, противоречий их интересов, неравенства в распределении доходов и «шансов в жизни», но декларировалось, что «соучастие» рабочих в управлении предприятиями будто бы примиряет эти противоречия и помогает капиталистической системе существовать, ибо якобы делает предпринимателей и рабочих равноправными. Увеличение роли буржуазного государства объяснялось лишь «усложнением структуры индустриального общества». При этом все-таки отвергалась буржуазно-идеалистическая концепция независимости государства от

¹ См. Ehrenberg Herbert. Zwischen Marx und Markt. Frankfurt am Main, 1973.

«общественных интересов». Зато следовала ссылка на Голдесбергскую программу, согласно которой «работополучатель» в ФРГ уже перестал быть «простым объектом эксплуатации», превратился в гражданина государства, обладает «определенными правами» и даже правом на «соучастие в управлении, что, по мнению западногерманских реформистов, означает шаг в ограничении хозяйственной власти предпринимателей.

Авторы цитируемой программы вынуждены признать, что в условиях буржуазного государства продолжается рост мультинациональных корпораций, нуждается в реформе банковская система, содействующая концентрации хозяйственной власти, ограничению «свободы прессы». Тем не менее отвергалась марксистская трактовка буржуазного государства как «агента монополий», так как иначе пришлось бы и благонамеренным реформистам атаковать его и вторгаться в частное хозяйство. Поэтому делались ссылки на зависимость парламентских решений от воли избирателей и важную роль государства в экономике ФРГ. Следовал спасительный вывод, что «зависимость государства и частного хозяйства является взаимной».

Авторы «Ориентировочной программы» характеризуют экономику ФРГ как «смешанную экономику», поскольку здесь якобы существует «государственное планирование и регулирование», причем частную собственность на средства производства и рыночную конкуренцию они считают необходимыми. Правда, в программе признается, что сам по себе рынок «порождает концерны и картели», стесняет конкуренцию, удовлетворяет лишь платежеспособный спрос и «рыночное распределение продуктов оказывается справедливым лишь в той мере, в какой справедливо распределение доходов»; в условиях рыночной экономики затрудняется создание инфраструктуры, усиливаются межрайонные различия, некоторые виды продукции не производятся в силу конкуренции, проявляется нестабильность, конкуренция даже разрушает «рыночные отношения».

В связи с усилением концентрации капитала, по мнению авторов программы, многие отрасли экономики перестали быть сферой свободной конкуренции. Признавалось, что проекты строительства и развития трудно обосновать на базе изменчивого спроса на рынке. Последний не дает ориентиров для решения таких проблем, как обеспечение полной занятости, стабилизация курса денег,

устойчивость роста производства, охрана природы. Но вывод сводится лишь к необходимости совершенствовать и корректировать «рыночное хозяйство» ФРГ с помощью государственного регулирования, поощрения конкуренции и контроля, чтобы сделать спрос влиятельным фактором «частнохозяйственных решений». Идеалом объявлялся все-таки «свободный рынок», хотя и не исключалось законодательное регулирование конкуренции. Воспроизводился старый реформистский лозунг: «Конкуренция — насколько возможно, планирование — поскольку необходимо»¹.

Составители «Ориентировочной программы», чтобы сохранить влияние СДПГ на рабочих, высказывали некоторые критические замечания о капитализме. Но эта критика оказывалась весьма умеренной и поверхностной, ибо была направлена на то, чтобы скрыть основное противоречие капитализма. Об общем кризисе капитализма не было и речи. Более того, ради обоснования реформистских иллюзий прославлялись достижения современного капитализма.

При трактовке социализма «Ориентировочная программа» повторяла фразеологию Годесбергской программы, ее догмы. Он получал искаженное толкование, превращался в благое пожелание, терял всякую определенность. Открыто признавалось, что у СДПГ нет отчетливого представления о социализме и конкретного плана его строительства.

В программе СДПГ провозглашается борьба за «лучшее общество», но характер его не определяется. Правда, свобода трактуется как «отсутствие зависимости и наличие возможностей саморазвития». Однако вне зависимости человек оказывается лишь за пределами общества и анархистское толкование свободы неприемлемо. Оно является антисоциалистическим. Без уничтожения капитализма свобода невозможна, поскольку сохраняется эксплуатация.

В программе прямо говорится, что идеалом ее авторов является свобода потребительского спроса, выбора рабочего места, конкуренции и предпринимательства. Но все это возможно и в условиях капитализма. Вовсе не требуется социализма для того, чтобы предприниматели могли

¹ Parteitag SPD. Mannheim, 1975, ss. 1012—1051.

конкурировать между собой и эксплуатировать рабочих. Что же касается потребителей, то они всегда пользовались правом выбора нужного им товара. Наемные рабочие как продавцы рабочей силы тоже могут выбирать место труда. Поэтому социальные порывы авторов «Ориентировочной программы» не выходят за рамки капитализма и явно ориентированы на него, отличаются ложным пафосом. Речь идет об усовершенствовании капитализма, а не о борьбе за социализм даже в его реформистском толковании. Курс монополий на присвоение максимальной прибыли признается лишь односторонним их увлечением, а не признаком эксплуататорской природы капиталистической системы производства. Концентрация производства все больше усиливается и является неизбежной, а в программе ставится задача его децентрализации, когда речь заходит о национализированных предприятиях в ФРГ. Это было бы шагом назад. Фраза о самоуправлении отдавала дань анархо-синдикализму.

В программе перечислялось много запроектированных реформ, но большинство их фактически сводилось к неокейнсианским рецептам взбадривания и стимулирования экономики капитализма с помощью буржуазного государства, которое объявлялось ответственным за все. Одновременно признавалось, что «национальное регулирование» экономики ФРГ проблематично или невозможно. Конечным регулятором экономики признавался рынок. Но ориентация на рыночную экономику характерна для капитализма со дня его рождения.

Авторы программы собираются совершенствовать капитализм. Упорно расхваливая «соучастие» рабочих в управлении как панацею от всех зол, они утверждают, что это помогает смягчить противоречия между предпринимателями и рабочими, поскольку те и другие якобы одновременно заинтересованы в укреплении позиций предприятия на рынке.

Некоторые социальные проекты, предлагаемые в программе, безусловно, прогрессивны (демократизация образования, улучшение медицинского обслуживания, расширение пенсионной системы и т. д.), но их осуществление в условиях капитализма может быть только ограниченным. Между тем составители «Ориентировочной программы» цепляются за капитализм, хотят продлить его существование.

Кроме официальных программных документов, трактующих в ложном свете современный государственно-монополистический капитализм, большой интерес для понимания «неокапиталистической», реформистской идеологии представляет анализ отдельных работ теоретиков западногерманской социал-демократии. Как и программные документы, эта литература дает искаженное толкование ряда серьезных изменений, которые имеют место в послевоенном государственно-монополистическом капитализме, в методах регулирования экономики, в отношениях между трудом и капиталом.

Идеализация современного капитализма отчетливо обнаруживается в книге одного из старейших теоретиков социал-демократии Карла Ландауэра «Социал-демократия». Автор книги утверждает, что после второй мировой войны марксистская теория «стала уже непригодной», «пафос теории прибавочной стоимости лишился притягательной силы». Отпала и идея «исторической необходимости социализма». Аргументируется это тем, что многие реформы, о которых шла речь в прежних программах СДПГ, теперь уже реализованы. В результате положение рабочих настолько улучшилось, что, по выражению К. Ландауэра, «рабочий на своем „Фольксвагене“ догоняет „Мерседес“ капиталиста». Как утверждает автор цитируемой книги, в современном капиталистическом обществе наиболее пригодной формой «деловой активности» является акционерная компания, поскольку нет больше «враждебной армии» рабочих, противостоящих предпринимателям, рабочие превратились в потребителей и разговоры о классовой борьбе это лишь отголоски XIX века. Только отсутствие «механизма планирования» признавалось недостатком «западной экономики», так как, по мнению К. Ландауэра, это лишает ее стабильности, порождает инфляцию, диспропорции¹.

Примером идеализации капитализма под маской демократизма служит лекция профессора Герберта Вейхмана, прочитанная 22 июня 1973 г. в Кильском университете и изданная с сопроводительной статьей К. Шмида. Почтенный лектор уверял, будто в ФРГ все партии отличаются «демократическими убеждениями» и чувством «социаль-

¹ См. Landauer Karl. Die Sozial-Demokratie. Hamburg, 1972.

ной ответственности», экономика процветает в «период сверхконъюнктуры», безработицы нет, и даже иностранцы находят себе место в производстве, исчезло обнищание пролетариата: его благосостояние выше, чем в любом государстве (за исключением Швеции). Вейхман не обнаруживает в ФРГ «ориентирующегося исключительно на прибыль капитализма раннего периода», а также «неограниченного господства человека над человеком», поскольку теперь возникла система государственного вмешательства в экономику и стал возможен контроль над ней со стороны «противодействующих сил» в лице учреждений по контролю над монополиями, профсоюзов, производственных советов. Вывод гласил, что ФРГ можно считать «лучшим из существующих миров»¹.

Полемизируя с «молодыми социалистами», Хорст Гейманн назойливо твердил, что буржуазная собственность не является единственным признаком капитализма, уже возникла «демократическо-капиталистическая система», ее нельзя отождествлять с частной властью над средствами производства, ибо тогда борьба с капитализмом превратилась бы «в атаку на демократию». Концепция же государства как совокупного капиталиста отражает «раннюю стадию буржуазной демократии» и устарела². Ганс Фогель толкует о позитивных функциях капиталистической прибыли, ратует за «сочетание преимущества капитализма и социализма»³. Зато Фолькер Гауф и Фриц Шарпф вынуждены признавать наличие «экономической стагнации», безработицы, инфляции, валютного кризиса в индустриальных странах капитализма⁴.

В трактовке проблем империализма ученые мужи социал-демократии продолжают оставаться на позициях каутскианской концепции. Так, Г. Х. Шродер уверял, будто «империализм и социализм многосторонне связаны», поскольку империализм был «реакцией господствующих классов на угрожающий рост рабочего движе-

¹ Weichmann Herbert. Hamburg, 1974, ss. 29, 38, 42.

² См. Heimann Horst. Theoriediscussion in der SPD. Frankfurt am Main, 1975, ss. 55, 174, 288.

³ Vogel Hans-Jochen. Grundfragen des demokratischen Sozialismus. Bonn. Hrsg. Vorstand der SPD, ss. 11.

⁴ См. Hauff V. und Scharpf F. Modernisierung der Volkswirtschaft. Frankfurt am Main, 1975, ss. 268, 269.

ния», нес «политико-психологические функции» в ущерб классовым противоречиям. Сам автор этих высказываний признавал, что в его работе нет четкого определения понятия «империализм», но заявлял, что капитализм издавна трактовался им как строй, «порождающий поиски внешних рынков»¹.

Хорст Эмке решительно выступал против теории государственно-монополистического капитализма и термина «поздний капитализм», ссылаясь на то, что «капиталистическая система не остается неизменной». Между капитализмом и «чисто социалистическим строем», по его мнению, возможно множество «смешанных форм»².

Герберт Эренберг осуждает «новых левых» за рассуждения об основном противоречии капитализма, а также неотроцкиста Э. Манделя за «поиски обострения и усложнения» этого противоречия, ссылаясь на то, что закон тенденции нормы прибыли к понижению «эмпирически не подтверждается». Этот реформист даже давал гарантии в том, что проблемы распределения национального дохода «в условиях широкого рассеяния частной собственности, в том числе на средства производства, могут решаться лучше, чем при ее уничтожении». Для избавления трудящихся в ФРГ от социальных бед якобы не требуется «преодоления системы»: ее возможности «столь велики и изменчивы, что их нужно только использовать»³.

Авторы сборника «Свободный социализм» (1973 г.) также славословят по адресу современного капитализма. В статье А. Гисина утверждалось, что в западных странах наблюдается «невиданное повышение благосостояния широких народных масс и постепенное стирание классовых граней тысячелетней давности в области культуры». Петер Эртцен прямо заявил, что экономическая система на базе частной собственности и конкуренции свободного рынка «обладает все еще большой эффективностью», неопасна для ориентации на социализм и нуждается лишь в некотором корректировании. Курт Немиц повторял

¹ Schröder H.-Ch. Sozialismus und Imperialismus. Bonn, 1975, ss. 7, 12, 13, 25.

² Ehmke Horst. Demokratische Sozialismus und demokratische Staat. Bonn, 1973, ss. 268, 269.

³ Ehrenberg Herbert. Zwischen Marx und Markt. Frankfurt am Main, 1973.

догму, согласно которой «многообразие форм предпринимательства» дает простор для проявления талантов, склонностей, энергии людей, облегчает «стабилизацию конъюнктуры», и воспроизводит изречение Эдуарда Гейманна, будто врагом демократического общества является «не собственность, но безответственная власть — частная или публичная». Клаус Ломпе предлагал трактовать современное государство как «форму политической интеграции» или «самоорганизации индустриального общества», способного умиротворять конфликты¹.

В 1975 г. вышла книга Стефана Шенде «Между насилием и терпимостью», где безапелляционно утверждалось, будто «действительность большинства демократически управляемых индустриальных стран не имеет сходства с теми государствами, в условиях которых жили Маркс и Ленин». Право собственности в «демократически управляемых» странах якобы все больше ограничивается «демократическим контролем», расширяется влияние рабочих организаций на распределение богатства и затем производства, так как существует такое демократическое законодательство, о котором Маркс и Ленин не мечтали. Если верить утверждениям С. Шенде, то даже репрессии якобы провоцируются лишь самими демонстрантами².

Западногерманские реформисты уверены в производственных возможностях современного капитализма. Как пишет Рихард Лёвенталь, «технический прогресс в условиях системы прибылей ведет к разрушению ее материальной базы. Поэтому лозунг социализма превращается из требования об освобождении производительных сил от оков капиталистической собственности в требование об избавлении общества от неограниченного роста производства под влиянием погони за прибылью, чтобы сделать возможным контроль над разрушительными последствиями»³.

Бросается в глаза явная противоречивость суждений западногерманских реформистов о современном капитализме (это, как показано выше, свойственно и австрийским реформистам). Панегирики, адресованные капита-

¹ См. Freiheitlicher Sozialismus. Bonn, 1973.

² См. Szende Stefan. Zwischen Gewalt und Toleranz. Frankfurt am Main, 1975, ss. 309, 312.

³ Die Zeit. 16 April 1973, s. 5.

лизму, сопровождаются оговорками и признаниями его отдельных недостатков. Дозированная критика современного капитализма нужна лишь для демонстрации мнимого радикализма и сохранения социальной базы среди рабочих масс. Однако, говоря о таких социальных пороках капитализма, как безработица, инфляция и другие, от которых прежде всего страдают трудящиеся, реформисты не дают им принципиальной оценки, не связывают их с основным противоречием капитализма. Вывод о неизбежности социалистической революции, о падении капитализма отвергается.

В работах западногерманских реформистов доминирует восхваление современного капитализма. Причем ему часто приписываются достоинства раннего капитализма, когда этот общественный строй был еще прогрессивным. Предпринимаются назойливые попытки приписать марксизму пресловутую теорию «автоматического краха капитализма...» и затем легко опровергать ее, говорить о несостоятельности прогнозов Маркса. Эти попытки не новы. Они предпринимались и раньше, и уже никого не могут удивить.

Однако поскольку капитализм рухнул уже во многих странах, можно утверждать, что прогнозы Маркса вполне оправдались. Успехи социалистических стран говорят о том, что будущее принадлежит социализму. Напротив, капитализм — это общество, лишенное будущего¹. В современных условиях углубился общий кризис капитализма, обострились его непримиримые противоречия. Безработица в странах капитала приняла массовый характер. Непрекращающаяся инфляция всей своей тяжестью обрушивается на трудящиеся массы. Империализм порождает мировые войны. Он виновник гонки вооружений, что создает угрозу термоядерной войны, которая приведет человечество к катастрофе. Капитализм виновник и хищнического отношения к природе, к окружающей человека среде. И все эти «добродетели» капитализма выдаются фальсификаторами истории за признаки его «динамичности».

Реформисты продолжают петь дифирамбы частной собственности в то время, как в капиталистическом мире

¹ См. О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года, с. 17.

все больший размах приобретает борьба против засилья монополий, эксплуатации, за демократию и социализм, в авангарде которой идет пролетариат. Усиливается забастовочное движение. Трудящиеся все более активно выступают против безработицы, роста дороговизны, попыток переложить на них бремя экономического кризиса. Усиливается тяга к единству рабочего движения, к объединению левых, демократических сил¹.

В этих условиях считать классовую борьбу лишь «отголоском XIX века» — значит заведомо фальсифицировать факты.

Изображая буржуазное общество в ФРГ «лучшим из миров», реформисты пытаются представить рабочих, которые остаются объектом изощренной эксплуатации, в качестве простых потребителей. Власть монополий в их трактовке выглядит призрачной властью: ее якобы ограничивают коллективные договоры, производственные советы и другие формы «общественного контроля». Однако ссылки на существование «демократического законодательства, преобразующего капитализм», не изменяют существа положения. Призрачным оказывается «общественный контроль» над монополиями, о котором так много рассуждают западногерманские реформисты. Коллективные договоры лишь несколько упорядочивают процесс эксплуатации, но вовсе не исключают всевластия монополий. Профсоюзам приходится вести долгую борьбу за каждый пфенниг, производственные советы играют скромную роль и даже ассимилируются капиталистическими корпорациями, а бюрократические учреждения по контролю над монополиями владычат жалкое существование.

Попытки представить современный капитализм как прогрессивный строй неразрывно связаны с идеализацией буржуазного государства. Его связь с монополиями упорно скрывается, хотя она общеизвестна. Вместе с тем отрицается и господство монополий в экономике ФРГ, несмотря на сетования по поводу концентрации «хозяйственной власти». Буржуазное государство этой страны все более становится олицетворением «совокупного капиталиста», а реформисты продолжают толковать о прогрессе

¹ См. О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года, с. 17—18.

демократии, отождествлять такое государство с «политической интеграцией» или «самоорганизацией общества».

Покинув позиции классового анализа, реформисты повторяют буржуазную фразеологию о политически нейтральной государственности в условиях капитализма. Они крайне преувеличивают экономическую роль буржуазного государства: по их мнению, оно способно устранить экономические кризисы и преобразовать сам капитализм путем «политического планирования». Реформисты в ФРГ все еще повторяют давно обанкротившуюся кейнсианскую легенду о возможности устранения кризисов в рамках капитализма.

Особым вниманием у западногерманских истолкователей доктрины реформизма пользуется частная собственность. Чтобы скрыть ее социальное значение и эксплуататорскую сущность, предпринимаются попытки доказывать, что предприниматели не составляют особого класса, поскольку они солидарны не во всех делах. Конечно, частная собственность на средства производства не единственный признак капитализма. Но это основополагающий его признак. Именно монополия буржуазии на средства производства и является базой капиталистической эксплуатации. Можно согласиться, что источником «хозяйственной власти» могут быть и другие факторы, в том числе политические, тем более после национализации некоторых банков, железных дорог, промышленных предприятий. Но главным источником этой власти остается частная собственность на средства производства. Ведь управляющие корпораций управляют предприятиями с соизволения владельцев контрольного пакета акций.

Эффективность хозяйства реформисты связывают лишь с частной собственностью на средства производства. Врагом объявляется не собственность, а «хозяйственная власть», и это несмотря на то, что последняя в основном принадлежит собственникам или их управляющим. Собственность магнатов капитализма остается неприкосновенной.

Конечно, если социализм произвольно отождествлять с капитализмом, как это делают реформисты, то буржуазная собственность перестает быть помехой для «социалистической ориентации». Но такой псевдосоциализм в рамках «смешанной экономики» не имеет ничего общего с научным социализмом.

Некоторые авторы ревизионистского толка прямо высказываются за сочетание капитализма и социализма. Такая экономика оказывается идеалом реформизма. Апология «экономического плюрализма во имя свободы и талантов» фактически означает борьбу за капитализм. При этом социализму приписываются те же пороки и противоречия, от которых страдает капитализм, хотя речь идет о совершенно различных экономических системах.

Для реформистов характерно смешение различных форм частной собственности. Такой подход не только фактически несостоятелен, но и методологически порочен. Зато это помогает скрыть эксплуататорскую сущность буржуазной собственности, маскировать первооснову социального паразитизма. В результате отрицается необходимость и неизбежность победы социализма. Отмечается возникновение «новых противоречий» в системе капитализма, но они не расшифровываются и переадресуются социализму.

Ожидать от западногерманских реформистов новой и глубокой трактовки империализма не приходится, раз они подменяют капитализм «рыночным хозяйством». Для монополистического капитализма и государственно-монополистического капитализма в их концепциях не остается места. Фактически повторяется каутскианская фразеология, и империализм по-прежнему сводится к борьбе за рынки, характерной для всей истории капитализма. К этому добавляется «реакция на рабочее движение», и империализму приписывается стремление улучшить экономическое положение пролетариата. Реформисты даже говорят о «связи империализма с социализмом». У империализма обнаружили даже «психологические функции». Все это похоже скорее на реабилитацию империализма, чем на его научную критику.

Как видим, в литературе западногерманского реформизма суждения ряда авторов в трактовке некоторых вопросов не всегда совпадают. Одни ратуют за неограниченную свободу, а другие допускают ее ущемление, некоторые с порога отвергают «восточный социализм», а сторонники другой точки зрения предлагают не судить о нем категорически, поскольку он еще не вполне раскрыл свои возможности. Расхождения сказываются и в оценке «добродетелей» современного капитализма. То превозносится роль конкуренции, то утверждается, что ее

уже нет, поскольку далеко зашла концентрация капитала и производства. Провозглашение ориентации на плюрализм экономических форм сопровождается иногда признанием того, что мелкое производство влечит жалкое существование и сохраняется лишь благодаря опеке со стороны государства. Воинствующий реформизм дополняется претензиями на революционное значение прагматизма. Очевидно, что этот разнобой в суждениях и акцентах объясняется не только «идейным плюрализмом», которым так гордятся реформисты, но и идейным разбродом в их рядах, противоречивостью доктрины реформизма, неспособностью дать логически последовательные ответы на коренные вопросы современности. Обнаруживается идейная несостоятельность реформизма.

Однако для реформистской литературы характерны общие черты, которые доминируют над разночтениями и свидетельствуют о прокапиталистическом курсе западногерманских реформистов, вставших на путь предательства коренных интересов рабочего класса, его революционных традиций. В частности, обнаруживается, что именно идеализация современного капитализма является базой при попытках обосновать реформизм.

Западногерманские реформисты защищают капитализм, трактуя его с мещанских, мелкобуржуазных позиций. В этом проявляется изменение классовой природы современного реформизма. Его разрыв с рабочим классом не мог пройти бесследно. Исходным стал тезис о прогрессивности современного капитализма, его принципиальном отличии от «раннего капитализма», о его способности к любым превращениям и автоматическому самоотрицанию.

Реформисты, как было отмечено выше, все еще ждут от капитализма «больших успехов». Значит, отпадает вывод о его реакционности, о конфликте между производительными силами и производственными отношениями, углублении основного противоречия капитализма. Тогда, естественно, зачеркивается и революционная перспектива, на первый план выдвигается задача использования капитализма, а не его ликвидации. Приспособление к нему становится генеральной целью.

Прокапиталистический характер экономической платформы современного реформизма обнаруживается в суждениях теоретиков западногерманского реформизма о пре-

вращении рабочих в акционеров, поскольку ставится задача ассимиляции пролетарских масс капитализмом, примирения их с ним. Подмена планирования прогнозированием означает попытку оставить каждого капиталиста «хозяином в своем деле». Реформы допускаются только в рамках капитализма, хотя именно он порождает анархию, хаос в экономике, кризисы, инфляцию и т. д. Под предлогом «высокого благосостояния» рабочих ФРГ отрицается необходимость в экономической программе социал-демократии, не считаясь с тем, что это «высокое благосостояние» является иллюзорным и часто подрывается инфляцией, экономическими кризисами, безработицей и т. д.

Партия без программы экономических требований пролетариата может быть только прокапиталистической. Отрицание противоположности между капитализмом и социализмом, ориентация на их конвергенцию, формирование «смешанной экономики» — характерные черты западногерманского реформизма. Идеализация капитализма приводит к сближению реформизма и буржуазного либерализма. Реформисты изображают буржуазное государство как «правовое государство» и даже объявляют его «базой цивилизации». Буржуазная система парламентаризма характеризуется ими как шаг к «свободе и равенству», как «вершина политического развития». Иной политической системы реформисты и не мыслят. Напротив, они проектируют расширение функций буржуазного государства, говорят о необходимости усовершенствования его аппарата. По их мнению, буржуазное государство должно «охранять свободу», поэтому ему гарантируется вечное существование.

Социальный идеал реформизма — «конкурентный капитализм». Его идеализация и порождает реформистские иллюзии. Отрицается даже связь буржуазного государства с классовой структурой общества. Основное противоречие капитализма реформисты сводят к безобидному конфликту между абстрактным индивидом и столь же абстрактным обществом, его неопределенными требованиями.

Ориентация на свободу конкуренции, на развитие «рыночного хозяйства» только словесно маскирует курс на сохранение капитализма. Но о каком «свободном предпринимательстве» может идти речь в условиях сов-

ременного капитализма, на стадий империализма, когда широкое развитие получает государственно-монополистический капитализм. Подавляющая часть общественного производства в мире капитализма сосредоточена в руках гигантских монополий. Гнет финансового капитала усиливается. И в этих условиях реформисты утверждают, что будто бы исчезло обнищание пролетариата и нет больше классовой борьбы. Даже рабочие переименованы ими в «работополучателей». Стремясь всеми средствами спасти капитализм, реформисты выдвигают всевозможные проекты стабилизации системы. Искажается и само понятие «капитал». В трактовке реформистов его роль сводится лишь к выражению «конкретных общественных условий». Таким образом маскируется эксплуататорская сущность капитала.

Проявляя особое усердие в апологии буржуазной собственности западногерманские реформисты тщательно скрывают, что речь идет о социальных привилегиях капиталистов, о защите их «права» на эксплуатацию рабочих и присвоение прибылей. Зато много говорится об экономической и политической нецелесообразности экспроприации экспроприаторов. Изобретаются десятки «аргументов» в пользу неприкосновенности буржуазной монополии на владение средствами производства. Эта аргументация используется затем для борьбы с марксизмом, а также с реальным социализмом.

Антисоциалистические позиции западногерманского реформизма обнаруживаются в ожесточенной полемике с «молодыми социалистами», выступающими за национализацию средств производства. Однако ссылки правых реформистов на то, что обобществление средств производства не всегда повышает эффективность производства, не состоятельны. В социалистических странах обобществление привело к ускорению развития экономики, резко повысило ее эффективность. В рамках длительных периодов эти страны стали превосходить индустриальные капиталистические государства по темпам роста производства. В этом сказываются экономические преимущества социализма.

Неверно и утверждение реформистов, будто после экспроприации экспроприаторов не возрастут «шансы свободы», возможности контроля над хозяйственной властью и ликвидации «отчуждения рабочих». Ведь отпадает их

экономическая кабала, исчезает хозяйский деспотизм, само управление предприятиями переходит в руки представителей рабочего класса, возрастает роль организаций рабочего класса, изменяется характер труда, устанавливается справедливая система распределения общественного продукта в соответствии с количеством и качеством труда. Общественный контроль над администрацией перестает быть проблемой, поскольку рабочий становится свободным тружеником, членом трудового коллектива, он работает на себя и свое общество и заинтересован в труде.

Не в ладах с историческим опытом оказывается и вымысел реформистов о том, что социалистическая революция якобы угрожает самостоятельности мелких производителей. Между тем речь идет об экспроприации крупных капиталов, что избавляет миллионы людей от экономической кабалы и эксплуатации, кладет конец буржуазному строю. Подменять одно другим — значит фальсифицировать ход событий, исторический опыт социалистических революций, под маской забот о гуманизме вести борьбу за спасение буржуазного строя.

Нет оснований и для того, чтобы повышение эффективности производства связывать только с «личным интересом», а последний сводить к материальному интересу. После обобществления средств производства вступают в действие факторы, обусловленные общественным интересом, моральным долгом, коммунистической принципиальностью, любовью к родине, улучшением организации труда, зарождением ударничества, социалистического соревнования и т. д. Да и роль личного интереса не исключается, поскольку добросовестный и квалифицированный труд материально поощряется. Реформисты же не могут представить себе иной строй, кроме капиталистического, и социализацию средств производства изображают как экономическую катастрофу.

Реформистов не устраивает национализация потому, что она якобы порождает новые проблемы. Но как можно построить новое общество без решения таких проблем? Естественно, экспроприация экспроприаторов оказывается сложным и болезненным процессом, а организация социалистического производства на первых порах также сталкивается с серьезными трудностями (неопытность новых администраторов, саботаж буржуазных специалистов, диверсии врагов социализма и т. д.). Однако лишь

филистеры могут бояться этих проблем и трудностей. Они вполне разрешимы и преодолимы.

Запугивая трудностями решения новых проблем рабочие массы, реформисты пытаются отвлечь их внимание от того факта, что капитализм XX века породил две мировые войны, катастрофу «великой депрессии» 30-х годов, ужасы фашистской диктатуры во многих странах, угрозу атомной войны для человечества, беспрецедентное в мировой истории ограбление налогоплательщиков. Социализации средств производства противопоставляется «имущественная политика», ориентированная на обуржуазивание верхушки рабочих и служащих. Но это всего лишь жалкая уловка и демагогический маневр. Прогрессивные налоги, на которые реформисты возлагают такие большие надежды, давно уже существуют во многих странах капиталистического мира. Однако это не привело к искоренению наемного рабства. Да и собранные государством деньги в основном возвращаются монополиям в виде субсидий, кредитов, премий.

Идеологи реформизма в ФРГ гордятся тем, что они в Годесбергской программе СДПГ примирились с частной собственностью, рынком и конкуренцией. Это вполне гармонирует с попытками реабилитации буржуазной монополии на средства производства. Но зачем же тогда нужны поиски аргументов против экспроприации экспроприаторов? Такие аргументы излишни.

Само понятие собственности упрощается и искажается реформистами, она сводится всего лишь к «распорядительной власти» над вещами. Но собственность — это сложное социальное явление, основополагающее для каждой системы производственных отношений. Поэтому нелепы попытки ограничить задачи рабочего движения устранением «безответственной власти» путем общественного контроля. Ведь такая власть обычно возникает на почве собственности, ее эксплуататорского использования. Надо смотреть глубже, вырывать корни такой власти, хозяйственного деспотизма.

Часто повторяемый реформистами тезис, будто актуальна не проблема собственности, а проблема контроля над хозяйственной властью и планированием, является пустой фразой. Утверждение социалистической собственности решило бы автоматически и проблему контроля. Если средства производства становятся общественным

достоянием, то хозяйственная администрация оказывается под контролем правительства и общественных организаций. Но для западногерманских реформистов передача средств производства в руки пролетарского государства и ликвидация тем самым буржуазного паразитизма, эксплуатации оказывается «отпугивающим примером». Эта реакция вполне естественна, поскольку и в ФРГ реформисты борются за сохранение, а не за ликвидацию буржуазной собственности.

Чтобы найти какое-то утешение для «страждущих и обремененных», реформисты предлагают уповать на конституционные декларации буржуазного государства, не подрывающие экономических основ капитализма, эксплуатации, диктатуры монополий. Но Конституция ФРГ вовсе не мешает обогащению монополий, их грабительской деятельности.

Иногда западногерманские реформисты говорят о задаче развития «общественного сектора», но остается неясным — что же под этим подразумевается и как это возможно без экспроприации буржуазной собственности.

Читателям навязывается мысль, будто буржуазная собственность уже потеряла «стабилизирующее значение», и покушаться на нее нет смысла, поскольку интересы рабочих масс находят теперь надежную защиту у профсоюзов, политиков, общества. Но буржуазное общество предпочитает скорее эксплуатировать рабочих, чем защищать их, а связанные с ним политики пытаются спасти систему наемного рабства.

В ходе полемики с «молодыми социалистами» реформисты выгораживают буржуазную собственность, оберегают ее от реформ и предлагают начинать их с решения второстепенных вопросов. Но если сохраняется основа капитализма, то устранение второстепенных противоречий не изменит общей ситуации.

Совершенно неправомерно отнесение реформистами собственности к надстроечным явлениям, легко деформируемым законодательством. Собственность во всех формах является конститутивным элементом производственных отношений и, следовательно, составной частью экономического базиса. Несомненно, она может изменяться, марксизм вовсе не отрицает этого. К. Маркс убедительно показал, как трудовая собственность мелких товаропроизводителей превращается в эксплуататорскую,

капиталистическую, а В. И. Ленин доказал, что последняя в итоге концентрации и централизации капиталов становится монополистической, даже государственно-монополистической. Но капиталистическая частная собственность не становится социалистической и в итоге эволюции. Не в состоянии вызвать такое превращение и мелкие реформы. Необходимы коренные, революционные преобразования. Не случайно реформисты столь яростно защищают буржуазную собственность.

В оценке реального социализма западногерманский реформизм в 70-е годы, как и ранее, выступает его противником. Вместе с тем существенно изменившиеся международные условия, в которых социал-демократия продолжает идейную борьбу с реальным социализмом, придают некоторые особенности этой борьбе. Нормализация отношений ФРГ с социалистическими странами, развитие сотрудничества между СССР и ФРГ, встречи и беседы руководящих деятелей двух стран являются свидетельством перемен в советско-западногерманских отношениях. Крупным событием международного масштаба был визит Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева в ФРГ в 1978 г. Он знаменует собой этап в развитии политической разрядки, создании предпосылок для распространения ее на военную область.

В условиях когда воинствующий антисоветизм и антикоммунизм явно обанкротились, идеологическая борьба реформизма против реального социализма приобретает более замаскированные формы. Она ведется с позиций мнимой заботы о дальнейшем «улучшении» реального социализма, под предлогом создания наилучших условий для международного сотрудничества, достижения высших стандартов «качества жизни», обеспечения прав человека, свободы, гуманизма и т. п.

Исторический опыт мировой социалистической системы стал наглядным опровержением реформистских иллюзий, а потому без искажения реального социализма не обходится ни одна публикация «свободной прессы». Кто вслед за буржуазными апологетами все еще верит в «динамические возможности» умирающего капитализма и социальные добродетели частной собственности, буржуазного строя, тот не может примириться с превращением

социализма в реальность и находит у него десятки недостатков.

Старая реформистская догма о связи между государственной собственностью социалистических стран и капитализмом не выдерживает ни малейшей критики. Во многих странах эпохи феодализма существовала государственная собственность на землю, но она не порождала капитализм, так как была феодальной по своей экономической природе. В условиях капитализма государственная собственность на средства производства, естественно, приобретает капиталистические черты и служит одной из опор эксплуатации наемного труда. Возникает государственно-монополистический капитализм. Его позиции укрепляет буржуазная национализация ряда предприятий и даже отраслей промышленности. Так какие же могут быть основания для перенесения всего этого на социализм? Ведь в его условиях радикально изменяются экономические функции государственной собственности, поскольку она становится общенародной, служит основой планирования экономики, создания общественных фондов, распределения созданного продукта в соответствии с количеством и качеством труда и т. д. И как возможно развитие капитализма после экспроприации экспроприаторов, исчезновения буржуазии? Да и остается непонятным, как трудящиеся этих стран могут эксплуатировать сами себя?

Западногерманские реформисты отождествляют буржуазную и социалистическую национализацию средств производства. Поэтому реальное положение в социалистических странах ими искажается. Реформисты усиленно ищут социализм в условиях капитализма, но отрицают социалистический характер экономики тех стран, которые встали на путь социализма. Этот алогизм объясняется реформистской идеализацией капитализма.

Что же противопоставляют западногерманские реформисты реальному социализму? Они предлагают определения социализма, отрицающие его объективную необходимость, лишаящие его классовой базы и реального значения. Социализм превращается в благое пожелание морального характера, постоянную, но неразрешимую задачу. В результате игры в дефиниции понятие социализма становится все более туманным и неопределенным. Фактически снимаются задачи борьбы за него, что вполне естественно, поскольку для западногерманского рефор-

мизма стала характерной прокапиталистическая ориентация, защита буржуазной собственности и социального паразитизма.

На Ганноверском съезде СДПГ (1973 г.) было заявлено, что «демократический социализм» не является «схемой общественного строя или каталогом мероприятий, конечной целью»; это лишь «постоянная задача». По мнению авторов этих заявлений, о социализации средств производства «не может быть и речи», ибо эта мера «не умножает автоматически свободу».

Реформисты заявляют, что «демократический социализм» не сводится к проблемам экономики и собственности. В речи на Ганноверском съезде СДПГ (1973 г.) Фогель выступал против сведения социализма к проблемам экономики и собственности, утверждая, что «социализация — не цель, а тем более не конечная» и провозглашал лозунг реформ ради торжества «солидарности, терпимости и человечности»¹.

Понятно, что победа социализма предполагает решение множества других вопросов, в том числе политических, научных, культурных. Однако это не дает оснований умалять значение экономических проблем. Ведь их разрешение дает материальную базу для строительства социализма. Реформисты склонны к идеалистическому истолкованию его. Между тем без обобществления собственности ни о каком социализме и речи быть не может.

В сборнике статей «Свободный социализм» (1973 г.)² характерна идеализация современными реформистами оуэнизма как разновидности «свободного социализма», хотя Р. Оуэн был настоящим представителем утопического социализма, распространял кооперативные иллюзии, апеллировал к нравственным мотивам. Взывая к нему, реформисты признаются в своем идейном банкротстве. Порвав с научным социализмом, они довольствуются утопическим. Его разновидностью и является проповедуемый ими «свободный социализм» — синоним «демократического социализма».

«Классиком» социализма объявляется Ф. Лассаль³, хотя он имел о последнем весьма туманные представле-

¹ См SPD. Parteitag. Hannover. Protokoll. 1973, s. 270—274.

² См. Freiheitlicher Sozialismus. Bonn, 1973.

³ См, т а м ж е.

ния, отождествлял его с демократизмом, проектировал всего «производственные товарищества» рабочих, уповал на милости юнкерского государства. Лассальянство было предшественником бернштейнианства и, следовательно, современного реформизма. Но именовать Ф. Лассалья «классиком» социализма нет никаких оснований. Скорее это был классик реформизма.

В соответствии с той же позицией «демократический социализм» трактуется как детище либеральных революций прошлых веков. Но эти революции прокладывали дорогу капитализму, а не социализму. Отождествление социализма с буржуазным либерализмом свидетельствует о переходе на позиции антисоциализма. В ход пускается тезис, что история не имеет «имманентного смысла», а потому и социализм нельзя считать неизбежной стадией ее развития. Марксисты обвиняются даже в фатализме, поскольку признают эту стадию закономерной. Им вменяется в обязанность найти мистический смысл в истории человечества, что совершенно нелепо. Исторический телеологизм сам лишен смысла и чужд марксизму.

В сборнике статей «Свободный социализм»¹ Годесбергская программа расхваливается реформистами за открытие «внеэкономических критериев» социализма, хотя дело свелось к отождествлению его с буржуазным либерализмом и демократизмом. Фактически снимались экономические проблемы социализма ради спасения буржуазной собственности. Рабочим массам предлагалось довольствоваться политической свободой в рамках буржуазной лжедемократии.

Что же касается свободы в условиях «демократического социализма», то она толкуется реформистами в этом сборнике с позиций буржуазного индивидуализма, т. е. антисоциалистически. Подразумевается даже свобода предпринимательства, контрреволюционной деятельности и т. д. Теперь сами западногерманские реформисты заявляют, что СДПГ никогда не была социалистической и даже рабочей партией, а Годесбергская программа лишь санкционировала реформистскую практику.

¹ См. Freiheitlicher Sozialismus. Bonn, 1973.

Чтобы зачеркнуть экономические проблемы социализма, современными реформистами декларируется примат человека над экономической системой и само хозяйство объявляется всего лишь «жизненным пространством». Понятно, что на базе таких изречений невозможно определить природу капитализма, раскрыть его противоречия и выявить предпосылки победы социализма. Оказывается, что речь идет всего лишь о жизненном пространстве самовлюбленного индивида, которое он может искать и в сфере природы, и даже космоса. Абсурдно и утверждение, будто наемный рабочий, страдающий от экономической кабалы и эксплуатации, обладает «приоритетом над экономикой капитализма». Однако за этой пустой фразеологией скрывается попытка отрицать объективные, экономические предпосылки социализма и дать «жизненное пространство» реформизму.

Идеалом реформистов объявляется «парламентско-демократический социализм», который получает чисто политическое определение, явно одностороннее и убогое, отождествляющее социализм с буржуазным демократизмом. Новое определение оказывается на деле перелицовкой стародавних дефиниций реформистского толка. О том же свидетельствует и ориентация на «демократическо-плюралистическое общество», под которым, очевидно, понимается капитализм, а не социализм. Подобная терминология не оставляет сомнений в том, что реформисты в ФРГ порвали с социализмом, а не только с социалистической революцией. Их идеалы не выходят за рамки «социального государства», соблюдающего нормы буржуазной демократии, но чуждого социализму. Социальность такого государства усматривается в корректировании капиталистической действительности разными методами социальной политики. Отвергаются идеи детерминизма, поскольку производительные силы и производственные отношения олицетворяются людьми.

Реформистами часто декларируется, что социализм — это свобода и равенство, исключающие образование классов. Однако эти слова остаются пустым звуком, если одновременно заявляется, что о социализации средств производства не может быть и речи. Но как возможны без этого свобода рабочих масс, страдающих от экономической кабалы, и их равенство с эксплуататорами, капиталистами? Этот вопрос остается без ответа. Да и исчезно-

вание классов невозможно, поскольку сохраняется монополия буржуазии на средства производства, право на эксплуатацию людей.

3. Экономическая платформа правых лейбористов

В Англии реформизм столь прочно утвердился в XIX столетии, что и теперь, в XX веке, продолжает существовать как укоренившаяся традиция. Это объясняется прежде всего тем, что профсоюзы здесь возникли раньше пролетарской партии, в период идейной незрелости рабочего движения. Поэтому возобладали экономические интересы, сформировался оппортунистический тред-юнионизм. Созданная позднее «рабочая партия» оказалась пропитана холопским духом фабианства и по существу стала либерально-рабочей партией. Она ориентировалась на эксплуатацию колоний и отражала чаяния «рабочей аристократии», которая «подкармливалась» монополиями за счет колониальной сверхприбыли. После второй мировой войны Британская империя распалась, но сохранились разные формы экономического колониализма, приносящие Англии огромные доходы.

В условиях длительного существования парламентаризма получили широкое распространение буржуазно-демократические иллюзии. Они были восприняты лейбористами. Английский лейборизм оказался консервативным, способным эволюционировать лишь вправо. Руководство партией, которая с 1924 г. часто стоит у власти, неизменно оказывается в руках правых лейбористов, несмотря на существование в партии левого крыла.

В послевоенный период это руководство во главе с К. Эттли, Х. Гейтскеллом, Г. Вильсоном, Д. Каллагэном неизменно пыталось спасти одряхлевший капитализм Альбиона с помощью американских банкиров, упорядочения платежного баланса, ограбления налогоплательщиков, проведения мелких реформ и политической демагогии антикоммунистического характера. Это, естественно, сопровождалось попытками реабилитации и даже идеализации современного капитализма, как свидетельствуют работы Дж. Коула, Дж. Стрэчи, А. Крослэнда, Р. Кроссмэна, Д. Джея, Г. Моррисона, И. Дурбина, Э. Бивена, Дж. Скотта, Х. Томаса, Д. Гриффитса, Х. Гейтскелла и др.

Такое отношение к капитализму приводило и сейчас приводит правых лейбористов к превратному толкованию социализма, даже к борьбе с ним. Унаследовав традиции тред-юнионизма и предрассудки фэбианства, лейбористская партия со времени своего официального оформления (1906 г.) бойкотировала марксизм, ориентировалась на буржуазный реформизм, не считала социализм своей целью и только в 1918 г. высказалась за национализацию средств производства (в § 4 своей программы), но это осталось формальной декларацией.

В период между двумя мировыми войнами правые лейбористы активно насаждали «промышленную демократию» как форму примирения рабочих и капиталистов, пропагандировали «гильдейский социализм». Идеологи английского реформизма (Дж. Коул, С. Тейлор и др.) выдвигали идею создания корпораций (или гильдий) с участием капиталистов, рабочих и служащих, расширения покупки акций правительственными учреждениями. Они утверждали, что «в сфере производства» социализм можно построить силами профсоюзных объединений, а «в области торговли» — на основе кооперации. В книге «Государство в теории и на практике» Гарольд Ласки утверждал, что возможен средний путь между капитализмом и социализмом под руководством государства, в интересах всего общества и «без всяких изменений в коренной структуре классовых отношений».

Хью Дальтон в работе «Практический социализм для Британии» (1935 г.) писал, что национализация средств производства породит бюрократизм, надо лишь планировать экономику и финансировать монополии за счет государства, а «социализм — это прежде всего вопрос количества», в любом обществе есть «социализированный сектор», представленный общественными финансами и «общественными службами» (суд, полиция, система народного образования, лечебные учреждения). Это значит, что «социализм существует повсюду»¹.

Понятно, что при подобном понимании социализма нельзя было ожидать от английских реформистов «социалистической инициативы» и в послевоенный период. В условиях углубления общего кризиса капитализма, воз-

¹ Dalton H. Praktical socialism for Britain. L., 1935, pp. 7, 26, 27.

никновения мировой социалистической системы, распада колониальных империй, радикализации рабочих масс в Англии они не собирались призывать трудящихся к борьбе за социализм. Даже оказавшись у власти в 1945—1951 гг., правительство К. Эттли ограничилось национализацией Английского банка, железнодорожного и автобусного транспорта, угольной и металлургической промышленности, электростанций. Победа на выборах 1945 г. была использована лейбористами для усиленной пропаганды фабианских проектов, ориентирующихся на «прагматизм социального реформизма». Как заявлял Г. Моррисон, социализм является «системой этики», а не экономики и подчеркивал, что он сводится к «социализации ответственности в социальных делах». Реформисты предлагали ориентироваться на «общественные корпорации», свободные от политического вмешательства и управляющие экономикой целых отраслей (с участием капиталистов и рабочих). В книге «Мировая революция» (1949 г.) Моррисон рекомендовал создавать «партию нации», объединяющую все слои населения¹. С. Криппс отождествлял социализм и христианство. Морган Филлипс заявлял (в 1950 г.), что лейбористы целиком отвергают идею классовой борьбы, а свое поведение основывают на принципах демократии и христианства, провозглашенных задолго до Маркса.

В 1949 г. была переиздана книга К. Эттли «Лейбористская партия в перспективе». В этом произведении предлагалось пользоваться лишь «конституционными методами», создавать «полусоциалистические оазисы» внутри капиталистической системы, поскольку она «несовместима с христианством», а «экономическое процветание Западной Европы делает уступчивой буржуазию». Подчеркивалось, что «национализация является не самоцелью, а средством достижения свободы» и многие рабочие стали собственниками, капиталисты часто «оказывают полезные услуги обществу», богатство общества состоит «в его разнообразии, а не однообразии», цель социализма — свобода индивида². П. Гордон-Уокер открыто

¹ См. Morrison H. The Peaceful Revolution. L., 1949, p. 61.

² См. Attlee C. R. The Labour Party in Perspective. L., 1949, pp. 31, 37, 66, 93, 107.

заявлял, что британцам не нужно социализма, им вполне достаточно «лучшего общества».

Следовательно, даже в тот период, когда судьбы Англии находились в руках лейбористов, их лидеры и идеологи не помышляли о сокрушении капитализма, третировали социализм как утопию средневековья, апеллировали к этике христианства, оберегали буржуазную собственность, а тем самым и капиталистическую эксплуатацию. За национализированные предприятия их бывшим владельцам были выплачены огромные суммы, и все это за счет рабочих и налогоплательщиков (в основном трудящихся). Капиталисты не понесли ущерба, и частичная национализация не приобрела социалистического характера, свелась к упорядочению капиталистической системы. Речь шла о расширении все той же «промышленной демократии», сотрудничества рабочих и предпринимателей, об усовершенствовании капитализма, устранении его второстепенных недостатков. Реформисты предавали коренные, классовые интересы пролетариата. Проповедь христианского смирения не мешала лейбористским министрам подавлять национально-освободительное движение в колониях, участвовать в создании агрессивного блока НАТО.

Поражение в избирательных баталиях 1951 г., казалось бы, должно было отрезвить английских реформистов и вызвать критический пересмотр их концепций. Но произошло обратное. Началось восхваление социальных достижений «лейбористской эры» (1945—1951 гг.), усиление антикоммунистической пропаганды под влиянием «холодной войны» и НАТО. Смыкаясь с буржуазной реакцией, лидеры лейбористов, как и реформисты в других странах Западной Европы, еще более качнулись вправо. Лейбористская партия стала руководящей в Социалистическом интернационале, созданном в 1951 г. Началось «переосмысливание социализма». На смену «конструктивному социализму» и «демократическому социализму» приходит «стейтизм», изобретенный А. Крослэндом, Дж. Стрэчи и др. Сформировалась группа «новых мыслителей» (Дж. Стрэчи, А. Крослэнд, Р. Кроссмэн, П. Гордон-Уокер), которая на основе «опыта 40-х годов» и с позиций кейнсианства пыталась сформулировать и обосновать лейбористскую программу корректировки капитализма. Возник своеобразный симбиоз фабианства и кейн-

сианства. Открытая капитуляция лейборизма перед буржуазной политэкопомией была новым моментом. На вооружение брались кейнсианские рецепты спасения капитализма, которые сдабривались фабианской фразеологией о социальной эволюции, о преимуществах реформ перед революцией, императивности христианской морали. К этой группе примыкал и Хью Гейтскелл, ставший лидером партии.

К началу 60-х годов английские лейбористы опубликовали серию брошюр под общим названием «Социализм в шестидесятых годах». Однако содержание этих произведений сводилось к демонстрации «добродетелей» современного капитализма и «демократического социализма».

С середины 50-х годов английские лейбористы вновь стали выступать с программными заявлениями, которые носили разные названия — «К равенству», «Свобода и равенство» (1956 г.), «Промышленность и общество» (1957 г.), «Общественное предприятие» (1957 г.), «Вехи 60-х годов» (1961 г.) и т. д., но неизменно сеяли реформистские иллюзии.

После смерти Х. Гейтскелла лидером лейбористской партии в Англии стал Гарольд Вильсон, но это не привело к изменению политики лейбористов. Оказавшись позднее у власти, они ничего не сделали для осуществления даже «британского социализма». Ради выравнивания платежного баланса лейбористское правительство стало замораживать заработную плату, запрещать забастовки, увеличивать налоги, усиливать эксплуатацию рабочих на государственных предприятиях. Эта антирабочая политика вызвала негодование трудящихся и они в 1970 г. забаллотировали лейбористских депутатов. Дело закончилось политическим крахом.

На конгрессе Британских тред-юнионов в 1968 г. лидеры лейбористов выступали с лозунгами децентрализации и деконцентрации хозяйственной власти, реализации «экономической демократии». Аналогичные положения развивались и в специальном докладе «Индустриальная демократия» (1967 г.) руководства лейбористской партии. Они нашли отражение и в программном заявлении на конференции в Блэкпуле (1968 г.). Речь шла об устранении государства от руководства экономикой, передаче его органам профсоюзов. Проект «коллективного управ-

ления» экономикой предусматривал «трехпартийную систему участия» в нем — министерских представителей «общих интересов», директоров предприятий и делегатов отраслевых профсоюзов. Исходной идеей было признание неизбежности конфликта между государством и трудящимися.

Так лейборизм перерастал в синдикализм. Понятно, что без обобществления средств производства все эти оппортунистические проекты не решали социальных проблем Англии, коренных задач пролетариата.

Существуют, однако, левые элементы среди английских лейбористов, которые группируются вокруг еженедельника «Трибюн» и входят в группу «За победу социализма». В 60-х годах эта группа активизировала свою деятельность.

Левые лейбористы выдвигают лозунг национализации ряда отраслей промышленности, проведения разного рода социальных реформ.

В 1960 г. под редакцией Е. Р. Томсона вышел сборник «Вне апатии». Анализ статей этого сборника показывает, что левые лейбористы неверно трактуют марксизм, не принимают ленинской трактовки пролетарской революции, сохраняют предубеждения относительно диктатуры пролетариата, но убедительно разоблачают правых лейбористов.

Наибольший интерес представляют две статьи самого Томсона, в которых осуждалось «приобретательское общество», отмечалось существование материальных предпосылок социалистической революции. Однако, по мнению Томсона, социальные силы революции парализованы апатией лейбористов и тред-юнионов. Целью социализма автор этих статей считает «не равенство возможностей внутри приобретательского общества, а создание общества равных» на основе «замещения производства для прибыли производством ради потребления». Он сетует на то, что лейбористское движение становится «паразитическим наростом на капиталистической экономике», и довольствуется проектами «малых реформ», а между тем необходима «демократическая социалистическая революция», хотя и без «железной диктатуры». Томсон выступает как сторонник «социалистического гуманизма». Противопоставляя две «модели революции» — реформистскую и марксистскую, он отвергает обе эти модели,

причем первую как бесплодную, а вторую как тождественную с катаклизмом¹.

В литературе 70-х годов наблюдается дальнейшее развитие идейной борьбы среди лейбористов. Так, в 1971 г. вышла книга Ф. Паркин «Классовое неравенство и политический строй», где признается, что участие социал-реформистов в правительствах не устраняет классового неравенства. Автор книги в качестве примера ссылается на многолетнее правление социал-демократов в Швеции, которое не привело к преодолению различий в уровнях доходов рабочих и буржуазии. Причина этого, по мнению Ф. Паркин, заключается в том, что европейская социал-демократия порвала с принципами эгалитаризма, хотя «эгалитарный социализм» исключает влияние рынка². В этой критике сказываются отголоски некоторой левизны. Доминирует же точка зрения, которую отчетливо выразил Гарольд Вильсон еще в конце 1966 г., заявив, что с социалистическими идеями вполне согласуется «прибыль как итог эффективных или правильно размещенных инвестиций»³.

Авторы брошюры «Социал-демократия: по ту сторону ревизионизма» Дж. Гиффорд и С. Хэзелер различают в современном лейбористском движении «лейбористский популизм» (проявляющий заботу о бедных, справедливости, «народном суверенитете», соучастии в управлении) и либерально-прогрессивное направление (акцентирующее внимание преимущественно на расширении политических свобод)⁴. Брошюра является изданием Фабианского общества. Таким образом, слияние правого лейборизма с буржуазным либерализмом признается даже в фабианских публикациях. Это подтверждается новейшими работами и выступлениями А. Крослэнда. Престарелый теоретик правого лейборизма по-прежнему сохранял веру в капитализм и уповал на него вплоть до своей смерти (1977 г.).

При разработке проблем экономической политики лейбористского правительства и в 70-х годах активное уча-

¹ См. Out of apathy. L., 1960, pp. 3, 4, 6, 7, 9—11, 13, 14, 192—194.

² См. Parkin F. Class inequality and political order. L., 1971.

³ Сб.: Проблемы рабочего движения. М., Мысль, 1968, с. 351.

⁴ См. Gyford J., Heseler S. Social democracy: beyond revisionism, L., 1976, pp. 1—30.

ствие принимают ученые-экономисты неокейнсианского толка, связанные с университетами Кембриджа и Оксфорда (Н. Калдор, Н. Нейлд, В. Годли, Т. Балог). Правые лейбористы стоят на позициях неокейнсианства. Это сказывается и на программных документах лейбористской партии. В них доминирует концепция «смешанной экономики», как свидетельствуют предвыборная «Программа лейбористов для Великобритании» (1973 г.) и манифест «Англия выиграет с лейбористами» (1974 г.). В книге «Возрождение британской индустрии» (1974 г.) декларируется, что Англия нуждается «как в эффективном общественном секторе хозяйства, так и в сильном, бодром, ответственном и прибыльном частном секторе работающих вместе с правительством в рамках, которые объединяют интересы всех сторон». Аналогичные положения развиваются и в издании «Лейбористская экономическая стратегия 70-х годов» (Лондон, 1969). Формально проектируется компромисс между капитализмом и социализмом, а фактически подразумевается сохранение диктатуры монополий, поскольку под социализмом понимается все тот же капитализм, но только государственно-монополистического типа¹.

В 1952 г. вышел сборник статей «Новые фабианские очерки». В лейбористском движении начался период «нового ревизионизма» (как говорили сами лейбористы). Авторы этих очерков заявляют, что расширение национализации промышленности нецелесообразно. А. Крослэнд уверял, что с 1951 г. Англия «перестала быть капиталистической страной», задача лейбористского социализма состоит лишь в том, чтобы «искоренить чувство класса», предрассудки классовой обособленности и культивировать сознание «общего интереса и равного положения». Р. Кросмэн утверждал, что эксплуатация и рабство — «нормальное состояние человека», свободу может сохранить лишь «совершенствование человеческой совести», марксистские мечты о бесклассовом обществе подобны легендам о «первородном грехе», экономическая справедливость не гарантирует «автоматически человеческую свободу», плановая экономика и централизация власти «не являются более социалистическими целями» в Англии. Напротив,

¹ См. Шейн А. И. Критика экономических теорий правых лейбористов Англии. М., МГУ, 1975, с. 47.

«основной задачей социализма» стало предотвращение концентрации власти в руках директоров государственных предприятий; пролетарская революция отвергалась по моральным мотивам как орудие «централизованного принуждения», концентрации власти в руках немногих. Отрицалось экономическое и классовое обоснование социализма, он отождествлялся с идеалом свободы, равенства, товарищества. Отвергая марксизм, Кроссмэн предлагал «цивилизовать конфликт» между пролетариатом и буржуазией, уповал на «акт коллективного сознания», который якобы дает возможность «подчинить экономическую власть государственной»¹.

Правые лейбористы, группирующиеся в «Социалистическом союзе», отрицали даже «доктрину непрерывного прогресса». Авторы книги «Социализм: новое изложение принципов»² (1953 г.) утверждали, что свержение капитализма не приведет к замене его социализмом и что вообще «не существует двух различных и противоположных систем, а есть лишь бесчисленная серия оттенков». В 1956 г. этим союзом была опубликована книга под тенденциозным названием «Социализм XX века», где утверждалось, что политика лейбористских министров «по насаждению социализма в буржуазной Англии» дополняется «кейнсианской революцией». Теория Кейнса, по мнению авторов этой книги, вообще составляет «отправной пункт социалистической теории», тезис о социализме как высшей экономической системе вызывает сомнения, поскольку слишком большое место отводится материальным интересам людей. Понятие «свобода» определялось весьма расплывчато, как «сумма всех позитивных возможностей» человека в экономической жизни. Рекомендовалось «соединить этику с экономикой». Социализм сводился к воплощению в экономике «общечеловеческих идеалов равенства, свободы, братства» при сохранении частного сектора, дабы люди «имели собственность, проявляли инициативу и экспериментировали», могли быть свободны. Выдвигался провокационный тезис, будто экспроприация собственности капиталистов открывает «путь к тоталитаризму». Конфликт между капитализмом и со-

¹ New Fabian Essays. L., 1952, pp. 35, 42, 62, 63.

² Socialism: A new Statement of Principles. L., 1952, pp. 17, 18, 41.

циализмом сводился к «конфликту ценностей», поскольку капиталисты «увлекались приобретательской деятельностью», а социалисты ориентируются на моральные ценности¹.

Все эти идеи находили отражение и в программных декларациях руководства лейбористской партии, с которыми оно выступало в избирательных кампаниях. В названных выше «Новых фабианских очерках» и в книге «Социализм XX века» авторы скорее пугали обывателей социализмом, чем ратовали за него. За откровение выдавались стародавние идеи буржуазного либерализма, хотя в Англии уже давно утвердилась диктатура монополий. Если ее шахтовладельцы и железнодорожные магнаты перенесли инвестиции своего капитала в другие отрасли экономики, то это не значило, что она стала социалистической.

Рассуждения о «смешанной экономике» отражают лишь сумятицу представлений в головах фабианцев. В «лейбористскую эру» в Англии не появилось социалистического уклада. Буржуазная национализация только модифицирует капитализм, не покушаясь на его основы. Капитулируя перед кейнсианством, фабианцы отождествляли «регулируемый капитализм» с социализмом. Нудные разглагольствования о демократии, свободе, братстве и христианском человеколюбии предназначались для целей антикоммунистической демагогии. На самом деле фабианцы оберегали капиталистическую собственность, а вместе с нею и буржуазный паразитизм. Моральные сентенции оказывались фальшивыми. Они не заменяли для рабочих куска хлеба.

Симбиоз фабианства и кейнсианства стал характерным для лейбористской литературы. Все больший акцент в ней делается на перераспределение национального дохода с помощью налогов. «Распределительный социализм» лейбористов приобретает фискальный характер. Наблюдается возврат к идеям «фискального социализма» XIX века, они выдаются за откровения, хотя в свое время были разоблачены К. Марксом.

Так, Дж. Коул считался левым лейбористом, но фактически был сторонником «гильдейского социализма» и

¹ См. Twentieth Century Socialism. L., 1956, pp. 15, 21, 40, 125, 146, 148.

в книге «Социалистическая экономика» (1950 г.) акцентировал внимание на моральных принципах, отрицал специфику социалистической экономики и трактовал ее как «простое восстановление, утверждение экономических законов и принципов». Рост заработной платы на основе научно-технического прогресса, по его мнению, якобы открыл дорогу «фабианскому социализму» как новой интерпретации «формулы Бентама». Контроль над прибылью частных предприятий рекомендовалось осуществлять с помощью налогов. Автор книги уповал на планирование капиталистической экономики, развитие «хозяйственной демократии»¹. Позднее в 1954 г. Коул писал, что лейбористы собираются «не ломать капиталистическое государство», а преобразовать его в социалистическое на основе парламентаризма².

В брошюре «Всемирный социализм в новой форме» (1956 г.) Коул признавал, что всегда был идеалистом, отрицал объективную необходимость социализма, связь его с победой какого-либо класса и трактовал социализм лишь как идеал, возможное торжество идеи. В 1957 г. Коул выступил с брошюрой «Доводы в пользу промышленного партнерства», маскируя проповедь классового примирения проектами «гильдейского социализма» и сводя проблему социального преобразования к устранению безработицы, утверждению «права на труд». Социализм отождествлялся с «социальным равенством», которое предлагалось утвердить преимущественно при определении «социального статуса», а не в сфере распределения доходов³.

Как показывает книга «Капитализм в современном мире», Коул допускал «переход в общественную собственность отдельных фирм и предприятий», но подчеркивал разнообразие форм социализации и совместимость с ней во многих случаях «конкурентной деятельности»⁴. В обширном сочинении «История социалистической мысли»

¹ Cole G. Socialist Economics. L., 1950, pp. 7—9, 31, 32, 34, 35, 68, 88, 102.

² См. Критика правосоциалистической идеологии. М., Соцэкгиз, 1960, с. 108, 109.

³ См. Cole G. The Case for Industrial Partnership. L., 1957, pp. 3, 5, 7, 11, 15, 62, 111, 112.

⁴ Коул Д. Капитализм в современном мире. М., Изд-во ИЛ, 1958, с. 76—79.

(1953—1960 гг.) он пытался реабилитировать реформизм, дискредитировать коммунизм¹.

По сравнению с другими реформистами Коул проявлял некоторый радикализм, поскольку допускал общественную собственность, являлся сторонником 4-го параграфа программы лейбористской партии и признавал, что лейбористы подменяют социализм капитализмом. Но этот радикализм оказывался весьма относительным, поскольку сам Коул давал идеалистическую интерпретацию социализму, отрицал его закономерность, ориентировался на реформизм и прагматизм, сочетал проповедь «гильдейского социализма» с проектами «социального партнерства», клеветал на коммунизм и отрицал связь социалистических преобразований с классовыми интересами пролетариата. Тем самым эти преобразования лишались классовой базы. Фактически и Коул ориентировался на «смешанную экономику», поскольку допускал сочетание социализма с «конкурентной деятельностью». Экспроприации буржуазии не предусматривалось. Речь шла о национализации предприятий отдельных фирм, а это допускали и другие реформисты. Отдавалась дань «фискальному социализму», так как перераспределение прибыли капиталистов предполагалось осуществлять с помощью налогов. Отрицалась специфика социалистической экономики, которая трактовалась как восстановление истинных экономических законов, нарушаемых капитализмом в погоне за прибылью.

Учеником Коула был Хью Гейтскелл, ставший на длительный период лидером лейбористской партии. В книге «Социализм и национализация» (1956 г.) он писал, что национализация средств производства не связана с «конечными целями» лейбористов, является лишь средством их политики, может стать реальностью без общей национализации средств производства и даже без «дальнейшего роста государственной собственности», ибо национализация промышленности в послевоенной Англии и социализм не одно и то же, поскольку капиталисты получали компенсацию и становилось возможным «получение нетрудового дохода» (в виде процента). Указывалось, что «частный сектор должен действовать бесперебойно и эф-

¹ См. Cole G. A History of Socialist Thought. Vol. V. L., 1960, p. 316.

ффе́ктивно», так как иначе лейбористское правительство не сможет сохранить «доверие избирателей». Задача усматривалась в том, чтобы отвести от этого сектора «угрозу произвольной конфискации»¹. В брошюре «Новейшее развитие социалистических идей в Британии» (1956 г.) Гейтскелл развивал аналогичные идеи, доказывая, что для перехода к социализму достаточно «демократического контроля» над экономикой (с помощью профсоюзов, налогов, скупки правительством акций).

Выступая в 1958 г. в сборнике «Sozialistische Weltstimmen» (издание Социалистического интернационала), Х. Гейтскелл гордился тем, что лейбористы «никогда не намечали путей в слишком отдаленное будущее», и утверждал, что конфискация собственности даже самых богатых капиталистов «не может быть ничем оправдана». Позднее, выступая на Блэкпульской конференции лейбористов в ноябре 1959 г., Х. Гейтскелл заявлял, что национализация средств производства (и даже общественная собственность) не является «альфой и омегой» или «первым принципом и целью социализма» и нужно считать «чудовищной ложью» утверждение консерваторов, будто лейбористская партия должна считаться классовой. В 1960 г. Х. Гейтскелл доказывал на страницах буржуазной газеты «Таймс», что не существует класса капиталистов, так как «99,9% людей работает и бездельники перевелись».

Спустя год после смерти Х. Гейтскелла была опубликована книга «Хью Гейтскелл. 1906—1963 гг.», где он расхваливался за то, что «не стал левым», хотя и был знаком с марксистской литературой, проповедовал «британский социализм», верил в НАТО, США, «атлантическую солидарность», порвал с «классическим социализмом» и не примкнул к «христианскому социализму»². Но тем самым мемориальное издание разоблачало идейное падение лидера лейбористов. Фактически он солидаризировался с правыми, и его «британский социализм» был далек от подлинного социализма, оказывался вариантом все того же «регулируемого капитализма», на который ориентировались и кейнсианцы, буржуазные экономисты.

¹ Gaitskell H. Socialism and Nationalisation. L., 1956, p. 5.

² Hugh Gaitskell. 1906—1963. L., 1964, pp. 23, 46, 59—61, 98, 99, 134—147.

Проектировался эластичный контроль над экономикой, но он не затрагивал основ капитализма. Без обобществления средств производства такой контроль малоэффективен, а Гейтскелл яростно защищал буржуазную собственность.

Широкую известность получили работы Джона Стрэчи, оказавшегося в послевоенный период на позициях правых лейбористов. В книге «Современный капитализм» (1956 г.), ссылаясь на кейнсианство, Дж. Стрэчи уверял, что отпала необходимость в социальной революции, для создания нового общества «достаточно лишь ограничить, обуздать капитализм в его собственных интересах» и поэтому задачи лейбористов сводятся к завоеванию «экономической демократии», поскольку политическая демократия в Англии якобы уже достаточна, рабочий день сильно сократился. Суть задач «демократического социализма» автором усматривалась в том, чтобы «вытеснить капитализм, не допуская его краха». Социализм определялся как сочетание современной техники, высокого жизненного уровня, «разумного распределения национального продукта», торжества новых форм владения доходной собственностью, «демократической диффузии власти». Осуществление социализма ставилось в зависимость от человеческой природы, выводов психологии и антропологии, веры людей в социалистические идеалы. Стрэчи расхваливал Кейнса как пророка «демократического перехода» к социализму, минуя «тотальную классовую войну». Преувеличивалась роль налогов как фактора перераспределения национального дохода, усиления «диффузии собственности», «социализации инвестиций». Само собой разумеется, что США этот новый теоретик лейборизма относил к образцовому «государству всеобщего благосостояния»¹.

«Кейнсианскую революцию» Дж. Стрэчи толковал более широко, чем буржуазные экономисты. Он даже прокламировал своего рода «кейнсианский социализм», предназначенный для посрамления коммунизма. Но получался явный конфуз, поскольку сам Стрэчи признавал, что речь идет лишь об обуздании капитализма, а не о его уничтожении. Стрэчи солидарен с буржуазными аполо-

¹ Strachey J. Contemporary Capitalism. L., 1956, pp. 12, 103, 111, 123, 125—146, 170, 213, 226, 253, 254, 278, 284.

гетами, когда речь идет о спасении капитализма от краха, хотя и толкует о «вытеснении капитализма». Кейнсианские рецепты этого не предусматривают. Да и сам Стрэчи вполне доволен современным капитализмом, восхищается его социальными достижениями. Раз проектируется его сохранение, то отпадает и необходимость в социальной революции. Но это софистика. Если снимается задача, то не нужны и средства ее осуществления. Стрэчи отождествлял социализм с буржуазной демократией, корректирующей распределение доходов фискальными методами. Он гальванизировал концепцию «фискального социализма», который отождествлялся с парламентаризмом и прогрессивным налогом. Но они не угрожают капитализму, приемлемы и для буржуазных либералов.

Приблизительно аналогичные идеи развивал и упомянутый выше Р. Кроссмэн, заявлявший в 1952 г., что он отвергает марксизм и предлагает «цивилизовать конфликт» между пролетариатом и буржуазией. Таковы наглядные примеры фабианской фразеологии. Как видим, английские реформисты считают главной задачей умиротворение рабочего класса, его подчинение буржуазной диктатуре. Социализм в их трактовке сводится к простой мечте, лишается объективного обоснования, классовой базы, на первый план выдвигается моральное усовершенствование.

Решительным поклонником «фискального социализма» выступает Дуглас Джей в книге «Социализм в новом обществе» (1962 г.), примыкая к идеям Кросслэнда и развивая их. По мнению Джея, конфискация имущества капиталистических компаний «была бы несправедливостью по отношению ко вдовам», предпочтительна скупка акций правительством. Но лучше всего проблему «социальной справедливости» решает, как представляется Джею, прогрессивный налог, ибо он гарантирует «социализацию национального дохода», поэтому надо «отбросить миф о национализации», идеи классовой солидарности пролетариата. Отставка давалась и термину «капитализм», поскольку он «порождает недоразумения». Все это сопровождалось злобными антимарксистскими инсинуациями¹.

¹ См. Douglas Jay. Socialism in the new society. L., 1962, pp. 180—183, 30—54.

В 1962 г. вышла книга Генри Смита, посвященная социализму. Автор отмечал, что лейбористы отошли от социализма, подменив его борьбой за контроль над экономикой, повышение заработной платы и чинов. Он уверял, что общественная собственность неадекватна социализму, не исключает социальных конфликтов, порождает бюрократическую систему, в условиях которой «нет экономической свободы, поскольку человек вынужден работать больше, чем он хочет», а между тем цель социализма — «устранение экономических конфликтов». Поэтому общая национализация не может быть целью социалистов в Англии¹. Эти выводы явно обесценивали критические замечания по адресу правых лейбористов. Фактически Смит шел по их стопам, солидаризовался с реформистской трактовкой социализма. Разговоры о свободе, включающей и право на безделье, носили антисоциалистический, анархистский характер. Если цель социализма сводится к устранению экономических конфликтов, то она укладывается в рамки «промышленной демократии», политики тред-юнионизма, оппортунизма. Зачеркивая задачу экспроприации буржуазной собственности, автор покушался на социализм. Если сама по себе общественная собственность не решает всех задач социализма, то это не значит, что она не составляет его основу.

Фабианское общество оказывает большое влияние на политику лейбористов. Характерна для его идеологии брошюра Поля Деррика «Компании и общество» (1964 г.), в которой выдвигался проект «социализации компании» путем фиксации дивидендов (сообразно многолетнему курсу акций), превращения акционеров в кредиторов, довольствующихся получением процента, распределения части акций среди рабочих, дифференциации налога на прибыль, переадресовки большей части ее «не рабочим, а потребителям — путем выплаты дивидендов на покупки или снижения цен», создания системы «народного управления и контроля» (с участием представителей профсоюзов, производственных советов). Тогда, как пишет Деррик, национализация предприятий станет всего лишь

¹ См. Smith Henry. The Economics of Socialism Reconsidered. L., 1962, pp. 9, 210—215.

вопросом «административного удобства»¹. Именно это и требовалось доказать. Реформисты готовы принять самые разнообразные проекты «социализации», если она остается призрачной, а буржуазная собственность — нерушимой.

Фабианский реформизм неизменно сводится к усовершенствованию капитализма. Спасение буржуазного паразитизма стоит на первом плане. Ради этого капиталистам рекомендуется примириться с низведением дивидендов к фиксированному проценту. Но поскольку действует закон больших чисел, то доходы будут стремительно расти даже при ограниченном уровне процентов, приносимых акциями. Фабианские проекты не шли дальше насаждения «народного капитализма», «промышленной демократии», культивирования «социального партнерства». Утопичны и проекты передачи прибыли потребителям.

Наиболее отчетливо сформулировал лейбористскую концепцию социализма А. Крослэнд — самый агрессивный представитель идеологии английского реформизма. В 1956 г. Крослэнд опубликовал фоллиант «Будущее социализма». Это название звучало издевательски, поскольку на каждой странице утверждалось, что у социализма вовсе нет будущего. Правда, признавалось, что Швеция уже близка к «идеалу социалистического общества», достигнув высокого уровня потребления, но сам термин «социализм» потерял смысл, так как «не характеризует определенное общество в прошлом и настоящем, не дает возможности судить о наличии или отсутствии социалистического строя в той или иной стране» и только «моральные ценности» являются общими для различных концепций социализма.

В книге Крослэнда снималась задача экспроприации буржуазии, поскольку буржуазная собственность якобы «совместима с различной степенью свободы, демократии, равенства, эксплуатации, классового сознания, планирования, рабочего контроля, экономического процветания». Распределение доходов в современном капиталистическом обществе, как утверждает Крослэнд, не определяется собственностью (даже собственностью на средства производства), она перестала быть «ключевым фактором»,

¹ Derrick Paul. The Company and the Community. L., 1964, pp. 1—4, 6—18, 20—28, 30—32.

идет процесс «социальной стратификации», появилось «ответственное государство, исчезли классовые противоречия, само понятие «капитализм» за последние 100 лет якобы «полностью потеряло значение», экономическая власть перешла к управляющим, которым чужды интересы прибыли, и государство стало «арбитром экономических отношений». Главная задача усматривалась в борьбе за управление производством и контроль над ним, ибо планирование экономики не связано с формами собственности¹.

В статье «Роль общественной собственности» (1961 г.) Крослэнд отвергал тезис о ее необходимости для создания нового общества. Идеалом объявлялись «смешанные предприятия» и фирмы, дающие возможность контролировать экономику без национализации средств производства². В книге «Консервативный враг» (1962 г.) Крослэнд развивал концепцию «фискального социализма» и гордился тем, что налоги поглощают 29% национального дохода Англии и делают возможным значительное увеличение социальных расходов. Единственное преимущество социализма усматривалось в том, что он облегчает сбор налогов и перераспределение доходов. XX век аттестовался как период «перераспределительных налогов, муниципального социализма и правительственного вмешательства в экономику». Защищая высокие доходы «правлящей элиты», Крослэнд заявлял, что фискальное перераспределение налогов не уничтожит экономического неравенства, но поможет создать «более справедливое, единое и гуманное общество»³.

Подобные заявления документально разоблачают буржуазность мировоззрения правых лейбористов, антисоциалистический характер их планов. Во всех своих работах Крослэнд яростно защищал буржуазную собственность и тем самым капитализм, эксплуатацию рабочих, буржуазный паразитизм, диктатуру монополий, но вел борьбу с социализмом, отрицая правомерность и необходимость общественной собственности. Но без нее

¹ См. Crosland A. The Future of Socialism. L., 1956, pp. 74, 89, 100, 103, 504.

² См. Crosland A. The conservative enemy. L., 1962, pp. 41—42.

³ Там же, 13—25.

социализм оказывается фикцией. Именно этого и добивался Крослэнд. Вся его аргументация опиралась на очевидную идеализацию капитализма, на повторение догм буржуазной апологетики. Социализм в его трактовке сводился к безобидному взиманию подоходного налога, периодическому вмешательству буржуазного государства в экономику. За социализм выдавался «регулируемый капитализм». Покушаться на наемное рабство Крослэнд и не собирался. Социализм в его интерпретации получал мещанское истолкование.

В серии фабианских изданий была опубликована в январе 1971 г. брошюра А. Крослэнда, где он настойчиво доказал необходимость усиления роста производства в Англии по социальным и экономическим мотивам, полагая, что экономические проблемы могут быть решены с помощью общественного контроля¹. Как и ранее, идеологи правых лейбористов повторяют стандартную фразеологию реформизма о добродетелях современного капитализма, следуют в его трактовке за буржуазными экономистами. Брошюра А. Крослэнда о социализме дает об этом наглядное представление. Вопреки фактам в ней утверждается, будто буржуазное государство удерживает власть над частными монополиями, к этой власти причастны даже трудящиеся массы, некоторые из «командных высот» капиталистической экономики находятся «в штаб-квартирах профсоюзов», господство монополий в Англии якобы ограничивается лишь сферой обрабатывающей промышленности, падение уровня прибыли вызывается повышением заработной платы, а не только снижением темпов роста производства. Процесс монополизации, по мнению Крослэнда, оказывает благотворное влияние на развитие общества, так как ведет к улучшению системы управления и реальной экономии, увеличению занятости и изобилию товаров.

И в этой брошюре Крослэнд продолжает утверждать, что собственность на средства производства якобы «не является больше ключевым фактором, который определяет характер общества». Недовольство рабочих, уверяет он, вызвано не собственностью, а технологией и «неуверенностью в получении работы». Причины классового

¹ См. Crosland A. Social-Democratie Britain. Fabian tract 404. L., 1971.

деления людей сводятся при такой трактовке к существованию «привилегированного и раздельного обучения» молодежи, а достижение высоких темпов экономического развития объявляется «заботой всех членов профсоюзов», чтобы стал возможен «здоровый уровень прибыли как в общественном, так и в частном секторе». Проектируется перераспределение доходов, но без «снижения реальных доходов богатой половины населения». Все эти высказывания показывают, что идеолог правых лейбористов выступает в качестве апологета буржуазной собственности.

Крослэнд одобрял свое ревизионистское толкование социализма, данное в книге 1956 г., но признавал, что, даже став министром, редко мог «претворить свои идеи в действие». Ведь в Англии продолжается господство монополий. Раньше Крослэнд объявлял Англию 1951 г. почти социалистической, а теперь, подводя итоги деятельности правительства Гарольда Вильсона, признает, что они печальны и движения к социализму незаметно.

Национализация признается им необходимой лишь там, где предприятия плохо управляются и нужна «унификация собственности». Крослэнда вполне устраивает «смешанная экономика», гарантирующая свободу «потребительского выбора». Для улучшения «социального поведения» частных фирм он рекомендует создание «уравновешивающей силы» в лице «рабочих, потребителей, местных властей и правительства». Рабочее «соучастие в управлении» предприятиями он отвергает и предлагает ориентироваться на независимость профсоюзов и «коллективные договоры». Сама инфляция трактуется Крослэндом как проявление «свободных институтов»¹.

В октябре 1975 г. А. Крослэнд прочел лекцию для членов правительства Коста-Рики, в которой уверял, будто лейбористский идеал — социалистическое общество. Однако он говорил, что социализм нельзя описать в точных терминах, речь может идти лишь о ценностях, стремлениях и принципах (помощь бедным, равенство возможностей человека в обществе). Противопоставляя социал-демократизм коммунизму, он вновь повторял, что

¹ Crosland A. Socialism now and other essays. L., 1974, pp. 11, 15, 17—19, 21—46, 48—50, 52—58, 70, 107, 118.

ликвидация буржуазной собственности «не является ключевым фактором» движения к социализму, ибо «коллективизм, частная собственность или смешанная экономика вполне совместимы с широкими различиями в степени равенства, свободы, демократии, эксплуатации, классовых чувств, индустриальной демократии и экономического роста». Поэтому лейбористы могут добиваться осуществления своих целей «в рамках смешанной экономики», считая общественную собственность только «одним из возможных средств»¹.

Теоретик правого лейборизма повторял догмы оппортунизма, защищал буржуазную собственность и социальный паразитизм. Идеализацию капитализма он доводил до отрицания его противоречий и утверждения, что капитализм не мешает торжеству свободы. Но разве экономическое отставание Англии, рецидивы кризисов перепроизводства, инфляция, массовая безработица не свидетельствуют о существовании этих противоречий?

Прошло много лет с тех пор, как В. И. Ленин заклеил капитуляцию лейбористов перед буржуазным либерализмом, но они и до сих пор довольствуются его фразеологией. Уже во многих странах рухнул капитализм и восторжествовал социализм, а идеологи лейборизма все еще пытаются усовершенствовать капитализм с помощью кейнсианских методов регулирования макроэкономики, примирить рабочий класс с капиталистической эксплуатацией путем фискальных экспериментов. Однако противоречия капитализма обостряются. Он не способен избавиться от кризисов, безработицы, инфляции и других пагубных явлений, которые всей тяжестью обрушиваются на народные массы. Реальная действительность показывает иллюзорность реформистских проектов.

¹ Crosland A. Social democracy in Europe. Fabian tract 438. L., 1975, pp. 1—14.

Глава 3

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ЭПИГОНОВ ТРОЦКИЗМА

1. Причины гальванизации троцкизма

В последние годы на Западе среди различных направлений «левого» экстремизма своей антикоммунистической агрессивностью стал выделяться троцкизм, повторяя гнусную фразеологию своего основателя. Современный троцкизм отражает главным образом интересы мелкобуржуазных слоев капиталистического общества. Опасность заключается в том, что, выдавая себя за «истинных марксистов» и выступая от имени «истинных продолжателей» дела Маркса и Ленина, троцкисты вносят раскол в ряды рабочего и коммунистического движения.

Как пишут П. Федосеев, М. Басманов, А. Соболев, «Современный троцкизм — это мелкобуржуазный „левый“ экстремизм, паразитирующий на растущих антикапиталистических революционных настроениях пролетарских слоев трудящихся, преимущественно городской интеллигенции и студенчества; это попытка подменить пролетарский интернационализм космополитизмом и отрицание с этих позиций возможности победоносных социалистических революций в отдельных странах; пессимистическое неверие в победу социализма под крикливыми призывами к мировой революции; это воинствующий антиленинизм, пытающийся выхолостить учение Ленина и заменить его взглядами Троцкого; это злобный антикоммунизм и антисоветизм, спекулирующий идеями коммунизма»¹. Ра-

¹ Федосеев П., Басманов М., Соболев А. Политические и идеологические проблемы борьбы против троцкизма. — В кн.: Борьба коммунистов против идеологии троцкизма. М., Политиздат, 1973, с. 68.

зоблаченный еще В. И. Лениным, разбитый в 20—30-е годы в непримиримой борьбе, которую вели с троцкизмом Коминтерн, и прежде всего партия большевиков, троцкизм в последнее десятилетие стал вновь проявлять активность.

Обострение противоречий капитализма и подъем массовых демократических движений привели на арену борьбы большое число выходцев из непролетарских слоев, что способствовало усилению различных радикальных течений и ультралевых тенденций мелкобуржуазного толка. Этой ситуацией поспешили воспользоваться троцкисты. Вместе с тем обострение идеологической борьбы между социализмом и капитализмом на международной арене и явные победы социализма в этой борьбе заставили империализм дополнить тактику фронтального наступления на антиимпериалистические и социалистические силы тактикой подрыва и раскола их рядов изнутри. В этой борьбе империализм в значительной мере использует троцкизм, его антисоветизм. Провозглашая Троцкого «подлинным марксистом» и «теоретиком ленинизма», буржуазный антикоммунизм путем пропаганды идеологии троцкизма пытается помешать молодому поколению борцов против империализма усвоить подлинное учение марксизма-ленинизма и стремится направить его в тупик мелкобуржуазной псевдореволюционности.

Оживление троцкизма стимулируется также появлением новой формы антикоммунизма и антисоветизма — маоизма. Его идеи об экспорте революции, взаимосвязи революции и войны, об авантюризме сродни идеям троцкизма. Для обоих течений характерны культ насилия и догма о неизбежности перерождения социализма. В маоизме троцкисты усмотрели опору и доказательство правоты своих лживых домыслов. Эпигоны троцкизма претендуют на роль духовных менторов всех ультралевых, а порой и праворевизионистских группировок, пытаются организационно сплотить их на основе своей платформы, явно архаической и несостоятельной. Важную роль в гальванизации троцкизма сыграло политически аморфное студенческое бунтарство. Оно дало широкий простор для социальной демагогии псевдорадикального характера. С развитием государственно-монополистического капитализма среди политически незрелых мелкобуржуазных элементов населения усилились анти-

эстетические настроения, характерные для анархистов и эпигонов троцкизма.

Неизменной со времени Троцкого теоретической основой троцкизма является псевдомарксистская теория «перманентной революции», которая в терминах, заимствованных у марксизма, проповедует концепции, в корне враждебные марксистско-ленинскому учению. Эта теория противостоит марксистско-ленинскому учению о социалистической революции в оценке путей и этапов развития революции в эпоху империализма и ее движущих сил, в трактовке политики, стратегии и тактики рабочего класса на различных этапах революции, форм осуществления революционных задач, перспектив революционного движения в данной стране, в толковании взаимосвязи национальных революций и мировой революции, в определении возможности строительства социализма и т. д.

Однако современный троцкизм не имеет целостной идейно-политической платформы, что свидетельствует о его идейной и политической слабости. До сих пор он существует в виде многочисленных групп и сект, которые не могут прийти к согласию и миру, обвиняя друг друга в ревизионизме по отношению к догмам своих вождей.

Организованный Троцким в 30-е годы «IV интернационал» — международная троцкистская организация, названная так для дискредитации существовавшего в то время Коммунистического интернационала, в 50—60-х годах распался на ряд группировок. В настоящее время претендуют монопольно представлять его, по крайней мере, четыре троцкистские организации «IV интернационала»: «международный секретариат», находящийся в Париже; «международный комитет», обосновавшийся в Лондоне; латиноамериканский «секретариат» и «марксистско-революционная тенденция IV интернационала». Среди этих группировок наиболее влиятельным является «международный секретариат» «IV интернационала», получивший на объединительном конгрессе 1963 г. (фактически ставшим «разъединительным») наибольшее число голосов. Лидер этой парижской группировки Эрнест Мандель слывет одним из маститых экономистов и превозносится как теоретик современного троцкизма.

Карьера Манделя совпала как раз с тем периодом, когда буржуазная пресса открыла для себя новый ультралевацкий источник идей антикоммунизма. «Популяр-

ность» пришла к Манделю (редактору небольшого брюссельского еженедельника «Ля гош») после того, как в 1962 г. в Париже была опубликована его книга «Марксистская экономическая теория» (в двух томах), затем в 1967 г. работа «Формирование и развитие Марксовой экономической теории (1843—1863 гг.)». Позднее, в 1972 г., во Франкфурте-на-Майне вышла из печати книга Манделя «Поздний капитализм». К этому нужно добавить большое количество статей в различных журналах и публикации многих выступлений.

Парижская группировка «международный секретариат» «IV интернационала», которую возглавляет Мандель, считается в среде троцкистов неотроцкистской: она призывает к некоторому отходу от отдельных положений «классического» троцкизма, т. е. к ревизии его.

Теоретической концепции Э. Манделя присуще эклектическое заимствование различных положений и теорий как у Троцкого, так и у ряда буржуазных и мелкобуржуазных авторов. В целом она представляет собой уродливый симбиоз троцкизма с социал-реформизмом и отражает одну из тенденций развития современного троцкизма, выражающуюся в тяге к социал-реформизму¹.

В своих работах Мандель охватывает широкий круг вопросов: формирование и развитие Марксова экономического учения, трактовку капитализма свободной конкуренции и его монополистической стадии, экономические проблемы социализма. Хотя Мандель утверждает, что он выступает от лица «правоверных марксистов», и пытается доказывать свою приверженность марксизму, его концепция свидетельствует об обратном, о явной ревизии марксизма-ленинизма и подмене его троцкизмом.

2. Современные эпигоны троцкизма.

В последние годы во всем мире заметен большой интерес к вопросам генезиса марксизма, и в частности к его экономической теории. Это и понятно, ибо только при рассмотрении Марксова учения в развитии, в процессе изучения таких его аспектов, как преодоление Марксом

¹ См. Басманов М. Кому служит современный троцкизм? М., Политиздат, 1974, с. 56—63.

несовершенства терминологии в своих ранних работах, ограниченности и пороков буржуазной политической экономики, постепенное проникновение его в глубь механизма функционирования капиталистического производства, можно понять революционный переворот, совершенный Марксом в экономической науке. Эта позитивная тенденция была использована различного рода буржуазными, реформистскими и ревизионистскими теоретиками, которые увидели в ней новую удобную лазейку для фальсификации и опровержения учения Маркса. На этот скользкий путь встали и современные троцкисты. Они пытаются трактовать марксизм, абстрагируясь от конкретных условий классовой борьбы и степени ее зрелости, искажая его под углом зрения «левого» оппортунизма и тем самым искусственно придавая трудам Маркса антикоммунистическую направленность.

На Западе появилось целое новое направление антимарксизма, так называемая «марксология», которая трактует развитие идей Маркса с буржуазных и мелкобуржуазных позиций. Предметом исследования «марксологов» является прежде всего процесс формирования и развития Марксова учения. Среди «марксологов» можно выделить представителей различных оттенков, в том числе буржуазных, право- и леворевизионистских и др. «Марксологи» изображают себя борцами за творческий марксизм. В действительности под прикрытием этих взглядов происходит ревизия коренных принципов марксизма.

Анализ взглядов Э. Мандела по этим вопросам показывает основную черту «марксологической» концепции современного троцкизма, состоящую в дискредитации Марксова учения под видом внешнего признания и «аутентичного прочтения» Маркса. Сам Э. Мандель выдает себя за подлинного толкователя марксистской экономической теории, и в частности проблем ее эволюции. Основные его взгляды по этому вопросу изложены в книге «Формирование и развитие Марксовой экономической теории (1843—1863 гг.)», а также в его обширном предисловии к недавно появившемуся на Западе изданию «Капитала» Маркса¹. Большое количество фактов о раз-

¹ См. Marx Karl. Capital. A Critique of Political Economy. Volume One Introduced by Ernest Mandel. Penguin Books, 1976, p. 11—86.

работке Марксом экономической теории и полемическая форма их изложения в книге, казалось бы, дают основание полагать, что в отличие от ложных и полностью искусственных конструкций буржуазных «марксологов» Мандель попытается разобраться в сложной эволюции взглядов Маркса. Ведь обычно в «марксологических» концепциях опровержение Марксова учения достигается путем противопоставления различных периодов научной деятельности Маркса, переоценки значения его «ранних» работ и недооценки более «поздних», например путем преувеличения зрелости первоначального, чернового варианта «Капитала» — «Экономических рукописей 1857—1859 годов»¹ по сравнению с окончательным его вариантом. Делается попытка представить II и III тома «Капитала» не работами К. Маркса, а субъективной интерпретацией Ф. Энгельса, объявить «Экономические рукописи 1857—1859 годов» вершиной теоретического творчества Маркса и тем самым умалить значение его главного произведения — «Капитала». Но и в книге Манделя трактовка истории экономических идей Маркса оказывается поверхностной и фрагментарной. Часто его «исследование» приобретает декларативную форму изложения, и Мандель вместо доказательства выдвигаемых им положений ограничивается ссылками на тот или иной авторитет.

В книге Манделя чувствуется неглубокое и неполное изучение материала. Так, в его работах не проводится тщательный анализ архивных документов. А между тем такой анализ является одним из основных требований, предъявляемых к исследователю, занимающемуся изучением истории марксизма.

Выше отмечалось, что форма изложения материала в книге Манделя полемична, однако он в своей полемике игнорирует различия между позициями отдельных авторов. Так, например, в вопросе о соотношении между «Экономическо-философскими рукописями 1844 года» К. Маркса и «Экономическими рукописями 1857—1859 годов» Мандель, полемизируя с различными авторами, ставит на одну доску буржуазных и правосоциалистических теоретиков (Фромма, Рубеля, Попица), а также уче-

¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I и II.

ных-марксистов, обвиняя всех вместе в извращении взглядов Маркса.

Касаясь вопросов о переоценке «Капитала» в свете «Экономическо-философских рукописей 1844 года» некоторыми авторами, Мандель высказывает решительное несогласие с их позицией. Но при этом объектом его критики становятся и ученые-марксисты, хотя им никак нельзя предъявить такое обвинение. Советские ученые-марксисты относят «Экономическо-философские рукописи 1844 года» лишь к начальному этапу формирования экономических взглядов Маркса¹.

Мандель выступает против позиции буржуазных идеологов, пытающихся объединить Маркса с Гегелем и представить тем самым Маркса в «антиреволюционном свете». Но это, однако, не мешает Манделю солидаризоваться в своей оценке «Экономическо-философских рукописей 1844 года» по сути дела с буржуазной, прикрываемой леворадикальными фразами позицией Маркузе, который диалектику Гегеля считает «составной частью теории Маркса», а теорию самого Маркса ограничивает исключительно социологией и политэкономией.

Часто Мандель идет просто на поводу у буржуазных «марксологов». Так, из поля его зрения выпадают годы, имеющие очень важное и решающее значение в формировании Марксова экономического учения — 1848—1849 гг. (т. е. период после поражения революции 1848 г.) и 1852—1857 гг. (до момента написания «Экономических рукописей 1857—1859 годов»), поскольку Манделем принято на веру утверждение «марксолога» Рюбеля, что якобы «между августом 1852 г. и концом 1856 г. Маркс был вынужден прервать свои экономические занятия»². В итоге совершенно выпадает из сферы анализа огромное число уникальных конспектов и комментариев Маркса, которые он создал в этот период своей деятельности. А именно этот период является удивительно пло-

¹ См., например, Малыш А. К оценке «Экономическо-философских рукописей 1844 года» К. Маркса. — Вопросы экономики, 1964, № 2; Пажитнов Л. Н. У истоков революционного переворота в философии. М., Соцэкгиз, 1960.

² Mandel E. Entstehung und Entwicklung der ökonomischen Lehre von Karl Marx (1843—1863). Frankfurt am Main, Wien, 1968, s. 76.

дотворным в творчестве Маркса, так как в то время закладывалась база для создания его собственной экономической теории.

Нигде в своей работе Мандель не ставит важного с точки зрения марксоведения вопроса о том, что надо понимать под «формированием» экономического учения Маркса (хотя книга и называется «Формирование и развитие Марксовой экономической теории»). Однако для марксистской литературы этот вопрос имеет принципиальное значение, ибо под «формированием» экономических идей Маркса надо понимать определенный период, заканчивающийся в 50-х годах XIX в. созданием Марксом своей собственной теории стоимости и прибавочной стоимости. Это период, когда Маркс совершает свое второе великое открытие, раскрывает тайну прибавочной стоимости. Дальнейшее развитие Марксовой экономической теории происходит на собственном научном фундаменте. Игнорирование этого ведет к ревизионизму.

Мандель переоценивает степень зрелости ранних экономических трудов Маркса, уверяя, что уже в работах «Нищета философии», «Наемный труд и капитал» и в рукописи «Заработная плата» содержится существо теории прибавочной стоимости и неточной является лишь терминология изложения. Но на самом деле в это время Марксом были созданы лишь необходимые предпосылки и развиты отдельные элементы теории стоимости и прибавочной стоимости, которые требовали дальнейшего углубления и развития. Маркс еще не отошел от рикарданской позиции в теории стоимости, не показал, каким образом на основе закона стоимости, а не в результате нарушения его возникает прибавочная стоимость. Марксу еще предстояло раскрыть двойственный характер труда, создающего товар.

Едва ли не центральной проблемой своей книги Мандель делает рассмотрение проблемы отчуждения у Маркса. Проблема отчуждения превращена Манделем чуть ли не в остов экономического учения Маркса. С этой точки зрения Мандель рассматривает и развитие экономической мысли Маркса в «Экономических рукописях 1857—1859 годов». В сравнении с «Экономическо-философскими рукописями 1844 года», по мнению Манделя, проблема отчуждения у Маркса превращается из антропологической и метафизической в историческую и диалектическую.

Но марксисты доказали, что категория отчуждения, и в частности отчуждение труда, уже в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» является не антропологической, а исторической категорией, порождением частной собственности на средства производства. Таким образом, с самого начала Маркс видел источник отчуждения в отношениях, покоящихся на частной собственности в любых ее формах, т. е. в таких общественных условиях, которые были характерны для антагонистических формаций¹.

Затем Мандель пытается распространить высказывания Маркса об отчуждении труда и на социализм, т. е. на те страны, где коренные изменения в экономике и социальном строе общества привели к полной ликвидации отчуждения. В этом, как в фокусе, концентрируются антисоветские инсинуации Манделя. В социалистических странах, утверждает он, отчуждение сохраняется в том же виде, что и при капитализме, так как и здесь якобы сохраняется система наемного труда и «буржуазного способа распределения», а трудящиеся поработочены сверхиндустриализованным государством. Это «доказывается» ученическим перечислением антисоветских измышлений буржуазных апологетов и реформистов. Современные троцкисты пытаются представить проблему отчуждения как внеклассовую проблему. Отчуждение трактуется ими не как продукт частнособственнических отношений, а как порождение своевластия государства, независимо от его классовой природы.

3. Трактовка проблем классического капитализма

Рассмотрение Марксовой экономической теории в историческом аспекте дополняется Манделем кривотолками о марксистской политической экономии капитализма. Это сделано Манделем главным образом в его работе «Марксистская экономическая теория». По выражению самого Манделя, он собирался «реконструировать всю экономическую систему К. Маркса на базе эмпирических данных современной науки» для того, чтобы «проследить, действительны ли основные тезисы Маркса для нашего вре-

¹ См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 105.

мени», и решить проблему, которой якобы «давно все более и более пренебрегают марксистские ученые»¹.

Искаженно интерпретируя факты современной социально-экономической действительности в желательном для себя аспекте, Э. Мандель пытается доказать, что многие положения и выводы Маркса будто бы устарели и не подходят для наших дней. Мандель высокомерно заявляет, что ставит перед собой цель «глобально рассмотреть и понять... прошлое, настоящее и будущее человеческой экономики»². Приводя, однако, множество фактов, характеризующих историю развития современного капитализма, он делает фактически попытки деревьями загородить лес. На самом деле этот материал подтверждает правильность Марксовой экономической теории и революционных выводов из нее.

Уже во вступлении к книге «Марксистская экономическая теория», где Мандель излагает свою методологию, он пытается с помощью софистики увести читателя от важных и актуальных проблем марксистской экономической теории. Мандель заявляет, что вместо «священных текстов», как он называет идейное наследие К. Маркса и Ф. Энгельса, он будет опираться на труды крупных буржуазных теоретиков в области политической экономии, истории, антропологии, социологии, психологии и других областей наук. Это сразу вызывает недоверие к автору, поскольку он предлагает читателям труд об экономической теории Маркса без Маркса. При этом демагогически утверждается, что «единственным ортодоксом» остался лишь метод Маркса. Надеясь на необходимость пересмотра марксизма, Мандель становится на путь, проторенный буржуазно-реформистскими фальсификаторами его — «марксологами».

Мандель, однако, не может отрицать, что Маркс рассматривал капиталистический способ производства как исторически преходящую систему. Не может он обойти молчанием и Марксову теорию трудовой стоимости. Формально Мандель с позиций теории трудовой стоимости пытается трактовать такие категории и процессы, как необходимый и прибавочный продукт, обмен, товар, деньги,

¹ Mandel E. Marxistische Wirtschaftstheorie. Frankfurt am Main, 1970, s. 16.

² Там же.

стоимость, капитал, прибавочная стоимость, концентрация и централизация капитала, экономические кризисы и т. д., т. е. те категории, которые исследуются Марксом в «Капитале», причем в той последовательности, как они рассматривались Марксом.

В целом, когда Мандель рассматривает докапиталистические формации и эпоху капитализма свободной конкуренции, создается видимость, что он следует за Марксом, пытается теоретически проследить развитие социально-экономических процессов, категорий и законов общества.

Однако при этом он упускает из виду главное — внутреннюю логическую связь, существующую между экономическими категориями. В его книге экономические категории выступают как нечто независимое и разнородное, остаются изолированными друг от друга, что мешает Манделю исследовать действительный механизм функционирования капиталистического производства.

К анализу многих важных проблем Мандель подходит весьма поверхностно. Так, при рассмотрении механизма капиталистической эксплуатации основной упор делается на распределение общественного продукта, которое зависит от множества различных факторов. Тем самым снимается проблема раскрытия механизма образования прибавочной стоимости. Такая трактовка близка буржуазно-реформистской меновой концепции, которая переносит основные экономические проблемы в сферу распределения и обращения.

Такой важный аспект Марксовой теории, как анализ классов и их борьбы, занимает в книге Манделя всего лишь две страницы, представлен весьма поверхностно и лишен марксистской революционной сущности. Причем по мере приближения к современности анализ этот становится все более формальным.

В компиляции Манделя можно обнаружить грубые теоретические ошибки. Так, из-за игнорирования отношения между техническим и стоимостным строением капитала неверное толкование получает вопрос об органическом строении капитала. Хотя Мандель и пишет, что органическим строением капитала называется отношение между постоянным и переменным капиталом, но в его определении полностью игнорируется различие между техническим и стоимостным строением капитала, что яв-

ляется главным для марксистского определения органического строения капитала.

Между стоимостным и техническим строением капитала существует тесная взаимосвязь, которая и находит выражение в органическом строении капитала. Суть марксистского определения органического строения капитала и заключается в том, что оно есть отношение постоянного капитала и переменного по их стоимости в связи с отражением изменений технического строения капитала.

Данное же Манделем определение неправильно и поверхностно. Оно свидетельствует о непонимании автором всего сложного комплекса проблем, связанных с ростом органического строения капитала, являющимся объективным законом развития капитализма. Действие этого закона ведет к постоянному обострению противоречий капитализма и является одним из главных факторов, определяющих нарастание классовых конфликтов. Мандель почти полностью игнорирует эти важные последствия роста органического строения капитала.

Другим вопросом, в трактовке которого Мандель искажает учение марксизма, является вопрос о кризисах¹. Обнаруживается, что и современные троцкисты стоят на позициях теории «стагнации» капитализма, характерной для Троцкого. Из этого, как и из теории «перманентной революции», делался вывод о необходимости немедленной мировой социалистической революции, ее экспорта во многие страны.

Однако к проблеме кризисов Мандель подходит весьма поверхностно и ищет их причины не в производстве прибавочной стоимости, а в производстве потребительной стоимости.

При рассмотрении этой проблемы Мандель, как и раскритикованный Марксом Сэй, исходит не из специфически буржуазной формы производства, а из производства вообще и сводит подобно Сэю кризисы к диспропорциям, которые безотносительно к форме производства вызываются стихией рынка и незнанием потребностей общества, а потому выравниваются посредством самой же конкуренции. Однако такого рода диспропорции способны породить лишь частичное перепроизводство (т. е. пере-

¹ См. M a n d e l E. Указ. соч., с. 359—399.

производство отдельных товаров) и не ведут ко всеобщему перепроизводству, вызываемому процессом производства прибавочной стоимости.

В первоначальном варианте «Капитала» — «Экономических рукописях 1857—1859 годов» Маркс раскритиковал Сэя за ту же самую ошибку, которую теперь мы встречаем в работах Манделя. Маркс писал, что Сэй «...становится на позицию *простого обмена*, при котором и в самом деле не может быть перепроизводства, ибо там действительно дело идет не о меновой стоимости, а о потребительной стоимости. Перепроизводство имеет место в связи с увеличением стоимости, не иначе»¹.

Положив в основу объяснения кризисов производство потребительных стоимостей, Мандель различает докапиталистические кризисы недопроизводства и капиталистические кризисы перепроизводства. Но это означает полный разрыв с теорией кризисов Маркса и марксизмом вообще. Маркс выводил кризис из всеобщего перепроизводства товаров, проистекающего не из нарушений обмена (диспропорций между производством и потреблением отдельных товаров), а из самой сущности капиталистического производства как производства прибавочной стоимости. Кризис объективно необходим для устранения не любой диспропорциональности, а специфически капиталистической диспропорциональности между спросом и предложением, вызываемой действием механизма производства прибавочной стоимости, т. е. тем, что целью капиталистического производства является прибавочная стоимость, реализуемая как прибыль, а не потребности производителей.

Искажением марксизма в работах Манделя является игнорирование им роли кризисов перепроизводства при капитализме как важнейшей предпосылки функционирования капиталистического хозяйственного механизма. Между тем именно в кризисах и проявляется периодически повторяющееся, временное разрешение части экономических противоречий капитализма, в результате чего появляются новые предпосылки для функционирования капиталистической экономики на более широкой основе. Маркс, характеризуя кризисы как способ движения капиталистического производства, подчеркивал, что они лишь

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 405.

временно разрешают эти противоречия, с тем чтобы воспроизвести их на высшей технической основе, в более острой и разрушительной форме, и что этот процесс показывает неизбежность ликвидации капиталистического способа производства. Как писал Маркс, «... эти противоречия приводят к взрывам, кризисам, при которых внезапное прекращение всякого труда и уничтожение значительной части капитала насильственно возвращают его к тому уровню, на котором он в состоянии ... полностью применять свои производительные силы, не совершая самоубийства. Но эти регулярно происходящие катастрофы приводят к повторению их в большем масштабе, а в конечном счете — к насильственному свержению капитала»¹.

Теорию кризисов в интерпретации Манделя следует отнести к буржуазным концепциям, а не к марксизму. Однако буржуазный подход к проблеме кризисов не мешает Манделю делать из нее «революционные» выводы. Мандель прямо связывает любое кризисное состояние капиталистической экономики с революционной ситуацией и призывает массы к политическим акциям против существующих режимов без учета зрелости объективных и субъективных факторов революционной борьбы.

4. Троцкистская трактовка империализма

Среди проблем, относящихся к капиталистическому способу производства, наиболее актуальными являются вопросы империализма. Но Мандель в своей «теории» империализма произвольно разрывает анализ монополистического капитализма — империализма и «позднего» капитализма, под которым он подобно В. Зомбарту понимает государственно-монополистический капитализм. Однако такое противопоставление с марксистской точки зрения несостоятельно и недопустимо. Как доказал В. И. Ленин, империализм — это капитализм в его монополистической стадии. Свою фразеологию Мандель заимствовал у раскритикованных Лениным более полувека назад Гильфердинга и К. Каутского. Ведь Ленин в своей полемике с Каутским разоблачил как пустую «фразу»

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 264.

сведение империализма к политике. Поэтому уместно напомнить ленинские слова по адресу Каутского, которые целиком и полностью относятся и к Манделю. Как указывал В. И. Ленин, «суть дела в том, что Каутский отрывает политику империализма от его экономики...»¹. Между тем Мандель подхватывает определение Каутского, назвавшего империализмом всего лишь политику угнетения экономики слаборазвитых стран промышленными нациями, и заявляет, что «империализм означает политику международной и экономической экспансии монополистического капитала»².

В этом определении и коренится ревизионизм Манделя. Фактически он выступает в унисон с апологетами капитализма, заявляющими, что вся беда империализма якобы заключается только в его грабительской политике и если устранить ее, то останется «чистый», идеальный капитализм. Критикуя К. Каутского в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма», В. И. Ленин писал: «Выходит, что монополии в экономике совместимы с немонополистическим, ненасильственным, незахватным образом действий в политике... Получается затупевывание, притупление самых коренных противоречий новейшей ступени капитализма вместо раскрытия глубины их, получается буржуазный реформизм вместо марксизма»³.

Данное Манделем определение империализма в конечном счете оказывается контрреволюционным, так как дезориентирует рабочий класс и антиимпериалистические силы в их борьбе против империализма. Выходит, что с распадом колониальных империй исчез империализм.

Неудивительно, что и к проблеме государственно-монополистического капитализма Мандель подходит весьма поверхностно, ибо почти полностью отказывается от теоретического анализа внутренних взаимосвязей, пытаясь заменить рассмотрение теоретических проблем обилием исторических фактов или просто обнажая антигуманные стороны современного капитализма. В этом конкретно проявляется разрыв экономики и политики, характерный для концепции Манделя. Мандель характеризует государ-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 390.

² Mandel E. Указ. соч., с. 467.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 390.

ственно-монополистический капитализм следующим образом: «Монополистический капитализм и всеобщая картеллизация экономики ведут к тому, что одновременно существуют различные нормы прибыли», а поскольку «власть крупных монополий в общем препятствует притоку нового капитала в отрасли с самой высокой нормой прибыли», то «из этого проистекают феномены самофинансирования и сверхкартелизации монополистического сектора», а также «временное членение инвестиционных намерений, растущая роль государства как дополнительного рынка сбыта для избыточного капитала и определенное ослабление циклических колебаний»¹.

При такой характеристике сущности государственно-монополистического капитализма экономическая роль государства фактически выводится из одновременного существования различных норм прибыли. При этом в стороне остаются результаты действия объективных экономических законов капитализма, обострение его внутренних противоречий, особенно его главного противоречия — между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. Из присущего Манделю явно немарксистского подхода к этой сложной проблеме напрашивается ложный вывод, будто роль государства при капитализме состоит в выравнивании норм прибылей.

Исходя из такого представления, Мандель выводит формулировку основного противоречия государственно-монополистического капитализма, декларируя, что «основное противоречие капитализма в эпоху его загнивания — есть противоречие сверхкапитализации». С одной стороны, оно «выражается в наличии массы денежного капитала, для которого не может быть больше найдено приложения». С другой стороны, — «в неполной загрузке производственных мощностей»². Это надуманное определение выдается Манделем за модернизацию основного противоречия капитализма, открытого Марксом, — противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения продуктов труда, в котором действительно находит выражение глубокий антагонизм между наемным трудом и капита-

¹ Mandel E. Указ. соч., с. 565.

² Там же, с. 547.

лом, производительными силами и производственными отношениями капитализма.

Научное определение основного противоречия капитализма выведено К. Марксом из анализа этого способа производства, его сущности. Из Марковского определения основного противоречия следует историческая обреченность капиталистического способа производства, его исторически преходящий характер. К. Маркс показал, что основное противоречие капитализма обнажает антагонистический характер капитализма, находя выражение во всех пороках капиталистического способа производства: в кризисах, безработице, анархии производства и т. д. Мандель же при формулировке основного противоречия капитализма полностью игнорирует производственные отношения, что вообще присуще его методологии. Тем самым затушевываются действительные причины антагонизмов капиталистического общества. Основное противоречие капитализма в трактовке Манделя скорее объясняет причины затруднений класса капиталистов по реализации полученной ими прибавочной стоимости, чем вскрывает обреченность капитализма.

В то же время Мандель показывает антигуманность капитализма. Он правильно утверждает, что капитализм не может разрешить свои внутренние противоречия, они постоянно обостряются. Все более совершенно организованному разделению труда, как и прежде, противостоит частное присвоение прибавочной стоимости. Мандель правильно считает, что планомерному функционированию капитала на отдельных монополистических предприятиях противоречит анархия производства в масштабах всего общества. Даже государственное вмешательство, направленное на предотвращение кризисов, неизбежно имеет следствием инфляционные тенденции, ведущие не к «непрерывному росту, а к длительной экономической стагнации».

Но признание этих положений марксистской экономической науки не приводит Манделя к признанию творческого развития марксизма Лениным, КПСС и другими братскими марксистско-ленинскими партиями.

Более того, он игнорирует ленинскую теорию империализма как высшей стадии капитализма, хотя при описании империализма нередко пользуется ленинской терминологией.

Мандель совершенно игнорирует влияние на государственно-монополистический капитализм социалистической системы, противоборства двух противоположных мировых систем, хотя это в значительной степени определяет развитие современного капитализма. Анализируя классовую борьбу пролетариата в эпоху империализма, Мандель почти полностью исключает политико-социальный аспект этой борьбы. Он вообще старается не говорить о путях ликвидации капитализма, а без этого его исследование остается социально бесплодным и формальным.

5. Антисоциалистический характер троцкизма

Полное расхождение с марксистско-ленинской экономической теорией и практикой со всей очевидностью обнаруживается в работах Манделя при рассмотрении его суждений о социализме. Здесь отчетливо проявляется троцкистская сущность его взглядов. Откровенный антикоммунизм, антисоветизм, огульное отрицание советского строя под маской борьбы со «сталинизмом» — характерные черты этих суждений. По мнению Манделя, как и других современных элигонов троцкизма, в настоящее время в мире нет социалистических государств. Существуют якобы лишь «рабочие государства», в различной степени страдающие от «бюрократической деформации» или «разложения» и являющиеся результатом безуспешных усилий построить социализм на национальной основе. Троцкисты нагло не признают выдающихся достижений социалистических стран, шельмуют социалистические государства как деспотические и бюрократические режимы, которые должны быть свергнуты. Лживая демагогия о «перманентной революции» на деле оказывается проповедью буржуазной контрреволюции.

Марксистско-ленинскому учению о реальном социализме троцкисты противопоставляют свою концепцию «общества переходного периода». Она проистекает из реакционной идеи Троцкого о невозможности победы социализма в одной стране, согласно которой пролетариат одной страны или даже группы стран не может и не должен строить социализм, а призван держать курс только на мировую революцию. Без этого пролетарское государство якобы обречено на «перерождение»,

В своей концепции «общества переходного периода» Мандель употребляет термины «советская экономика», «экономика переходного периода» и «социалистическая экономика». Это вызывает законное недоумение у читателей, знакомых с марксизмом-ленинизмом. Но в процессе анализа этой концепции становится ясным, что Мандель пытается доказать, будто советская экономика и социалистическая экономика — это неравнозначные понятия, что советская экономика — это якобы исторически случайное явление, а советское общество — это общество переходного периода от капитализма к «подлинному» социализму. Под социалистической экономикой Мандель понимает экономику будущего, пока еще нигде реально не существующего общества. «Теоретик» троцкизма выступает в роли пророка призрачного общества будущего, которое якобы может быть создано лишь в полном соответствии с теорией «перманентной революции» только в результате свержения капитализма во всем мире.

Таким образом, под переходным периодом Мандель понимает то, что марксисты называют социализмом, т. е. первой фазой коммунизма, а под «социализмом» — то, что марксисты называют высшей фазой коммунистического способа производства. Марксистское понимание переходного периода от капитализма к социализму не находит у Манделя ни упоминания, ни рассмотрения. Порочный методологический прием при изложении его концепции «общества переходного периода» заключается в том, что там, где Мандель обнаруживает полную несостоятельность и беспомощность при поисках каких-либо аргументов против марксистско-ленинской экономической теории (политической экономии социализма), он переключается на критику и охаивание нашей политики (в частности, экономической), полностью порывая с марксизмом.

Свою концепцию «общества переходного периода» Мандель начинает с доказательства того, что построенное в Советском Союзе общество якобы не является социалистическим, а представляет собой лишь определенную модель «переходного общества». С этой целью Мандель предпринимает попытку изложения истории советской экономики. Уже с первой фразы и до последней оно оказывается фальшивым и клеветническим, дающим тенденциозное искажение советской действительности. Он

даже пишет, что будто «большевистские лидеры вовсе не имели намерений, оказавшись в 1917 г. в результате Октябрьской революции во главе государства, создавать в своей стране законченного социалистического общества»¹.

Эта чудовищная ложь «подкрепляется» Манделем ссылками на то, что большевики якобы шли не по линии выполнения намеченной Лениным и партией программы строительства социалистического общества, а подталкивались и подстегивались к проведению тех или иных мероприятий обстановкой, шли у нее на поводу и были пассивным элементом.

Так, по мнению Манделя, только «молниеносным развитием революционной инициативы рабочих», затем «саботажем господствующих классов промышленности и управления», далее «началом гражданской войны»² и т. д. были вызваны национализация банков, промышленности, иностранных капиталов, всего иностранного имущества, установление монополии внешней торговли. Так же превратно толкуются система «военного коммунизма», а затем и нэп, курс на индустриализацию. Эти инсинуации заходят настолько далеко, что остается только удивляться невежеству теоретика современного троцкизма, который, оказывается, совершенно не знаком даже с работой В. И. Ленина «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», написанной еще до победы Великой Октябрьской революции, где дано обоснование экономической программы большевистской партии, намечены необходимые для перехода России к социализму меры³.

При изложении фальсифицированной истории советской экономики эпигон троцкизма пытается поставить в один ряд все имеющиеся или выдуманные им недостатки развития нашего общества и превращает их в существенные и отличительные признаки советской экономики. Например, для доказательства какого-либо тезиса о ее настоящем состоянии отыскивается материал тридцати-сорокалетней давности. Мандель выискивает случайную цитату или какой-либо факт, который сам по себе вне исторической деятельности у неподготовленного чи-

¹ Mandel E. Указ. соч., с. 576.

² Там же, с. 577.

³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 161.

тателя может вызвать осуждение и отрицательные эмоции в отношении Советского Союза, а затем пускается в домыслы, наполненные злобным антисоветизмом.

Свой главный удар современный троцкизм в лице Манделя направляет против марксистско-ленинских партий, призванных быть сознательным организатором и руководителем социалистического строительства. Мандель сводит их функции к функциям дискуссионного клуба.

Мандель искажает роль Коммунистической партии на всех этапах развития социалистического общества в СССР. Партию, под руководством которой пролетариат и крестьянство совершили величайшую из революций всемирной истории, выдержали натиск империалистических агрессоров, успешно ведут строительство коммунистического общества, Мандель обвиняет в пассивности, называет «сектой правителей», оторванной от народа и его интересов. Но, как метко писал Маркс в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» по поводу воззрений Бастиа: *«Нет возможности проследивать дальше эту нелепицу»*¹. В нагромождении злостной клеветы эпигон троцкизма состязается с буржуазным антикоммунизмом.

Тенденциозно исказив экономическую историю СССР, Мандель начинает конструировать свою модель советской экономики якобы в противовес буржуазным и ревизионистским теориям советской экономики (Бернхэма, Лора, Рицци, Джиласа и др.). Она трактуется как экономика «общества переходного периода», характеризующаяся противоречивым «связыванием некапиталистического способа производства с буржуазным способом распределения»². Затем Мандель выводит из этой характеристики основное противоречие своей модели «переходного общества» как противоречие между «некапиталистическим способом производства и буржуазным порядком распределения». Правда, в следующем параграфе Мандель отказывается от этого положения, говоря, что его «можно сбросить со счетов, когда развиваются производительные силы, повышается благосостояние и культурный уровень населения»³. В таком случае основное противоречие общества «переходного периода» заменяется целой группой

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 46, ч. I, с. 16.

² Mandel E. Указ. соч., с. 605.

³ Там же.

мнимых противоречий, проистекающих якобы из непропорционального развития промышленности и сельского хозяйства, из удовлетворения материальной заинтересованности, бюрократически ведущейся экономики, будто бы присущих ей методов бюрократического управления. Все эти противоречия Мандель связывает с «антагонистическим противоречием плана и рынка», которое не может быть ликвидировано при социализме.

Под свою политическую инвективу, согласно которой советская экономика якобы не является социалистической, а проходит стадию переходного периода, Мандель хочет подвести некоторые теоретические аргументы. При этом он рассуждает следующим образом: товарное производство несовместимо с социализмом. Но в СССР используются такие экономические категории, как товар, стоимость, деньги, цена, заработная плата, прибыль, и действует закон стоимости. Значит, это свидетельствует о том, что там существует товарное производство, а следовательно, нет социалистического общества.

На самом деле социалистическое производство не является по существу товарным производством, и наличие в системе производственных отношений социализма товарных отношений и стоимостных категорий не означает автоматического отрицания социализма. Социализм ликвидирует лишь определенный вид товарных отношений — капиталистическое производство, т. е. антагонистические отношения эксплуатации. Мандель игнорирует то, что социализм диаметрально противоположен капитализму, а не товарному производству вообще. Социалистическое производство — непосредственно-общественное производство, в основе которого находится планомерность. Оно ведет в конечном счете к полной ликвидации товарно-денежных отношений. К тому же товарно-денежные отношения при социализме не являются самостоятельными, а лишь включаются в обширную систему отношений планомерно организованного производства и играют подчиненную роль. Они имеют новое, присущее социализму содержание. Ведущим и определяющим является директивное планирование.

Как было подчеркнуто в документах XXIV съезда КПСС, товарно-денежные отношения могут и должны использоваться в интересах укрепления планового руководства народным хозяйством и развития инициативы

предприятий и объединений на началах хозяйственного расчета. Разумеется, мы отвергаем всякие ошибочные концепции, подменяющие рыночным регулированием ведущую роль государственного централизованного планирования¹. На XXIV и XXV съездах КПСС было уделено большое внимание вопросам совершенствования товарно-денежных отношений. XXV съезд КПСС указал на необходимость более умелого использования экономических стимулов и рычагов: хозяйственного расчета, прибыли, цены, премии². Такова реальная действительность.

Во время одного из своих выступлений на международном конгрессе в Тильбурге (сентябрь 1970 г.) Мандель говорил: «Если анализ не связывает законы развития с эмпирическими фактами и историческими формами явлений, то возникает опасность превращения этих законов... в догму, которая далека от действительности»³. Как раз это и случилось с концепцией самого Манделя, хотя он обвиняет в подобных грехах ученых-марксистов.

Концепцию Манделя характеризуют прежде всего мелкобуржуазная подделка под марксизм-ленинизм и крайняя эклектичность идей, заимствованных у тех авторов, на которых, как он пишет во введении к своей книге «Марксистская экономическая теория», он опирается в анализе. В целом экономическая концепция Манделя представляет собой один из вариантов ревизионистского искажения и отрицания экономической и политической теории марксизма-ленинизма. Современные троцкисты в лице Манделя ставят перед собой одну цель: лишить марксизм его революционного содержания, способности к решению стоящих перед пролетариатом задач, оклеветать теорию марксизма-ленинизма и практику реального социализма. Мандель пытается обойти теоретические вопросы, касающиеся актуальных задач пролетариата, игнорирует ценнейшие революционные выводы Маркса, Энгельса, Ленина о стратегии и тактике борьбы рабочих против капитала.

¹ См. Материалы XXIV съезда КПСС. М., Политиздат, 1971, с. 169.

² См. Материалы XXV съезда КПСС, с. 60.

³ Die Geschichte des Kapitalismus und die Gesetze seiner Entwicklung im Kapitalismus in den siebziger Jahren. Referate von Kongress in Tilburg im September 1970. Frankfurt am Main. Wien, 1970, s. 7.

Глава 4

АНТИМАРКСИСТСКАЯ СУЩНОСТЬ МАОИЗМА

Начиная со второй половины 50-х годов экономическое и социально-политическое развитие Китая все более характеризуется сложными и противоречивыми процессами, являющимися объективным следствием того авантюристического курса, на путь практического осуществления которого окончательно вступило в этот период маоистское руководство КПК. В результате мир стал свидетелем головокружительных зигзагов маоистов, находящихся в вопиющем противоречии не только с задачами китайской народной революции, но и с интересами всего международного коммунистического и рабочего движения.

Отбросив в 1958 г. коллективно выработанную КПК и народом генеральную линию на строительство социализма, Мао Цзэдун и его ближайшее окружение ввергли страну в пучину хаоса и нищеты благодаря своим волюнтаристским экспериментам. Однако, как и следовало ожидать, «за три года упорного труда» не удалось обеспечить «десять тысяч лет счастья». Пытаясь уйти от справедливого гнева китайского народа, обманутого в его лучших надеждах, маоисты разгромили партию, общественные организации трудящихся, узурпировали власть, насадили в стране жестокий военно-бюрократический режим и окончательно скатились в болото антисоветизма. Поэтому вполне закономерно, что сегодня, когда под воздействием все более ощутимых успехов в хозяйственном и культурном строительстве стран социализма происходят важные позитивные сдвиги в международной жизни, во всем мировом революционном процессе, маоистское руководство КПК логически завершает свой путь в стане империализма и реакции. Таков удел всех ренегатов, среди ко-

торых маоисты не являются исключением. И несмотря на то что маоизм все еще продолжает сопротивляться политике разрядки международной напряженности и воплощению в жизнь ленинских принципов мирного сосуществования как основы взаимоотношений стран с различным социальным строем, он уже ничего не в силах изменить. История вынесла ему свой суровый, но справедливый приговор.

1. Победа народной революции и начало социалистического строительства в Китае

1 октября 1979 г. исполняется тридцать лет с того дня, когда все прогрессивное человечество с огромным воодушевлением приветствовало образование Китайской Народной Республики как одно из величайших завоеваний послевоенного времени. С рождением КНР люди доброй воли связывали свои надежды на дальнейшее укрепление сил мира, демократии и социализма. И к этому были все основания, ибо крупнейшая страна азиатского континента вступила на путь строительства социализма. С первых дней своего существования Китайская Народная Республика пользовалась широкой международной поддержкой, и в первую очередь со стороны Советского Союза и других стран социалистического содружества.

Уже на второй день образования КНР, 2 октября 1949 г., СССР установил с ней дипломатические отношения и тем самым положил начало ее международному признанию. Решающим звеном в истории новых по своему характеру международных отношений явился советско-китайский договор от 14 февраля 1950 г. Это был первый в истории Китая договор о дружбе, союзе и взаимопомощи, в соответствии с которым обе страны брали на себя обязательства не только сотрудничать в социально-экономической и политической областях, но и совместными усилиями противостоять возможной агрессии со стороны реакционных сил империализма. Однако если принять во внимание экономический и военный потенциал КНР того времени, то справедливости ради следует отметить, что фактически речь шла только об односторонних гарантиях Советского Союза по обеспечению неприкосновенности китайских границ. И с этим международный империализм не мог не считаться. Это была действительно

твердая гарантия, смысл и значение которой были понятны всем. Аналогичные договоры вскоре заключили с Китаем и ряд других стран социализма, что обеспечило китайскому народу благоприятные внешние условия для созидательного труда.

Однако внутреннее положение Китая характеризовалось крайней отсталостью социально-экономических структур. Основой экономики страны было патриархальное сельскохозяйственное производство, базировавшееся на примитивном ручном труде. Оно занимало более 80 % трудоспособного населения и обеспечивало примерно $\frac{2}{3}$ национального дохода, больше половины бюджетных поступлений и свыше 70 % экспорта страны¹. Промышленность фактически находилась в зачаточном состоянии, и ее доля в валовой продукции промышленности и сельского хозяйства не превышала 10 %². В структуре промышленного производства свыше 70 % приходилось на легкую промышленность, производящую потребительские товары, тогда как доля производства средств производства не достигала 30 %³.

Не случайно поэтому до победы народной революции Китай занимал одно из последних мест в мире по производству продукции важнейших отраслей промышленности. Так, до начала антияпонской войны на его долю приходилось лишь 0,6 % мировой добычи угля, 0,5 % — железной руды, 0,35 % — выплавки чугуна, 0,22 % — меди и т. д. Значительный ущерб китайской экономике был нанесен в ходе длительной освободительной и гражданской войн, в результате которых произошло сокращение промышленного производства. Таким образом, полнейшая разруха, почти поголовная безграмотность населения и отсутствие каких бы то ни было серьезных источников накопления составляли наиболее характерную особенность внутреннего положения Китая.

Верная ленинским принципам пролетарского интернационализма, КПСС предоставила в распоряжение КПК свой опыт и знания. В соответствии с целым рядом соглашений Советский Союз передал народному Китаю необходимую материально-техническую документацию, ока-

¹ См. Экономика стран социализма. Экономико-статистический справочник. М., Статистика, 1969, с. 335.

² См. там же, с. 328.

³ См. там же.

зал финансовую помощь, направил в различные отрасли производства тысячи опытных специалистов. В этом нашли реальное воплощение слова великого В. И. Ленина, произнесенные им с трибуны II Конгресса Коммунистического Интернационала 26 июля 1920 г. о том, что «...пролетариат передовых стран может и должен помочь отсталым трудящимся массам и что развитие отсталых стран может выйти из своей нынешней стадии, когда победоносный пролетариат советских республик протянет руку этим массам и сможет оказать им поддержку»¹. Трудящиеся массы Китая могли рассчитывать на помощь и поддержку СССР и других социалистических стран. Они получили ее не на кабальных условиях, а в соответствии с принципами пролетарского братства. В истории Китая начался новый этап развития, общее направление которого было определено вторым пленумом ЦК КПК в марте 1949 г., разработавшим курс на восстановление народного хозяйства страны.

В соответствии с этим курсом в 1949—1952 гг. были осуществлены глубокие демократические преобразования, затронувшие все важнейшие стороны социально-экономической жизни страны и подготовившие почву для дальнейшего переустройства общества на социалистических началах. Были уничтожены привилегии иностранного капитала, безжалостно грабившего китайский народ. Иностранная собственность наряду с собственностью компрадорской буржуазии и военных преступников была конфискована. Под контроль государства перешли банки, промышленность, транспорт, внешняя и внутренняя торговля. В результате этих мер был создан государственный сектор в экономике Китая.

Вместе с тем коренной ломке были подвергнуты и земельные отношения в китайской деревне, где с завершением в 1952 г. аграрной реформы в распоряжение более чем 300 млн. крестьян было передано свыше 47 млн. га земли, принадлежавшей ранее помещикам и феодальной знати. Аграрная реформа освободила крестьян от ежегодной арендной платы за землю в объеме 35 млн. т зерна. На этой основе развернулось массовое движение за кооперирование сельского хозяйства. Китайская деревня вступала на путь прогрессивных преобразований. Харак-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 245.

терно, что именно в этот период повсеместно стали возникать производственные кооперативы как выражение активного стремления крестьян к коллективной жизни.

За три года восстановительного периода в народном хозяйстве Китая наметился целый ряд положительных сдвигов, указывающих на общее оживление и стабилизацию экономики. Так, общий объем производства в стране увеличился почти на 78%, валовая продукция промышленности — в 2,5 раза, а сельского хозяйства — на 48,5%.

Таким образом, по итогам восстановительного периода как в промышленности, так и сельском хозяйстве складывались благоприятные условия для проведения в стране коренных социально-экономических преобразований. Уже в 1953 г. страна смогла приступить к решению первоочередных социалистических задач народной революции. Однако генеральная линия КПК на строительство социализма разрабатывалась в условиях острой и непрекращающейся борьбы между пролетарским и мелкобуржуазным направлениями внутри партии, которая еще более обострилась на почве первых хозяйственных успехов восстановительного периода. Левацкие элементы склонны были расценивать их как результат исключительности китайской нации. В стране начал оживляться и бурно заявлять о себе мелкобуржуазный авангардизм.

В среде значительной части китайского общества и, что особенно опасно, в самой КПК возникли «шапкозакидательские» настроения и иллюзии о возможности сверхбыстрого решения всех социально-экономических проблем. Тем не менее в этот период Мао Цзэду не удалось навязать партии и народу свою авантюристическую линию в деле строительства социализма. Преодолев сопротивление мелкобуржуазных элементов, Коммунистическая партия Китая выработала линию на строительство социализма, которая после всенародного обсуждения получила одобрение Всекитайского собрания народных представителей в сентябре 1954 г. и была закреплена в Конституции КНР. Для переустройства общества на социалистических началах предусматривался «довольно длительный период времени», продолжительность которого определялась примерно в три пятилетки, вплоть до 1967 г.

Эта точка зрения была подтверждена и VIII съездом КПК в 1956 г., который также считал, что прежде всего

необходимо «в течение довольно длительного периода времени постепенно осуществить социалистическую индустриализацию страны и постепенно провести социалистическое преобразование сельского хозяйства, кустарной промышленности и капиталистической промышленности и торговли»¹. VIII съезд КПК подчеркнул, что в ходе указанных преобразований общественная собственность на средства производства должна была превратиться в единственную экономическую основу китайского общества, на которой будет развиваться вся совокупность современных отраслей экономики страны и обеспечиваться рост благосостояния трудящихся масс. В полном соответствии с генеральной линией КПК и был разработан первый пятилетний план развития народного хозяйства КНР, задания которого определялись с учетом не только внутренних ресурсов, но и научно-технической и финансовой помощи СССР и других стран социалистического содружества.

В годы первой пятилетки в Китае широкий размах приобрело индустриальное строительство, основу которого составляли крупные промышленные предприятия, проектируемые и строящиеся с помощью СССР. Учитывая огромные потребности китайской экономики, Советский Союз и другие социалистические страны на основе межгосударственных соглашений регулярно поставляли Китаю крупные партии комплектного оборудования, машины, механизмы, промышленные и строительные материалы, предоставляли кредиты. Советский Союз оказывал помощь и принимал непосредственное участие в этот период в строительстве ряда крупных промышленных предприятий, цехов и объектов, значение которых выходило далеко за пределы первой пятилетки. Капитальные вложения государства в промышленность только за период 1952—1958 гг. составили 44 млрд. юаней, или более половины всех капиталовложений в народное хозяйство, основу которых составляли кредиты, предоставляемые на льготных условиях социалистическими странами.

С начала первой пятилетки в Китае СССР направил в различные отрасли народного хозяйства КНР более

¹ Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (15—27 сентября 1956 г.). М., Госполитиздат, 1956, с. 10.

10 тыс. своих специалистов. В то же время в Советском Союзе прошли подготовку, переподготовку и обучение свыше 10 тыс. китайских инженеров, техников и рабочих, примерно 1 тыс. ученых и более 11 тыс. студентов и аспирантов.

Столь широкая и разносторонняя помощь братских стран обеспечивала Китаю не только восстановление промышленного потенциала, но и создание совершенно новых отраслей. Это касается прежде всего авиационной промышленности, автомобилестроения, тракторостроения. На основе индустриализации Китайская Народная Республика добилась значительных успехов в выполнении заданий первого пятилетнего плана по основным видам промышленной продукции. Так, производство стали увеличилось с 1,35 млн. т в 1952 г. до 5,35 млн. т в 1957 г., производство чугуна — с 1,9 до 5,9 млн. т, каменного угля — с 66,5 до 130,0 млн. т, электроэнергии — с 7,2 до 19,3 млрд. кВт·ч, металлорежущих станков (без станков упрощенной конструкции) — с 13,7 до 28,0 тыс. шт. и т. д.¹ В годы первой пятилетки в Китае были достигнуты определенные успехи и в области сельского хозяйства. Уже к концу пятилетки сбор основных продовольственных культур увеличился по сравнению с 1949 г. в 1,7 раза, хлопка — в 3,7 раза, поголовье крупного домашнего скота возросло почти на 40%, свиней — в 2,5 раза².

Таким образом, сотрудничество с социалистическими странами и учет объективных экономических законов при разработке и реализации первого пятилетнего плана развития народного хозяйства КНР обеспечили в конечном итоге первую крупную победу китайского народа на этапе социалистического строительства. Темпы прироста промышленного производства составили 18%, сельскохозяйственного — 4,5, а национального дохода — почти 9%. Это позволило уже в годы первой пятилетки осуществить меры по развитию системы социального страхования, установлению отпусков для рабочих и служащих, упорядочить оплату труда в промышленности и в сельском хозяйстве. Внедрение материального стимулирования

¹ См. Экономика стран социализма. Экономико-статистический справочник, с. 334.

² См. там же, с. 335.

обеспечивало органическую связь между ростом производительности труда и материальным положением трудящихся. В 1957 г. среднегодовая заработная плата одного рабочего и служащего увеличилась по сравнению с 1952 г. на 43 %, доходы крестьян в расчете на одного человека — на 28 %¹. Таковы были общие итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства КНР, которые обещали стать прочным фундаментом дальнейшего прогресса на пути построения социалистического общества.

2. Второй пятилетний план развития народного хозяйства КНР и новая генеральная линия КПК

15 сентября 1956 г. открылась первая сессия VIII съезда КПК, на которой положительно были оценены итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства страны и подтверждена верность партии генеральной линии строительства социализма. В резолюции съезда записано: «...Чтобы превратить нашу страну из отсталой аграрной в передовую социалистическую индустриальную, мы должны в течение трех пятилеток или несколько большего периода времени создать в основном целостную, промышленную систему, с тем чтобы промышленное производство занимало основное место в общественном производстве, чтобы в промышленном производстве заметно преобладало производство тяжелой промышленности, чтобы машиностроительная и металлургическая промышленность могли обеспечить потребности социалистического расширенного воспроизводства, чтобы техническая реконструкция народного хозяйства получила необходимую материальную базу»². Одновременно предполагалось осуществить и социалистические преобразования сельского хозяйства, кустарной промышленности и капиталистической промышленности и торговли. «Отход в работе от этой линии, — как отметил VIII съезд КПК, — приводит к ошибкам правого или „левого“ уклона»³.

¹ См. Экономика стран социализма. Экономико-статистический справочник, с. 342.

² Материалы VIII Всекитайского съезда КПК, с. 472—473.

³ Там же, с. 10.

Особое внимание на съезде было уделено таким ключевым вопросам социалистического строительства, как темпы развития народного хозяйства и соотношение между накоплением и потреблением. Как сказано в политическом отчете съезда, «темпы развития должны быть прогрессивными, чтобы не упустить момента и не впасть в консервативные ошибки; они также должны быть устойчивыми и надежными, чтобы не отойти от правильных пропорций в развитии экономики, чтобы не создать слишком тяжелого бремени для народа или нарушить взаимную увязку отраслей, чтобы не сорвать выполнение плана и избежать расточительства, что привело бы к авантюристическим ошибкам»¹.

Исходя из этого заданием второго пятилетнего плана развития народного хозяйства КНР предусматривалось увеличение валовой продукции промышленности и сельского хозяйства на 75% по сравнению с плановыми заданиями на 1957 г. Валовая продукция промышленности к 1962 г. должна была увеличиться примерно в 2 раза, а сельского хозяйства — на 35%². В соответствии с генеральной линией партийный съезд определил среднегодовые темпы роста промышленного производства в 15%. При этом производство электроэнергии планировалось довести к 1962 г. до уровня 40—43 млрд. кВт·ч, стали — 10,5—12 млн. т, металлорежущих станков — 60—65 тыс. шт., цемента — 12,5—14,5 млн. т. Среднегодовые темпы прироста сельскохозяйственной продукции должны были составить 6,2% против 4,5% в первой пятилетке. Однако если исходить из факта ограниченных возможностей накопления, то эти задания были в известной мере завышены, а точнее они определялись на максимально допустимом уровне. Поэтому директивные наметки второго пятилетнего плана развития народного хозяйства КНР можно было уже рассматривать как отражение некоего давления маоистской группировки на партию. И тем не менее эти задания могли быть успешно выполнены при соблюдении основных требований законов социалистического хозяйствования и строжайшего режима экономии.

Второй пятилетний план потребовал мобилизации всех материальных, финансовых и людских ресурсов страны.

¹ Материалы VIII Всекитайского съезда КПК, с. 30.

² См. там же, с. 489.

По-прежнему значительная помощь поступала из социалистических стран. Современные крупные промышленные предприятия, построенные в КНР в годы первой пятилетки с помощью СССР и других социалистических стран, а наряду с ними и те, которые продолжали вступать в строй действующих в начале второй пятилетки, составили основу роста промышленного производства Китая в 1958—1960 гг. Только в 1958 г. полностью или частично было построено около 700 сверхлимитных объектов, в том числе 45 крупных, строительство которых осуществлялось с помощью Советского Союза. А в 1959 г. было завершено полностью или частично строительство еще 671 сверхлимитного предприятия¹. Сотрудничество КНР со странами социализма в 1949—1957 гг. и неукоснительное следование генеральной линии партии в начальном периоде второй пятилетки положительно сказались на развитии экономики страны.

Тем не менее отход от генеральной линии партии намечился в маоистском руководстве КНР еще задолго до утверждения второго пятилетнего плана, а по существу Мао Цзэдун выступил против его проекта в 1956 г. На второй сессии VIII съезда КПК (май 1958 г.) под непосредственным давлением маоистской группировки Компартия Китая осуществляет прямой отход от прежней генеральной линии и предаёт забвению второй пятилетний план. Мелкобуржуазные авантюристические элементы во главе с Мао Цзэдуном взяли верх и навязали партии порочный курс на осуществление «большого скачка». Была поставлена задача «напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм по принципу: больше, быстрее, лучше, экономнее». Средством ее достижения должна была стать, по мнению Мао Цзэдуна, политика «большого скачка» и «народных коммун».

С этого времени маоисты окончательно навязывают стране и партии свои авантюристические методы руководства народным хозяйством, ориентируясь на субъективизм и волюнтаризм, отрекаются от научно обоснованных принципов социалистического хозяйствования, рассчитывая в ближайшие годы добиться резкого увеличения темпов социалистического строительства. Между тем

¹ См. Экономика стран социализма. Экономико-статистический справочник, с. 330.

В. И. Ленин особенно предупреждал об опасности забега вперёд и подчеркивал, что строительство социализма представляет собой цель, которую «...нельзя осуществить сразу, она требует довольно продолжительного переходного периода от капитализма к социализму,— и потому, что переорганизация производства вещь трудная, и потому, что нужно время для коренных перемен во всех областях жизни, и потому, что громадная сила привычки к мелкобуржуазному и буржуазному хозяйничанью может быть преодолена лишь в долгой, упорной борьбе»¹. Однако планомерно-поступательное строительство социализма, предполагающее все более полное познание и использование механизма действия объективных экономических законов, не устраивало более Мао Цзэдуна.

Навязывая китайскому народу программу «большого скачка» и «народных коммун», Мао Цзэдун практически отказался от коллективно выработанной генеральной линии и предал забвению сформулированные в 1953 г. Коммунистической партией Китая задачи переходного периода.

Опираясь на первые успехи в социалистическом строительстве и используя в гегемонистских целях революционный энтузиазм народных масс, Мао Цзэдун дал указание срочно разработать новый вариант второго пятилетнего плана. В результате план был первоначально скорректирован таким образом, что объем промышленной продукции должен был расти по сравнению с ранее установленными заданиями на 21% в год, сельского хозяйства — на 39, а объем капитальных вложений — на 20%. Но даже и такое приращение темпов роста не могло уже устраивать «великого кормчего». На очередном заседании Политбюро ЦК КПК в августе 1958 г. он потребовал предпринять более решительные шаги для осуществления политики «большого скачка».

Третий вариант второго пятилетнего плана ориентировался на такие темпы развития, чтобы уже к 1958 г. производство основных видов продукции промышленности и сельского хозяйства достигло показателей 1962 г. (последнего года пятилетки). Так, если директивами VIII съезда КПК по второму пятилетнему плану предусматривалось увеличение производства стали за 5 лет примерно

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 385—386.

в 2 раза, то в результате «большого скачка» за тот же период производство стали должно было увеличиться в 20 раз. Общий же объем промышленного производства намечалось увеличить в 6,5 раза (по директивам — в 2 раза), сельского хозяйства — в 2,5 раза (директивами — на 35%)¹. В конечном итоге было принято решение за пять лет осуществить те грандиозные задачи, на решение которых еще в 1956 г. отводилось как минимум 15 лет.

Таким образом, начиная со второй сессии VIII съезда КПК (май 1958 г.) Мао Цзэдун окончательно присвоил себе право единолично вершить судьбы почти 700-миллионного народа Китая, в многолетней борьбе заплатившего кровью за право строить социализм. С этого времени так называемые планы развития народного хозяйства КНР нигде не обсуждались.

Навязанный Мао Цзэдуном китайскому народу курс «трех красных знамен» предполагалось сначала осуществлять «на двух ногах», т. е. при одновременном ускоренном развитии и промышленности и сельского хозяйства. Официальная маоистская пропаганда неустанно твердила миру о том, что «вся партия, весь народ создают промышленность, развивают сельское хозяйство и занимаются наукой», выдавая «большой скачок» за массовое всенародное движение. Однако уже летом 1958 г. этот курс был существенно модернизирован. В сельском хозяйстве, по предварительным прогнозам, ожидался хороший урожай. Это окончательно укрепило уверенность Мао Цзэдуна в том, что здесь будет все так, как он и предполагал. В этой связи основной центр тяжести «движения на двух ногах» переместился на «одну ногу», т. е. в промышленность, где решающее значение придавалось производству стали и чугуна. Именно в решении проблемы металла маоисты видели панацею от всех бед.

Но с таким же успехом можно было говорить и о нехватке сырья, топлива, электроэнергии, продовольствия и т. д. Мао Цзэдун и здесь оставался верен себе, скрывая свои планы и намерения. Речь шла о том, чтобы ускоренными темпами развивать прежде всего те отрасли промышленности, которые олицетворяли собой военно-инду-

¹ См. Экономика стран социализма. Экономико-статистический справочник, с. 326.

стриальную мощь государства, являлись базой международных претензий Мао Цзэдуна. Все силы страны были брошены на увеличение производства именно в этих отраслях. За один лишь 1958 г. капиталовложения в черную металлургию составили 3,8 млрд. юаней, или 22% их общей суммы, предназначенной для промышленности в целом¹. Наряду с перераспределением финансовых средств значительному перераспределению подверглись и людские ресурсы, что наносило ущерб другим жизненно важным отраслям народного хозяйства. Но даже несмотря на это, промышленный потенциал не был в состоянии обеспечить запланированного прироста продукции. Поэтому ставка делалась на строительство мелких, кустарного типа предприятий. Только за 9 месяцев 1958 г. в Китае было построено «методом народной стройки» 7,5 млн. таких предприятий. Темпы этого строительства характеризуются особенно ярко тем, что за три осенних месяца были созданы 1 млн. мелких чугуноплавильных печей, сотни тысяч таких же конвертеров, более 10 тыс. мелких угольных шахт.

Кампания, проводившаяся под лозунгом «вся партия, весь народ создают промышленность», завершилась к концу 1958 г. созданием около 2 млн. мелких домен и примитивных «простых» сталеплавильных печей². Это строительство, как правило, осуществлялось на средства сельского населения, так как государственные накопления были явно недостаточны, чтобы обеспечить столь непомерно раздутые масштабы строительства. Полученный таким образом металл оказался в большинстве своем «металлом» только по данным претенциозной маоистской статистики. На самом деле более 3 млн. т стали и 4 млн. т чугуна, полученных на примитивных печах, оказались непригодными для промышленности³. Впоследствии они были исключены официальной статистикой из общих показателей производства за 1958 г.

Истощение финансовых и материальных ресурсов, тяжелейшие условия труда пагубным образом отразились на развитии китайской промышленности в последующие

¹ См. Экономика стран социализма. Экономико-статистический справочник, с. 326.

² См. там же, с. 331.

³ См. там же.

годы. Фактически в ней наметился заметный спад производства.

Кризис наступил и в моральном состоянии трудящихся масс, столкнувшихся с тем, что их просто обманывали, обещая «десять тысяч лет счастья» после «трех лет напряженного труда». Политика «большого скачка» привела к тому, что уже в 1962 г. снижение объема производства важнейших видов промышленной продукции, в том числе стали и чугуна, составило по отношению к уровню 1960 г. почти 50% ¹. 1960 г. явился рубежом, за которым уже переставали действовать положительные факторы развития промышленности, созданные в восстановительный период и в годы первой пятилетки. Маоистам предстояло пожинать плоды своей авантюристической «новой генеральной линии». Но эти плоды оказались горькими для китайского народа.

Психоз «большого скачка» несколько раньше, чем в промышленности, заявил о себе и в сельском хозяйстве. Показатели производства основных продуктов земледелия в 1957 г. значительно превосходили уровень 1952 г. Однако многие наблюдатели и здесь усматривали превышение фактических данных. Тем не менее общее положение в сельском хозяйстве в 1957 г. следует считать относительно благополучным. Так, в этом году было достигнуто рекордное по сравнению с 1949 г. производство основных продовольственных культур — 185 млн. т, в том числе риса — 86,8 млн. т, пшеницы — 23,7 млн., прочих зерновых — 52,7 млн. т ². Исходя из этого маоистская группировка решила прежде всего форсировать «большой скачок» именно в сельском хозяйстве. Срочно была провозглашена задача добиваться ежегодного удвоения сбора зерновых и в целом решить зерновую проблему за три года.

Для достижения этих целей Мао Цзэдун дал сигнал к массовому преобразованию сельскохозяйственных кооперативов в так называемые «народные коммуны». Уже в 1958 г. в течение нескольких месяцев свыше 740 тыс. кооперативов были реорганизованы в 26 тыс. народных коммун, число сельскохозяйственных дворов, охваченных

¹ См. Экономика стран социализма. Экономико-статистический справочник, с. 334.

² См. там же, с. 336.

народными коммунами, превышало 120 млн. и составило 99% их общего числа. Одна народная коммуна объединяла от 2—5 до 10—20 тыс. дворов, что делало ее трудно управляемой¹. В процессе объединения сельскохозяйственных дворов в народные коммуны обобществлялись не только основные средства производства, но и приусадебные участки, домашний скот и птица, а зачастую и предметы домашнего обихода. По существу в деревне вводилась административная, военно-бюрократическая система хозяйства.

Коммуны должны были заниматься не только сельскохозяйственным производством, но и промышленностью, торговлей, наукой, просвещением и военным делом. Управление ими вменялось в обязанность местным административным органам. Вместе с тем огромные массы крестьянства систематически отвлекались в промышленность для участия в кампании «большой стали», развития местной промышленности, транспорта, торговли и т. д. при одновременном прекращении всех видов финансирования нужд сельского хозяйства со стороны центрального правительства.

В результате и без того слабое сельское хозяйство было еще более подорвано, что прямо подтверждалось данными 1960 г.

Так, если в 1958 г. урожай продовольственных культур составил 250 млн. т, то в 1960 г. — только 160 млн. т². Посевные площади начали резко сокращаться, а построенные наспех, без необходимого научно-технического обоснования ирригационные сооружения были не в состоянии компенсировать эти потери за счет повышения урожайности на поливных землях. К тому же столь примитивные ирригационные системы сами быстро приходили в упадок.

Таким образом, политика «большого скачка» и в сельском хозяйстве обнаружила все свои отрицательные стороны уже в первые годы ее осуществления. Она не только не привела к росту производительных сил китайской деревни, но и послужила непосредственной причиной их разрушения.

¹ См. Экономика стран социализма. Экономико-статистический справочник, с. 324.

² См. там же, с. 336.

3. «Большой скачок» и наступление на права трудящихся

Классики марксизма-ленинизма особенно часто обращали внимание рабочего класса на то обстоятельство, что строительство социализма есть глубоко творческий процесс. Он может быть успешным лишь при условии активного и сознательного участия в нем широчайших народных масс. Уже сама по себе победа социалистической революции является источником огромного энтузиазма в пролетарской среде. Но энтузиазм может оказаться временно действующим фактором, если не будет подкреплён конкретной программой последовательного улучшения материального положения трудящихся. Поэтому очень важно, чтобы оптимальное сочетание общественных и личных интересов достигалось на всех этапах строительства социализма и коммунизма. «Не на энтузиазме непосредственно,— говорил В. И. Ленин,— а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие в мелкокрестьянской стране через государственный капитализм к социализму; иначе вы не подойдете к коммунизму, иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов людей к коммунизму»¹.

Предпринятое Мао Цзэдуном с мая 1958 г. форсирование темпов развития китайской экономики явилось прямым отступлением от ленинских принципов материального стимулирования труда при социализме. Как свидетельствует практика «большого скачка», оно сопровождалось не только наступлением на права трудящихся, но и резким снижением их жизненного уровня. Коренные интересы китайского народа были принесены в жертву гегемонистским и узконационалистическим устремлениям маоизма. Вполне очевидно, что для осуществления столь широкой программы хозяйственного строительства, Китай не располагал и не мог располагать объективно необходимыми материальными и финансовыми возможностями. Следовательно, отсутствие необходимых накоплений могло быть компенсировано только путем перераспределения национального дохода и низведения текущего потребле-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 151.

ния трудящихся масс до максимально низкого уровня.

Сегодня уже ни для кого не секрет, что авантюристическая политика «большого скачка» с самого начала ориентировалась на мобилизацию не только государственных накоплений, но и все большей части фонда потребления. Так, если в годы первой пятилетки в фонд накопления выделялось из национального дохода 20%, то уже в 1958 г. — более 30%. Но и этих средств не хватало. Поэтому маоистское руководство КПК все больше обращает свой взор на фонд потребления.

В целях теоретического оправдания своей антинародной политики Мао Цзэдун в спешном порядке разрабатывает и соответствующую концепцию «бедности». В первом номере журнала «Хунци» за 1958 г. была опубликована его статья под названием «Об одном кооперативе», где «великий кормчий» развивал тезис, что одной из характерных особенностей многомиллионного населения Китая является бедность, и именно в ней предлагал искать ключ к решению всех проблем современного Китая. То, что еще совсем недавно считалось страшным бедствием страны, теперь выдавалось за преимущество. Как заявил Мао Цзэдун, «на первый взгляд бедность — это плохо, а фактически — хорошо. Бедность побуждает к переменам, к действию, к революции». Тем самым давался сигнал к наступлению на социалистический принцип распределения по труду и формы его реализации.

Особым нападкам подверглась система сдельной заработной платы в промышленности. Распространение сдельщины в годы первой пятилетки, как известно, сыграло положительную роль, стимулируя рост производительности труда, восстановление и развитие промышленного потенциала страны, улучшая материальное положение трудящихся. Это была объективно необходимая форма сочетания общественных и личных интересов в процессе социалистического строительства. Специфика переходного периода от капитализма к социализму требовала именно такого подхода, посредством которого, как отмечал В. И. Ленин, достигается «...соразмерение заработка с общими итогами выработки продукта...»¹. В сдельной заработной плате этот принцип получает яркое выражение.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 189.

Реализуя основной принцип социализма — «за равный труд — равная оплата», сдельная заработная плата создает материальную заинтересованность каждого работника в результатах своего труда. Тем самым она выступает связующим звеном между личными и общественными интересами.

Однако этот принцип не мог по своей сути гармонизировать с внеэкономическими методами «большого скачка». Поэтому сторонников сдельной заработной платы обвинили в увлечении «буржуазным экономизмом», притупляющим «революционную сознательность трудящихся масс и увлекающим их в мир наживы и стяжательства». В «Замечаниях на советский учебник политической экономики», которые были опубликованы в Гамбурге в 1975 г., Мао Цзэдун говорил о материальной заинтересованности как о «ерунде», которой нельзя «прельстить людей»¹. Как утверждал Мао Цзэдун, при социализме решающую роль играет политика, она берет на себя все функции «командной силы и материального стимула». Чтобы обосновать это абсурдное положение, ему предоставлялось достаточным сослаться на опыт организации распределения в освобожденных районах Китая, т. е. на партизанских базах периода гражданской войны, где в силу объективных причин осуществлялась натуральная и уравнительная система снабжения. Здесь, говорил Мао Цзэдун, все работали самоотверженно и воевали мужественно. Конечно, — замечает он, — при этом были и поражения и победы. Но в результате все-таки революция победила, несмотря на то, что вплоть до окончательного освобождения «жизнь в партизанских районах основывалась на принципах уравнительности». Таким образом, уже из этого делался далеко идущий вывод о том, что «причины побед и поражений заключались не в наличии или отсутствии материальных стимулов, а в наличии или отсутствии правильной политической и военной линии»².

Вот этот-то «исторический опыт» Мао Цзэдун и пытается распространить на весь период строительства социализма и коммунизма, умышленно забывая о том, что

¹ Mao Tse-tungs Notizen zum sowjetischen Lehrbuch Politische Ökonomie (1960). Mitteilungen des Instituts für Asienkunde. Hamburg. Nummer 65. Hamburg, 1975, s. 107.

² Там же, с. 114.

здесь речь идет о явлении, порожденном чрезвычайными условиями китайской революции.

Тем не менее в целом ряде партийных изданий 1958—1959 гг. была опубликована серия статей, в которых сдельная заработная плата обвинялась во всех смертных грехах, а методы материального стимулирования рассматривались не иначе как «засахаренные снаряды буржуазии». Под прикрытием этой демагогии и ради дезориентации общественного мнения в печать стали все чаще проникать «сообщения с мест» о мнимой борьбе рабочих «против сдельной системы оплаты труда», об их стремлении скорее создать условия для осуществления коммунистического принципа распределения. На самом же деле, несмотря на очевидное сопротивление значительной части рабочего класса, о чем имеется множество доказательств на страницах даже китайской печати, сдельная заработная плата отменялась по личному указанию Мао Цзэ-дуна. Поэтому главная причина столь резких нападок на нее состояла не в «отрицательном отношении рабочих» к сдельной системе оплаты, а в том, что материальное стимулирование порождало преграды на пути реализации авантюристического курса маоистов. Ликвидировав сдельщину, «великий кормчий» получал возможность свободно манипулировать не только финансово-материальными средствами, но и людскими ресурсами.

Аналогичное наступление на жизненные права трудящихся маоизм развернул и в сельском хозяйстве, где с введением народных коммун существовавшая ранее система оплаты по трудодням была также ликвидирована. В деревне формы распределения общественного продукта подвергались даже более решительной ломке. Так, уже по трудодням 1958 г. крестьяне ничего не получили, что вызвало их законное возмущение. Однако оно было подавлено в ходе кампании по «коммунистическому воспитанию». Зарботки крестьян были включены в фонд накопления. Это обосновывалось тем, что в коммунах было введено бесплатное питание, весьма скудное и использовавшееся не для улучшения, а, напротив, для максимального ограничения текущего потребления. Правда, крестьянам вначале была обещана также выплата за работу денежного вознаграждения в половинном размере, но это обещание осталось нереализованным прежде всего из-за полной натурализации сельскохозяйственного производ-

ства, отсутствия денежных средств у коммун, а также из-за невозможности учета действительных затрат труда отдельных членов коммуны, в массовом порядке привлекаемых для участия в различных кампаниях. Не случайно поэтому в качестве решающего фактора дифференциации в оплате труда во всех директивных документах и инструкциях, адресованных народным коммунам в период их создания, признавалась политическая сознательность крестьян. Только после этого упоминались «отношение к труду», «квалификация» и «физические данные». Все это вносило неразбериху в систему оплаты труда в различных коммунах и районах, создавало маоистам благоприятные возможности для грабежа трудящихся масс деревни.

Нарушение принципа материальной заинтересованности в промышленности и в сельском хозяйстве не только в корне противоречит интересам народных масс, но и подрывает основы строительства социализма в Китае. Заработная плата рабочих и служащих снизилась примерно на 10%, а доходы крестьян были сведены на нет. Исчезли и доходы от домашнего хозяйства и подсобных промыслов. В дальнейшем снижение жизненного уровня трудящихся происходило уже под влиянием последствий этой пагубной политики.

Провал «большого скачка», как известно, привел к падению объема производства во всех отраслях китайской экономики, что не могло не отразиться и на благосостоянии народа. В ноябре—декабре 1960 г. маоистское руководство в итоге своей авантюры вынуждено было открыто объявить о снижении норм снабжения зерном. Почти полностью прекратилось снабжение городского населения мясом, исчезли из рациона яйца, сахар, а растительное масло и овощи выдавались в объемах, не способных покрыть даже минимальные потребности. Если в 1956 г. потребление зерна на душу населения в городах составляло 202 кг, растительного масла — 6,4 кг, то уже в 1962—1963 гг. зерна потреблялось лишь 135—170 кг, растительного масла — 1,5—1,2 кг¹. Эти цифры убедительно разоблачают авантюризм и лживость маоистской политики. Вместо обещанных «десяти тысяч лет счастья» за «три года

¹ См. Экономика стран социализма. Экономико-статистический справочник, с. 343.

упорного труда» полное расстройство экономики и нищенское состояние трудящихся масс. Таков печальный итог «большого скачка».

Попытка осуществления «большого скачка» методами волюнтаристского характера привела к ликвидации системы материального стимулирования и вместе с тем поставила китайскую экономику на грань катастрофы. Революционный энтузиазм масс был искусственно погашен. Страна погрузилась в мир хаоса и анархии, что само по себе уже грозило подрывом позиций маоизма. В этих условиях Мао Цзэдун был вынужден стать на путь «урегулирования» своей социально-экономической политики.

4. Политика «урегулирования» и дальнейшие зигзаги маоистского курса

К 1960 г. обнаружились все отрицательные последствия авантюристического курса «трех красных знамен». Замалчивать или отрицать это было уже невозможно. Состоявшийся в январе 1961 г. IX пленум ЦК КПК, учитывая серьезные экономические и социально-политические трудности в стране, принял решение о смене курса. Официально провозглашался курс на «урегулирование». Фактически это было равносильно признанию провала политики «большого скачка», но об этом в Пекине предпочли умолчать. Ответственность за тот хаос, к которому маоистское руководство привело экономику страны, была возложена прежде всего на Советский Союз. Затем назывались стихийные бедствия 1959—1960 гг., и наконец, многие упреки делались в адрес низовых кадровых работников, якобы искажавших на практике «линию председателя Мао». Однако подобное фарисейство не может служить надежным прикрытием для тех, кто в действительности нес ответственность за катастрофическое состояние дел во всех областях социально-экономической и политической жизни Китая.

Встав на путь авантюристических экспериментов, маоистское руководство КПК резко обострило отношения со всеми странами социалистического лагеря и провозгласило курс «опоры на собственные силы». На практике это выразилось в постепенном сокращении внешнеторгового оборота, в срыве ряда соглашений экономического характера, а затем и в прямом отказе от сотрудничества со

странами СЭВ. Уже в 1962 г. оборот торговли Китая со странами СЭВ уменьшился по сравнению с 1959 г. в 2,8 раза. Объем торговли КНР с Советским Союзом в 1965 г. сократился по сравнению с 1959 г. примерно в 5 раз¹.

Но Китай был не в состоянии собственными силами компенсировать свой отказ от поставок из СССР и других стран социалистического лагеря комплектного оборудования, машин, станков и т. д. Это пагубно отразилось на росте промышленного потенциала страны. И тогда маоисты поспешили возложить ответственность на Советский Союз, что было совсем абсурдно. Нельзя всерьез принимать и ссылки на стихийные бедствия, которые обычно носили локальный характер. Главными виновниками переживаемых страной трудностей, безусловно, были Мао Цзэдун и его ближайшее окружение, т. е. непосредственные творцы авантюристического курса «трех красных знамен». Именно в их адрес все чаще стали раздаваться критические замечания, но маоисты упорно отстаивали свой авантюристический курс и пытались доказать непогрешимость «великого кормчего — председателя Мао». Поэтому хотя и было принято решение о смене курса, официально маоизм не отмежевался от проводимой ранее политики «трех красных знамен». Решения IX пленума ЦК КПК (январь 1961 г.) носили половинчатый характер и оказались неспособными привести к полному и всестороннему урегулированию социально-экономической и политической жизни Китая.

Однако следует отметить, что в течение 1961—1965 гг. оппозиционным силам в руководстве партии и государства удалось добиться пересмотра ряда ошибочных положений официальной экономической политики. Так, некоторой перестройке была подвергнута система народных коммун в деревне. В результате их разукрупнения общая численность коммун увеличилась с 26 до 74 тыс., а основной хозяйственной единицей стала производственная бригада. Восстанавливались в общих чертах коллективные методы хозяйствования, материального стимулирования. Крестьянам были возвращены приусадебные участки, мелкий инвентарь. В промышленности и строительстве

¹ См. Экономика стран социализма. Экономико-статистический справочник, с. 341.

начала постепенно изживаться уравниловка, усилилось внимание к вопросам планирования и стали осуществляться меры по централизации управления. Нельзя сказать, чтобы все эти меры носили кардинальный характер. Но тем не менее они способствовали некоторой стабилизации положения как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Во всяком случае, разрушающее действие «большого скачка» в период «урегулирования» было отчасти приостановлено.

1961—1965 гг. целиком и полностью ушли на преодоление последствий «большого скачка», а народное хозяйство едва достигло того уровня, с которого Мао Цзэдун начинал форсирование экономического развития страны. Казалось бы, что все это послужит хорошим уроком для любителей авантур. Но Мао Цзэдун и его окружение, несмотря на полный провал политики «трех красных знамен», так ничему и не научились. Исподволь они готовили новые испытания для партии и всего китайского народа. Опираясь на итоги периода «урегулирования», Мао Цзэдун разрабатывал очередной вариант «большого скачка». Но теперь уже ему приходилось считаться с ожившей оппозицией, имевшей горький опыт слепого следования за «великим кормчим» и не желавшей разделять с ним ответственность за новые авантюры.

В этих условиях маоизм под предлогом усиления классовой борьбы в период строительства социализма развязывает в стране так называемую «великую пролетарскую культурную революцию», в ходе которой все, кто до сих пор сопротивлялся Мао Цзэдуну, были в основном подавлены и уничтожены. Бросается в глаза прежде всего тот факт, что начало «культурной революции» странным образом совпало с окончанием периода «урегулирования», когда должен был решиться вопрос о путях дальнейшего строительства социализма. А между тем весь ход событий в последние пять лет, предшествовавших «культурной революции», не оставлял сомнений в том, что выбор следует сделать именно в пользу научно обоснованного и планомерного строительства социализма в Китае. Но это означало бы общее поражение маоизма. Поэтому Мао Цзэдун снова прибегает к насилию как испытанному средству.

Высшей формой проявления этого насилия и явилась «великая пролетарская культурная революция»,

развязанная весной 1966 г. антинародной группой Мао Цзэдуна и освященная решениями XI пленума ЦК КПК в августе 1966 г.

Формально целью «культурной революции» провозглашалась «революционизация» сознания масс якобы для того, чтобы они могли полнее включаться затем в строительство социализма по принципу «больше, быстрее, лучше, экономнее». Однако реально она была задумана как повод искоренения инакомыслящих в партии и государстве, как единственно возможное средство для спасения маоизма. Не случайно поэтому на первом этапе «культурной революции» в качестве ударной силы маоизма были использованы отряды хунвейбинов и цзаофаней, сформированные из фанатичной и идейно незрелой части молодежи. Именно они «открыли огонь по штабам», приступив по указанию Мао Цзэдуна к разгрому руководящих органов партии, комсомола, профсоюзов и органов власти на местах. Эти акции никак нельзя признать стихийным проявлением «революционного сознания трудящихся масс». Они направлялись из единого центра, которым служила группа по делам «культурной революции» при ЦК КПК.

В помощь хунвейбинам и цзаофаням, столкнувшимся с нарастающим сопротивлением со стороны рабочего класса и крестьянства, дается армия, которая и заполнила вакуум, образовавшийся в связи с разгромом выборных органов. Линь Бяо, сменивший в 1959 г. на посту министра обороны Пын Дэхуая, становится «ближайшим соратником председателя Мао». Отныне в стране воцаряется военно-бюрократический режим, который ознаменовал собой общую военизацию всей социально-экономической и политической жизни Китая.

Отрицательные последствия «культурной революции» в различных сферах народного хозяйства страны оказались огромными. В результате чистки аппарат многих министерств по существу был парализован на долгие годы, что отрицательно отразилось на состоянии дел в соответствующих отраслях. Как свидетельствовала уже в 1967 г. китайская пресса, повсюду наблюдался «беспорядок в управлении предприятиями». Этому, в частности, способствовали и массовые кампании, проводимые отрядами хунвейбинов по всей стране. Достаточно сказать, что только для переброски «революционных масс» потребовалось

мобилизовать почти 30% железнодорожного транспорта, что фактически парализовало его работу.

Многие промышленные предприятия вынуждены были простаивать из-за отсутствия сырья и вмешательства хунвейбинов, а также из-за массовых стычек между враждующими сторонами в ходе «революционной борьбы». 1967 г. к тому же ознаменовался массовыми выступлениями сознательной части рабочего класса в защиту своих прав, против проводимой маоистами «культурной революции». В стране развернулось забастовочное движение. Следствием всего этого явилось резкое снижение уровня промышленного производства в 1967 г. (на 15—20% по сравнению с 1956 г.). Пострадало и сельское хозяйство, хотя и не в такой степени, как промышленность, транспорт и торговля. Но здесь крестьяне повсеместно сопротивлялись «захвату власти революционными массами», срывали поставки сельскохозяйственной продукции, отказывались выплачивать налоги. Производство зерновых в 1966—1967 гг. не превышало 185 млн. т, т. е. оставалось на уровне 1957 г., тогда как население страны увеличилось за этот период на 100 млн. человек.

В стране усилилась и достигла катастрофических размеров дезорганизация общественной жизни, что, несомненно, должно было снова поставить на очередь дня вопрос о несовместимости политики маоистского руководства и интересов широчайших народных масс Китая. В этих условиях Мао Цзэдун и его приспешники спешили найти приемлемый для себя выход из создавшегося положения на путях раздувания военного психоза и дальнейшей милитаризации экономики. Состоявшийся в апреле 1969 г. IX съезд КПК официально закрепил курс на продолжение «культурной революции» и дополнил его новым положением Мао Цзэдуна, преследующим цель «тотальной подготовки к войне и стихийным бедствиям». При этом недвусмысленно давалось понять, что война может нагрянуть только «с севера», т. е. со стороны СССР.

Однако такая обанкротившаяся политика не только не встретила поддержки в народных массах, но и породила глубокий раскол даже среди правоверных маоистов, о чем убедительно свидетельствовали так называемые «сентябрьские события» 1971 г., в ходе которых с политической арены были устранены «лучший преемник председателя Мао» — Линь Бяо и ряд других видных деятелей

режима — членов Политбюро ЦК КПК. Потрясение оказалось очень ощутимым, а причины его в Пекине пытались настолько скрыть, что X съезд КПК в 1973 г. маоисты вынуждены были созвать в полусекретной обстановке. На съезде была задумана вторая «культурная революция», центральным вопросом которой должно было стать «дело Линь Бяо». В этой связи в феврале 1974 г. выдвигается лозунг: «Довести до конца борьбу и критику Линь Бяо и Конфуция». Вполне естественно, что трудящимся массам, да и большинству маоистов трудно было уяснить, какая существует связь между Линь Бяо и древним философом (Конфуций родился в 551 г. до н. э.). Но для Мао Цзэдуна это имело особый смысл: события приобретали неясный и мистический характер, следовательно, под огонь критики могли попасть все, кто был хоть в чем-то несогласен с ним. Задуманная кампания была направлена, таким образом, против партийных и государственных работников, недовольных «культурной революцией» и ее результатами, стремящихся к возрождению методов управления хозяйственной жизнью, характерных для периода до 1958 г.

Однако новая кампания не могла достичь желаемого развития, поскольку в ходе нее сам Мао Цзэдун вынужден был обращаться к вопросам, свидетельствующим о том, что разногласия с Линь Бяо носили принципиальный характер и затрагивали основы социальной и экономической политики маоизма. Как выяснилось из полемики с «мертвым тигром», Линь Бяо ставил под сомнение правомерность «культурной революции», отвергал репрессии и насилие, к которым Мао Цзэдун прибегал постоянно. Но более всего раздражало «великого кормчего» то, что «буржуазные перерожденцы и предатели из окружения Линь Бяо» осмелились требовать отказа от лозунга «политика — командная сила» и добивались утверждения «курса на развитие производительных сил», что не могло не вызывать определенной симпатии в массах к Линь Бяо. Именно в связи с этим «культурная революция» не получила поддержки в массах, которые сами имели возможность убедиться в пагубности политики и практики маоизма. К тому же еще были свежи в памяти «революционных масс» события, когда ставшие ненужными «великому кормчему» 7 млн. из 11 млн. «красных охранников» были насильственным образом сосланы

в глухие сельскохозяйственные районы на «трудовое воспитание». Не случайно поэтому определяющей чертой дальнейшего развития внутриполитического положения КНР остается его неустойчивость. Оно характеризуется обострением борьбы внутри правящей верхушки, между центром и периферией, вокруг вопросов о путях и методах дальнейшего развития китайского общества.

Понимая слабость и шаткость своих позиций, маоистское руководство КПК стремится всеми средствами предотвратить развал экономики, но по-прежнему ратует за то, чтобы к 2000 г. превратить Китай в «могучую державу», способную встать «в первые ряды стран мира». Однако растущая милитаризация, приготовления «на случай войны» отвлекают большие средства. На военные цели направляется свыше 40% всех бюджетных ассигнований, затрачивается огромное количество человеческого труда и материальных средств. И несмотря на то что стоимость валовой продукции промышленности и сельского хозяйства Китая в последние годы обнаруживает тенденцию к некоторому росту, средняя заработная плата рабочих остается практически на уровне 50-х годов и составляет 50—60 юаней в месяц, а в сельском хозяйстве она еще ниже — 15—20 юаней. Потребление многих продуктов питания и целого ряда промышленных товаров строго нормируется. Так, потребление зерна (включая и батат в пересчете на зерно в соотношении 4:1) ограничивается 11—20 кг в месяц на человека, мяса — 0,5 кг, хлопчатобумажных тканей — 4,5—8 м на человека в год и т. д.¹

Из сказанного следует, что всякие дальнейшие попытки практического воплощения в жизнь социально-экономической и политической доктрины маоизма неизбежно будут сопряжены для него с реальной угрозой его ликвидации вне зависимости от того, какими бы теоретическими концепциями ни прикрывались его опасные эксперименты. Однако уроки прошлого ничему не научили и новое руководство КПК, так как ничто практически не изменилось в Китае и после смерти «великого кормчего», последовавшей в сентябре 1976 г. Тем не менее она по-

¹ См. Маоистский режим на новом этапе. — Актуальные проблемы внутренней и внешней политики КНР. — Коммунист, 1975, № 12, с. 108.

служила сигналом к разворачиванию ожесточенной схватки между двумя главными соперничающими группировками за право наследования власти в маоистской партии и государстве. В борьбе победу одержали пока «прагматики» во главе с Хуа Гофэном и Дэн Сяопином. И как уже неоднократно бывало раньше, XI съезд КПК (1977 г.) зафиксировал смену власти и подтвердил верность нового руководства «идеям Мао Цзэдуна».

По последним сообщениям из Китая создается впечатление, что там наряду с подготовкой к войне предпринимаются некоторые шаги и по стабилизации положения дел в социально-экономической области. Но пекинской пропаганде не удастся обмануть мировое общественное мнение, ибо пусть даже изредка, но в печати все же появляются сообщения о том, что экономика страны «находится в состоянии развала». Материальное положение трудящихся не только не улучшается, но и продолжает ухудшаться, так как темпы роста населения далеко опережают темпы роста промышленного и сельскохозяйственного производства. Снижается покупательная способность юаня, а заработная плата рабочих в течение двух десятилетий остается на катастрофически низком уровне. Рабочие низших разрядов получали вплоть до 1975 г. только 30—34 юаня в месяц, и лишь заработная плата немногочисленной прослойки квалифицированных рабочих (8-го разряда) достигла примерно 100 юаней (1 юань = 45 коп.)¹. Только в 1977 г. последователи Мао Цзэдуна решились осуществить, наконец, некоторое повышение заработной платы: 46% работников государственных учреждений и предприятий были переведены на более высокие разряды и тем самым получили прибавку в 8 юаней в месяц. Что касается работников сельского хозяйства, то у них положение еще более незавидное. Около 1/4 крестьянских семей вообще не в состоянии прокормить себя. Согласно принятой в народных коммунах и производственных бригадах практике оплата труда сельскохозяйственного рабочего не должна превышать 200 юаней в год при стоимости одного трудодня по норме до 2 юаней². Следовательно, существенного изменения

¹ См. Китай после Мао Цзэдуна. — Коммунист, 1977, № 12, с. 113.

² См. там же, с. 114.

сложившегося в Китае положения пока нет. И это закономерно, ибо по своему существу идеология, политика и практика маоизма в корне противоречат насущным интересам китайского общества. А на мировой арене маоизм прямо смыкается с позицией самой крайней реакции: от милитаристов и врагов разрядки в западных странах до расистов Южной Африки и фашистских правителей Чили¹.

5. Маоизм на службе империализма

Печать мелкобуржуазного упрощенчества и схематизма лежит также и на рассуждениях маоистов по различным проблемам современного капитализма. Опираясь на марксистско-ленинскими категориями, они вкладывают в них свой смысл, извращают и выхолащивают их сущность. Подобная фальсификация марксизма-ленинизма была особенно характерна для Мао Цзэдуна. Тем не менее, как свидетельствует редакционная статья в «Женьминь жибао» от 1 мая 1977 г., маоистская пропаганда и ныне старается выдать «идеи» основоположника маоизма не иначе как за «вершину марксизма-ленинизма в наши дни».

Несостоятельность подобных претензий обнаруживается уже при первом знакомстве с маоистской трактовкой империализма. Для теоретиков маоизма характерна «левая» по форме, но правооппортунистическая по содержанию трактовка империализма, которая, несмотря на все словесные реверансы в сторону ленинской теории империализма, полностью игнорирует эту теорию, дающую научное объяснение сущности и основных признаков монополистического капитализма, его особенностей и политических черт, тенденций развития и его места в истории.

Коренной особенностью маоистской трактовки империализма является ненаучный, внеклассовый подход к его исследованию. Маоисты рассматривают империализм с позиций каутскианства, как определенный вид внешней политики, мало внимания обращая на его социально-экономическую природу или полностью игнорируя ее. Эта односторонняя оценка империализма, стремление пока-

¹ См. Материалы XXV съезда КПСС, с. 10.

зять его «бумажным тигром» и нарисовать картину сравнительно быстрой и легкой победы над ним характерны и для Мао Цзэдуна и для эпигонов маоизма. Так, и «бывшие» и нынешние маоисты неизменно считают, что Соединенные Штаты Америки в историческом плане являются страной, «быстро идущей под гору», капитализм там переживает глубокий кризис, а потому не является серьезным врагом.

Для обоснования своих тезисов маоисты подтасовывают факты, извращают смысл и значимость исторических событий. Вместо конкретно-исторического анализа действительности они предпочитают довольствоваться схемами, поверхностными аналогиями с прошлой историей. Весьма характерной в этом плане является попытка отождествить британский капитализм конца XIX века и современный капитализм. При всех имеющихся у них общих чертах подобное отождествление абсолютно несостоятельно. Такие экстраполяции ненаучны. В основе такого подхода лежит антинаучное положение, сформулированное в работе Мао Цзэдуна «Китайская революция и Коммунистическая партия Китая», где не усматривается никакой разницы между домонополистической и империалистической стадиями в развитии капитализма.

Опираясь на догмы Мао Цзэдуна, нынешнее китайское руководство надеется с их помощью дать анализ современной международной обстановки, выяснить сущность современного капитализма. На XI съезде КПК (август 1977 г.) Председатель КПК Хуа Гофэн утверждал, что председатель Мао Цзэдун «проанализировал» не только «развитие и изменение основных противоречий современного мира», но также и «политическое и экономическое положение разных стран» и сделал «научные обобщения стратегической обстановки в современном мире». Какова же цена этого анализа?

В одном из своих «философских» выступлений (18 августа 1964 г.) Мао Цзэдун, рассматривая современное капиталистическое общество и отмечая его неоднородность, декларативно заявлял, что «капиталистическое общество не такое уж чистое». Однако вместо конкретного анализа структуры современного капиталистического общества, его противоречий и тенденций развития Мао обращает внимание лишь на внешние проявления противоречий, причем допуская передержки. Он отмечает «элементы

отсталости» в «самом передовом капиталистическом обществе» — США, поскольку там в южных штатах существуют пережитки рабства, но не замечает диктатуры американских монополий, деспотического вмешательства буржуазного государства в экономическую жизнь, особенностей антимонополистической борьбы рабочего класса, существенных сдвигов в структуре общества, которые произошли со времени Линкольна. Весь анализ современного буржуазного общества сводится у Мао Цзэдуна к замечанию, что в США идет «очень острая борьба» с участием «негров-рабов».

Хотя маоисты не отрицают противоречий современного капитализма, однако в их интерпретации эти противоречия выглядят лишенными экономической основы. Так, Мао Цзэдун сформулировал «закон» развития империализма следующим образом: «Козни, поражение, вновь козни, вновь поражение и так до самой гибели». Очевидно, что он рассматривал империализм не как монополистическую стадию капитализма, а как одну из форм политики современного капитализма, т. е. с позиций каутскианства.

Отбрасывая экономическую основу становления и развития империализма, Мао Цзэдун и его последователи акцентируют внимание лишь на двух его моментах: агрессивности и экспансионизме. На XI съезде КПК вновь было подчеркнуто, что «империализм есть агрессия, есть война». Конечно, сам по себе этот тезис не вызывает возражений, однако в высказываниях маоистов упор на военно-политическую, агрессивную сущность империализма делается чисто декларативно, без анализа ее экономических причин, в ущерб социально-экономическому анализу современного капитализма.

При таком одностороннем, начетническом подходе к проблеме объективные законы общественного развития трактуются искаженно. Маоисты предлагают свои «законы», которые не только теоретически несостоятельны, но и практически вредны, ибо дезориентируют рабочий класс. Ведь из теории Мао Цзэдуна вытекает, будто империализм сам автоматически придет к краху.

Подобные рассуждения маоистов на деле служат интересам реакции, поскольку они снимают задачи активной борьбы с империализмом.

Игнорируя совокупность социально-экономических отношений в условиях империализма, маоисты намеренно односторонне выпячивают лишь его кризисную тенденцию. Поэтому не удивительно, что они вопреки историческим фактам рассматривают экономические кризисы в условиях капитализма не как циклические, а как постоянно нарастающие, перманентные. Опираясь на высказывание Мао Цзэдуна о том, что современный капитализм представляет собой «полный развал и раскол», который все время углубляется, нынешние маоисты делают вывод, что империализм лишь «обороняется» и неизбежно рухнет в ближайшие годы.

Строя подобные прогнозы, маоисты различают два «империализма» — «старый империализм», т. е. главным образом США, которых «бояться нечего», и «социал-империализм», т. е. Советский Союз, «молодое империалистическое государство», представляющее, по утверждениям маоистов, «большую опасность» для всего мира. Маоистский подход к характеристике империализма, отнесение Советского Союза к числу империалистических государств основывается на абсурдном утверждении о буржуазном перерождении Советского государства. Любые аспекты внутренней и внешней политики Советского Союза в кривом зеркале маоизма предстают как доказательства его перерождения. Так, высокоцентрализованная, плановая экономика СССР, основанная на общественной собственности на средства производства, изображается маоистами как признак монополистического капитализма. Активная внешнеэкономическая политика, научно-техническое сотрудничество, политические, культурные связи Советского Союза со странами мира, в особенности с молодыми освободившимися государствами, предстают в трактовке маоистов как «агрессивно-экспансионистское обличье» СССР. В целом попытка маоистов причислить Советский Союз к лагерю империализма является величайшей нелепостью, извращением и выхолащиванием важнейших положений об экономических мотивах и содержании империализма и несет к тому же заранее заданную политическую нагрузку. Ее сущность раскрывается в широко пропагандируемой маоистами теории «трех миров».

Основой данной теории является противопоставление США и СССР (по маоистской терминологии обе эти

страны относятся к «первому миру»), союза двух других «миров», а именно: развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки («третий мир») и капиталистических государств Европы, Канады, Японии и др. («второй мир»). По мнению Мао Цзэдуна, страны «третьего мира» (современные маоисты включают в него и ряд социалистических стран) и страны «второго мира» (в него преемники Мао Цзэдуна также включают ряд европейских социалистических стран) одинаково страдают от засилья американского империализма. Беря за основу чисто внешние, поверхностные явления в мировой политике, Мао Цзэдун утверждал, что придет день, когда «угнетенные японские монополии сбросят с себя американское ярмо».

Истоки теории «трех миров» восходят к 20-м годам, к началу политической деятельности Мао Цзэдуна. Известно, что в середине 20-х годов Мао Цзэдун выступил со своей трактовкой сущности китайской буржуазии. Находясь на позициях ненаучной, антима르크систской, распределительной теории происхождения классов, Мао Цзэдун излагал свое превратное представление о классе буржуазии, выделяя крупную буржуазию как «класс помещиков и компрадоров» и среднюю как «национальную буржуазию». Эти «два класса» Мао Цзэдун противопоставлял один другому, не видя их генетической и классовой общности, демонстрируя непонимание сущности китайского национального капитала. Компрадорская буржуазия, бюрократический капитал («правые гоминдановцы»), несомненно, были консервативны и являлись агентами империализма в Китае. Однако вкладывая капиталы в крупное производство, они объективно способствовали капиталистическому развитию Китая, становясь ядром национальной буржуазии.

Превратно представляя сущность китайского капитализма, перенося свои заскоружло-провинциальные, националистические взгляды на современный капитализм, игнорируя при этом новейшие изменения в системе последнего, Мао Цзэдун извращал и особенности современной антиимпериалистической борьбы. Свои прежние ошибочные взгляды он интерпретировал применительно к современной международной обстановке, фактически поставив на место компрадоров, бюрократического капитала США, а на место национальной китайской буржуазии —

капиталистические страны Европы, Канаду, Японию и др. Место КПК и китайского народа в маоистской схеме занял «третий мир», в который маоисты зачисляют и КНР. Таким образом вновь получал оправдание новый «единый фронт» борьбы, но теперь уже против «гегемонии сверхдержав».

Подобная перетасовка в научном отношении является явно надуманной. Фактически отрицая империалистическую сущность целой группы крупных капиталистических стран и отделяя их «китайской стеной» от США, маоисты демонстрируют свой неклассовый, геополитический, антиреволюционный подход к этим проблемам. Современные маоисты, полностью унаследовав эту «теорию», несколько ее «подправили», усилив антисоветское содержание. В нынешней трактовке теории «трех миров» маоисты стремятся подчеркнуть, что «второму» и «третьему миру» угрожают уже не две «сверхдержавы», а главным образом одна — Советский Союз. В этой связи они активно призывают к созданию «широкого фронта» борьбы с Советским Союзом прежде всего среди антикоммунистических, реакционных, националистических сил и проимпериалистических режимов.

Необходимо отметить, что как в прежнем, так и в нынешнем варианте псевдоантиимпериалистическая теория «трех миров» является в научном отношении несостоятельной, означает оправдание и поддержку эксплуататорской политики капиталистических государств, принижение значения борьбы пролетариата Западной Европы, Канады, Японии против «своих» капиталистов. Пытаясь представить страны «второго мира» в качестве союзников развивающихся стран, маоисты рассматривают последние как «основную силу» в борьбе против империализма, объявляя социалистический лагерь «несуществующим». При этом утверждается, что в современных условиях основным является не противоречие между капитализмом и социализмом, а противоречие между национально-освободительным движением и империализмом. Тем самым маоисты открыто противопоставляют свои взгляды марксистско-ленинской теории и опыту мирового социализма.

В документах коммунистических и рабочих партий, выработанных коллективными усилиями, дана научная оценка основного содержания современной эпохи, глав-

ных направлений и особенностей ее развития¹. Как подчеркивается в Заявлении Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в Москве в ноябре 1960 г., главное содержание, главное направление и главные особенности исторического развития человеческого общества в современную эпоху определяют силы, борющиеся против империализма, за социалистическое переустройство общества². Переход от капитализма к социализму, начатый Великой Октябрьской социалистической революцией, составляет основное содержание нашей эпохи. Мировая система социализма стала решающим фактором общественного развития.

За последние годы еще более окрепло мировое содружество братских народов социалистических стран — международный союз нового типа. Это подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». В постановлении отмечается: «Укрепление сплоченности социалистических стран, углубление братской дружбы между их марксистско-ленинскими партиями значительно увеличивают объединенную мощь и влияние социализма на ход международных событий. Ныне содружество социалистических стран стало самой динамичной экономической силой в мире, ведущим фактором мировой политики»³. Таким образом, в результате коренного изменения в соотношении сил на мировой арене историческая инициатива перешла к реальному социализму, преимущества которого раскрываются все более широко и полно. Это определяет особенности нынешнего противоборства двух противоположных общественных систем⁴.

Видя в единстве мирового антиимпериалистического фронта серьезное препятствие на пути осуществления своих великодержавных целей, маоисты стремятся изоли-

¹ См. Декларация Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, состоявшегося в Москве 14—16 ноября 1957 года; Заявление Совещания представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в Москве в ноябре 1960 года. — В кн.: Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., Политиздат, 1961.

² См. Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, с. 40.

³ О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977 года, с. 17.

⁴ См. Коммунист, 1977, № 17, с. 23.

ровать национально-освободительное движение от социалистического содружества и рабочего движения в развитых капиталистических странах. Именно на это и рассчитана демагогия о «гегемонии сверхдержав», ставящая СССР на одну доску с США, пытающаяся дискредитировать советскую внешнюю политику. Такая реакционная, проимпериалистическая политика оказывается откровенной ревизией ленинских указаний о связи национально-освободительного движения с борьбой международного пролетариата, являющегося «...единственным союзником всех трудящихся и эксплуатируемых сотен миллионов народов Востока»¹. Концепция «двух сверхдержав», как и теория «трех миров», игнорирует принципиальные различия между капитализмом и социализмом, их экономикой и политикой. Антимарксистский, антисоциалистический характер оценок современного положения в мире свидетельствует о том, что маоизм завершил свою мелкобуржуазно-националистическую эволюцию и превратился в пособника империализма и реакции.

Как противники научного социализма, маоисты хотели бы противопоставить марксистско-ленинской теории капитализма и империализма свою оригинальную теорию. Однако такие попытки не увенчались успехом. Хотя маоисты и критикуют капитализм, морально осуждают его, однако противопоставляют ему не реальный социализм, базирующийся на принципах марксизма-ленинизма, опыте Советского Союза, других социалистических стран, а свой мелкобуржуазный режим милитаризма и эгалитаризма, принудительного труда и политического деспотизма. Подобная политика является тормозом на пути развития мирового коммунистического и рабочего движения. Большую опасность для всех миролюбивых народов, как отметил XXV съезд КПСС, представляют лихорадочные попытки Пекина сорвать разрядку, не допустить разоружения, сеять недоверие и вражду между государствами, его стремление спровоцировать мировую войну, а самому погреть на этом руки. Такая политика Пекина глубоко противоречит интересам всех народов. «Теперь уже мало сказать,— подчеркивалось на XXV съезде КПСС,— что маоистская идеология и политика несовместимы с марксистско-ленинским учением. Они прямо враждебны ему»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 330.

² Материалы XXV съезда КПСС, с. 11.

Своим беспрецедентно наглым разбойничьим нападением на социалистический Вьетнам нынешние пекинские правители окончательно раскрыли перед всем миром коварную, агрессивную сущность проводимой ими великодержавной, гегемонистской политики. Отмечая это, Л. И. Брежнев подчеркнул: «Теперь все видят, что именно эта политика в настоящее время представляет собой самую серьезную угрозу миру во всем мире. Теперь более, чем когда-либо, ясна вся опасность любых форм пособничества этой политике»¹.

¹ Брежнев Л. И. Во имя счастья советских людей. Речь на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа г. Москвы 2 марта 1979 г. М., Политиздат, 1979, с. 17.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Социал-реформизм и современная идеологическая борьба	7
1. Социально-экономические корни и противоречия реформизма	7
2. Реформистская концепция «трансформации капитализма»	15
3. Реформистская трактовка международных экономических отношений	25
4. «Демократический социализм» — доктрина реформизма	31
Глава 2. Экономические концепции социал-реформизма в развитых капиталистических странах Западной Европы	41
1. Экономические концепции Австрийского реформизма	41
2. Идейные позиции западногерманского реформизма	59
3. Экономическая платформа правых лейбористов	84
Глава 3. Экономические фальсификации эпигонов троцкизма	105
1. Причины гальванизации троцкизма	105
2. Современные эпигоны троцкизма	108
3. Трактовка проблем классического капитализма	113
4. Троцкистская трактовка империализма	118
5. Антисоциалистический характер троцкизма	122
Глава 4. Антимарксистская сущность маоизма	128
1. Победа народной революции и начало социалистического строительства в Китае	129
2. Второй пятилетний план развития народного хозяйства КНР и новая генеральная линия КПК	135
3. «Большой скачок» и наступление на права трудящихся	143
4. Политика «урегулирования» и дальнейшие зигзаги маоистского курса	148
5. Маоизм на службе империализма	156

Критика современных мелкобуржуазных экономических теорий/Под ред. Ф. Я. Полянского.— М.: Экономика, 1979.— 166 с.— (Критика буржуазной идеологии и ревизионизма)

Монография подготовлена коллективом ученых кафедры народного хозяйства и экономических учений МГУ имени М. В. Ломоносова. В ней дается критический анализ экономических концепций реформизма, ревизионизма и других наиболее распространенных форм выражения мелкобуржуазной идеологии. Авторы выявляют социально-экономическую природу мелкобуржуазной идеологии, ее теоретическую и практическую несостоятельность.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, студентов, аспирантов экономических вузов и факультетов, преподавателей общественных дисциплин, пропагандистов.

К $\frac{10702-056}{011(01)-79}$ 5—79. 0603010300

ББК 65.02
33.049

**КРИТИКА СОВРЕМЕННЫХ МЕЛКОБУРЖУАЗНЫХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ.**

Под редакцией
ФЕДОРА ЯКОВЛЕВИЧА ПОЛЯНСКОГО

Зав. редакцией *М. А. Борисовская*
Редактор *Р. В. Мацук*
Мл. редактор *Э. И. Дмитришко*
Худож. редактор *В. П. Рафальский*
Техн. редактор *Н. Ф. Сотникова*
Корректор *А. С. Рогозина*

ИБ № 935

Сдано в набор 28.12.78. Подписано в печать 14.05.79. А-10842.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 2. Обыкновенная, новая гарнит. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,82. Уч.-изд. л. 8,89. Тираж 11 000 экз.
Зак. 145. Цена 80 коп. Изд № 4612.

Издательство «Экономика» 121864. Москва, Г-59,
Бережковская, наб., 6.

Ленинградская типография № 4 Ленинградского производственного объединения «Техническая книга» Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, Д-126, Социалистическая, 14.